

Л. ВАСИЛЬЕВ

Внушение

НА РАССТОЯНИИ

(Заметки физиолога)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1962

В науке огромное множество фактов твердо установленных, проверенных практикой человеческой деятельности. Опираясь на них, люди строят теории, рисуют смелые картины будущего. И нет здесь ничего таинственного и мистического. Но есть область фактов, которая обычно обозначается словами «телепатия», «бессловесное внушение», «мозговое радио». Как правило, буржуазные ученые и философы описание таких фактов облачают в мистическую форму, прибегают для их объяснения к сверхъестественным силам, к богу. В наше время наука вплотную подошла к раскрытию «загадочных» явлений, называемых телепатическими. Опираясь на эксперименты, автор книги — член-корреспондент Академии медицинских наук СССР проф. Л. Л. Васильев, известный уже читателю по брошюре «Таинственные явления человеческой психики», делает попытку научно истолковать факты внушения на расстоянии. Опровергая религиозно-идеалистическую интерпретацию телепатической связи, он показывает, какую теоретическую и практическую ценность имеют исследования этой проблемы.

Конечно, многие выводы проф. Л. Л. Васильева могут казаться лишь вероятными, и дальнейшее развитие науки даст окончательную ясность в изучаемые вопросы. Но ведь читателя интересует не только то, что уже сделано или решено, но и то, что еще не выяснено, что является предметом внимательного изучения и оживленных споров.

Книга предназначена для широких кругов читателей.

Отзывы о книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, Мисская пл., д. 7, Госполитиздат, редакция литературы по марксистско-ленинской философии и научному социализму.

Явления телепатии не могут подлежать сомнению. Не только накопилось огромное количество соответствующего фактического материала, но и чуть не каждый поживший семьянин не откажется сообщить о лично им испытанных телепатических явлениях. Почтенна попытка объяснить их с научной точки зрения.

К. Э. Циолковский

I. ИСТОРИЯ ВОПРОСА. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

В своей книжке, посвященной научному истолкованию так называемых «таинственных явлений» человеческой психики¹, автор уже имел случай рассказать читателям о словесном внушении и об удивительных явлениях, внушением вызываемых. Многократным повторением слов: «Засыпайте, засыпайте! Спите! Спите глубже, спокойнее!» тому, кто внушает, удается погружать некоторых испытуемых в гипнотический сон. Особенности этого сна были подробно изучены в нашей стране В. М. Бехтеревым, а его физиологическая основа вскрыта опытами И. П. Павлова, его учением о высшей нервной деятельности. В гипнотическом сне чрезвычайно повышается внушаемость. Благодаря этому гипнотикам удается словесно внушить очень многое: разного рода движения, те или иные поступки, иногда очень сложные; различные ощущения, иллюзии, даже галлюцинации; и более того, создается возможность воздействовать словом на физиологические отправления организма, казалось бы, вовсе не управляемые волей, психикой испытуемого. Например, вызвать у него внушенный ожог.

Некоторые из этих явлений удается в ослабленном виде вызывать словесным внушением и у неусыпленных испытуемых, если только им свойственна уже в бодрственном состоянии повышенная «сверхнормальная» внушаемость.

Подобного рода факты были в какой-то мере известны еще греческим и римским врачам, но прошли

¹ См. Л. Л. Васильев. Таинственные явления человеческой психики. Госполитиздат, 1959.

столетия, прежде чем гипноз и внушение были признаны окончательно установленными и составили содержание особой науки — гипнологии.

В той же книжке, в главе, посвященной вопросу о том, существует ли мозговое радио, автор уже коснулся темы данной брошюры: непременно ли внушение должно быть словесным, т. е. вызываться понятными испытуемому словами? Возможно ли еще и «бессловесное», «мысленное» внушение, такое, когда экспериментатор внушает что-либо не произносимыми вслух словами, а всего лишь мысленно повторяемым приказом, находясь иногда на значительном расстоянии от испытуемого?

Мысленное внушение принадлежит к таким вопросам, которые в течение столетий то овладевают вниманием ученых, то выбрасываются в мусорный ящик псевдонаучных исканий человеческого ума (в истории науки их было не мало), то снова всплывают на поверхность, обогащенные новыми наблюдениями, и опять забываются на многие годы.

В зарубежных странах, особенно в США, Англии, Франции, Голландии, Индии, Аргентине, а также в некоторых социалистических странах исследованию названного явления уделяют большое внимание. В капиталистических государствах имеются институты, лаборатории, даже университетские кафедры (например, в Утрехте), занимающиеся исследованием мысленного внушения и других связанных с ним «парапсихических» явлений¹.

Время от времени из-за рубежа проникают к нам сведения о сенсационных опытах и открытиях в области изучения мозга и психики. Так, например, в декабре 1959 г. и феврале 1960 г. во французских научно-популярных журналах появились статьи с описанием сенсационного опыта, якобы проведенного летом 1959 г. на борту американской атомной подводной лодки «Наутилус». Лодка с находившимся на ней

¹ Парапсихология (или метапсихология) — одна из новейших отраслей психологии, изучающая еще мало исследованные проявления нервно-психической деятельности человека, относящиеся главным образом к восприятию содержания чужой психики и объектов внешней среды без посредства известных нам органов чувств (Extrasensory Perception).

участником опыта (А) на 16 суток погрузилась на дно Атлантического океана. Другой участник опыта (В), оставшийся на берегу, два раза в день, в строго определенное время, мысленно внушал испытуемому А одну из пяти фигур: круг, квадрат, крест, звезда, волнистые линии. Многочисленные карточки с изображением этих фигур автоматически перемещались особым прибором, который через равные интервалы времени выбрасывал эти карточки одну за другой. Точно в то же самое время испытуемый А на расстоянии многих сотен километров, через толщу морской воды и герметически замкнутую металлическую обшивку лодки пытался воспринять эти мысленно передаваемые сигналы и записывал их на бумаге. Опыт проводился в условиях безупречного, по всей видимости, контроля за участниками опыта, продолжался 16 дней и дал результат, более чем в 3 раза превосходящий тот результат, какой можно было ожидать по теории вероятностей: свыше 70% правильных ответов вместо ожидаемых 20%¹.

Мы, конечно, вправе верить или не верить подобным сведениям, приходящим из-за рубежа, признавать или не признавать явления мысленного внушения установленным фактом, однако полное отрицание и игнорирование их вряд ли можно считать благоразумным. Надо быть в курсе того, что уже сделано и что делается по данному вопросу в капиталистических странах, не говоря уже о том, что надо всему этому дать правильное, материалистическое объяснение. Вот почему в Физиологическом институте Ленинградского университета в 1960 г. под руководством автора этих строк была организована первая в Советском Союзе лаборатория для изучения мысленного внушения².

Прежде всего нужно было ознакомиться с обширной литературой, накопившейся за последние два-три десятилетия. В некоторой степени это удалось сделать

¹ J. Bergier. La transmission de pensée — arme de guerre. «Constellation», 1959, № 140, p. 99; G. Messadié. Du Nautilus. «Science et vie», 1960, № 509, p. 32.

² Изучение этого явления производилось автором и его сотрудниками в специальной лаборатории Бехтеревского института мозга в 1932—1937 гг. Некоторые полученные тогда данные впервые публикуются в этой брошюре.

и частично использовать изученную литературу при написании этой брошюры.

Начнем с изложения истории вопроса о мысленном внушении. Читатель, наверное, захочет узнать, кто и когда впервые отважился отнестись к мысленному внушению не как к суеверию или досужей выдумке, а как к предмету, достойному внимания и серьезного изучения.

С давних времен в биографиях и автобиографиях выдающихся людей, в мемуарной литературе, в журнальных и газетных статьях приводились разнообразные, поражающие своей загадочностью случаи, почерпнутые из повседневной жизни. В общей форме они могут быть выражены такими словами: если некто А в данный момент умирает, подвергается опасности или с ним происходит какое-нибудь важное, волнующее событие, то случается, что другое лицо (назовем его Б), связанное с первым узами родства, любви или дружбы, в это же самое время на расстоянии (иногда очень большим) переживает психическое состояние (чувство, зрительный образ), которое так или иначе отражает событие, происходящее с лицом А.

Часто это происходит во сне, в виде сновидения, а у нервно больных людей в период обострения психической восприимчивости; но такие случаи бывают и у вполне здоровых лиц в состоянии полного бодрствования. Приведу два примера, заимствованных из надежных литературных источников.

В предисловии к первому посмертному академическому изданию сочинений М. В. Ломоносова (1765 г.) содержится рассказ его друга академика Штолина, записанный им со слов самого Михаила Васильевича в следующих выражениях¹:

«На возвратном пути морем в отечество (из Германии. — Л. В.) единожды приснилось ему, что видит выброшенного, по разбитии корабля, отца своего на необитаемый остров в Ледяном море, к которому в молодости своей бывал некогда с ним принесен бурей. Сия мечта впечатлелась в его мыслях. Прибыв в Пе-

¹ Подлинная запись Штолина сохранилась в архиве историка М. П. Погодина и была опубликована в его книге «Простая речь о мудреных вещах». М., 1875, стр. 37.

тербург, первое его попечение было навеститься от Архангелогородцев и Холмогорцев об отце своем. Нашел там родного своего брата и, услышав от него, что отец их того же года, по первом вскрытии вод, отправился, по обыкновению своему, в море на рыбный промысел; что минуло уже тому четыре месяца, и ни он, ниже кто другой из его артели, поехавших с ним, еще не воротились. Сказанный сон и братние слова наполнили его крайним беспокойством. Принял намерение проситься в отпуск, ехать искать отца на тот самый остров, который видел во сне, чтоб похоронить его с достою честию, если подлинно найдет там тело его. Но обстоятельства не позволили ему произвести намерения своего в действо. Принужден был послать брата своего, дав ему на дорогу денег, в Холмогоры, с письмом к тамошней артели рыбаков, усиленно их в оном прося, чтобы, при первом выезде на промысел, заехали к острову, коего положение и вид берегов точно и подробно им писал; обыскали бы по всем местам, и если найдут тело отца его, так бы предали земле. Люди сии не отреклись исполнить просьбы его, и в ту же осень нашли подлинно тело Василия Ломоносова точно на том пустом острове, и погребли, возложив на могилу большой камень. Наступившею зимою был он (М. В. Л-в) о всем оном извещен».

За давностью лет трудно судить о том, имел ли этот случай характер мысленного внушения и от кого это внушение исходило. Но вот другой, более отчетливый случай, записанный всем известным критиком музыкальных и художественных произведений В. В. Стасовым¹.

«У моей сестры был в конце 40-х годов жених, блестящий гвардейский офицер, служивший в конной артиллерии, очень образованный и светский. Приближалась помолвка, свадьба казалась близкой и совершенно несомненной. И этот жених вдруг ее покинул и почти мгновенно женился на другой (по требованию отца)... Моя сестра сошла с ума. Это было страшное, мучительное время в нашем семействе. Все мы жили

¹ См. В. В. Стасов. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899, стр. 25—26. (Н. В. Стасова известна как основательница первых Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге).

одним только общим несчастьем, никуда не ходили и ни с кем не виделись. Страшная трагедия целый день шла в доме... Но тут-то нам довелось быть свидетелями невообразимых чудес. Наш доктор, тогда один из выдающихся врачей Петербурга, решил лечить нашу сестру магнетизмом (т. е. гипнотическими сеансами. — Л. В.). У него были черные проницательные глаза, и перед нами прошли сцены, которым мы все никогда не поверили бы, если бы нам рассказывали их другие, а не сами их видели. Мы никогда не верили ни верчению столов, ни вызываниям духов, ни прочим модным забавам и затеям, но что мы тут увидели, тому нельзя было не поверить.

Усыпленная глазами доктора и магнетическими поведением его рук или надетым ей на руку намагнетизированным кольцом, моя сестра сама начинала приказывать, чем ее лечить, и мы, стоявшие кругом ее постели братья и сестры, записывали, что тогда она говорила и приказывалось. У нас до сих пор сохранились тетради с нашими записями. Всего поразительнее было то, как иногда среди своей тихой, медленной речи, каким-то гробовым голосом она вдруг вскрикивала, словно кто больно уколол ее булавкой: «Он едет!» Мы бросались к отворенному балкону — и в самом деле видели из-за занавеса, что он, беззаботный, равнодушный и жестокий, проезжал мимо.

Ее перевезли (по ее приказу) в Парголово, где никто из нас до тех пор не бывал, и лечение продолжалось. Под конец лета, среди магнетического сна, она однажды вскрикнула: «Он в парке», и скоро потом пришла домой наша тетя, от обедни в первом Парголове, и рассказывала, что в парке встретила его с молодой женой. Это был второй или третий день их свадьбы; они приехали вдвоем погулять за городом и конечно не подозревали, что наше семейство именно в этих краях теперь живет. К осени Надя сталаправляться, и мы вздохнули свободно.

В 1882 г. в Лондоне было основано «Общество для изучения загадочных явлений психики». Его основная задача состояла в собирании и строжайшей проверке достоверности случаев, подобных тем, которые только что были нами приведены. В этом деле приняли участие крупные английские ученые — психологи, физио-

логи, физики. Трое из них — Герней, Майерс и Подмор в 1886 г. опубликовали результаты этих исследований в объемистой книге¹ и ввели в обращение сохранившийся до сих пор греческий термин «телепатия» (дословно — чувствование на расстоянии). Они же подразделили телепатические явления на «спонтанные» (происходящие самопроизвольно в обыденной жизни) и «экспериментальные» (преднамеренно вызываемые экспериментатором у испытуемых лиц посредством специально поставленных для этого опытов).

Надо сказать, что телепатические опыты впервые начали производить магнетизеры, последователи австрийского врача Месмера, предшественники современных гипнологов. В 1850 г. профессор физиологии и вместе с тем врач-магнетизер англичанин Майо писал: «Замagnetизированное лицо, утратившее способность собственного осязания, или вкуса, или обоняния, ~~осязает, вкушает и обоняет~~ все то, что воспринимается внешними чувствами магнетизера»². Это называлось тогда «общностью ощущений», объяснялось передачей «флюида» (иначе «животного магнетизма») от магнетизера к магнетизируемому и вместе с «магнетической теорией» было отвергнуто и предано забвению³.

¹ E. Gurney, F. Myers and F. Podmore. *Phantasms of the Living*. London, 1886. Эта книга была переведена на многие языки, в том числе и на русский: «Призванные призраки и другие телепатические явления», Спб., 1893.

² Цит. по кн. У. Ф. Барретт. *Загадочные явления человеческой психики*. М., 1914, стр. 58.

³ Придавая значение этим опытам магнетизеров, знаменитый русский химик А. М. Бутлеров еще в 1875 г. писал: «Что влияние сил, проявляющихся в материи, может иметь место на расстоянии — это всеми признано: тяготение, действие магнитов, взаимное влияние токов, действие токов на магниты и на железо и пр. и пр. — все это несомненно установленные факты. В чем же затруднение, если дело идет о том, чтобы допустить влияние сил, присущих одному организму, на действие сил в другом организме, если оба они поставлены в известные, определенные отношения один к другому? Почему же нервные токи организмов не могут взаимодействовать, подобно тому, как взаимодействуют электрические токи в проводниках, причем один ток может возбуждать, или угнетать другой, или давать определенное положение проводнику, когда он подвижен? Мне кажется, тот, в чьем понятии вся духовная жизнь человека сводится к разнообразным движениям более или менее мелких частиц нервной системы, должен тем

Однако четверть века спустя крупный английский физик Баррэт возобновил опыты такого рода. Ему случилось экспериментировать с деревенскими детьми, погружая их в гипнотический сон. Одна девочка оказалась исключительно чувствительной не только к обычному словесному внушению, но и к внушению бессловесному — мысленному. Вот как описывает свои опыты сам автор.

«Я перенес кое-что из кладовой для съестных припасов на стол около себя и, стоя позади девочки, глаза которой я тщательно завязал, взял немного соли и положил себе в рот; моментально она сплюнула и воскликнула: — Почему вы кладете мне в рот соль? Затем я отдал сахар; она сказала: — Это лучше! На вопрос, на что это похоже, она отвечала: — Это сладкое! Потом я попробовал горчицу, перец, имбирь и т. п., и все девочка называла и ощущала, по-видимому, на вкус, когда я клал пряности в свой рот. Я положил руку на зажженную свечу и слегка обжегся; девочка продолжала сидеть ко мне спиной с завязанными глазами и, однако, в тот же момент закричала, что обожгла руку, причем обнаружила явное страдание»¹.

В 1876 г. проф. Баррэт решил доложить свои удивительные наблюдения на собрании Британской ассоциации для распространения наук, выдвинув при этом гипотезу непосредственной передачи мысли от мозга к мозгу. Это был первый научный доклад на данную тему; как и следовало ожидать, успеха он не имел². Но мало-помалу подобные опыты стали производить и другие ученые, в том числе знаменитый французский физиолог Шарль Рише, лауреат Нобелевской премии. Особенно чувствительные к мысленному внушению испытуемые, подобные девочке проф. Баррэта, встречаются очень редко. Поэтому Рише начал ставить сотни и тысячи опытов на обычных (специально для опытов не отобранных) испытуемых, оставляя их в бодрственном состоянии. Чтобы определить степень

более понять и допустить, по аналогии, возможность проявляющегося в месмеризме (по современному — гипнотизме. — Л. В.) взаимодействия организмов» (журнал «Русский вестник»).

¹ У. Ф. Баррэт. Загадочные явления человеческой психики, стр. 60.

² W. F. Barrett. Some Phenomena Associated with Abnormal Conditions of Mind. Glasgow, 1876.

достоверности получаемых результатов, Рише стал обрабатывать их методами статистики. По его данным, число правильных угадываний задуманных игральные карт обычно превышает число случайных угадываний, указываемых теорией вероятностей, но это превышение не всегда бывает достоверным. И опять-таки только у некоторых редко встречающихся испытуемых (их стали называть «сенситивами») получаются более убедительные результаты. Заслуга Рише состоит, таким образом, в том, что он первый стал применять количественные методы изучения телепатических явлений, дающие результаты, пригодные для математического анализа. Ему же принадлежит и общепринятый теперь термин — мысленное внушение¹.

Стоит отметить, что этот выдающийся физиолог имел в своей жизни факты спонтанного проявления парапсихических способностей, подкреплявшие его убеждение в реальном существовании этих явлений. Ученик и последователь Рише, д-р Жан Ру, передает в одной из своих статей следующий рассказ учителя.

«В 1907 г. около 8 часов утра я еще довольно глубоко спал. Мне снилось, что я нахожусь в обществе г-жи Шарко², с которой я не был знаком, никогда не разговаривал, которую никогда не видел. Мы ехали с нею в автомобиле по платановой аллее. Она вела машину и так быстро, что я опасался несчастного случая. Мой сон был прерван почтальоном, доставившим мне заказное письмо. Когда я взял это письмо, мне сейчас же представилось (почему? — это очень странно), что существует какая-то связь между письмом и моим сновидением... И действительно, письмо было послано моим другом полковником Шав, который просил в нем моей рекомендации для Жана Шарко, сына профессора и г-жи Шарко. Жан Шарко, которого я также не знал, должен был через несколько недель приехать на своей яхте на Азорские острова, где я тогда находился»³.

¹ Ch. Richet, La suggestion mentale et la calcul des probabilités. «Revue philosophique», 1884, № 18.

² Жены его учителя, знаменитого французского профессора-невропатолога Шарко (Charcot).

³ J. Ch. Roux, Les messages du subconscient. «Revue Métapsychique», 1937.

Совпадения такого рода имеют чрезвычайно малую вероятность, граничащую с невероятностью. Поэтому они поражают и часто убеждают в существовании мысленного внушения тех, кому доводилось иметь их в своем жизненном опыте. В новейшее время нечто подобное произошло и с другим знаменитым ученым — Гансом Бергером, основателем электроэнцефалографии (регистрации биотоков коры головного мозга с помощью осциллографа). После лично пережитых случаев спонтанной телепатии Бергер стал усердным исследователем мысленного внушения и написал на эту тему небольшую монографию, изданную в 1940 г.¹ То же самое можно сказать и о некоторых всем известных писателях. Например, авторами научных статей и экспериментальных исследований по мысленному внушению были Марк Твен² и Уптон Синклер³. Яркие описания подобных явлений встречаются в художественных произведениях таких писателей, которых менее всего можно заподозрить в пристрастии к мистике: Эмиля Золя (роман «Париж»), Ромена Роллана («Жан Кристоф»), В. Г. Короленко (рассказ «Федор Бесприютный»), Куприна («Олеся», «Молох»), Константина Симонова (повесть «Дни и ночи»).

Теперь мы можем точнее определить основные понятия и термины, общие как для спонтанной, так и экспериментальной телепатии. Это пригодится нам в дальнейшем изложении вопроса.

Телепатия — это особая форма информации или общения живых существ, выражающаяся в непосредственном (т. е. без посредства известных нам органов чувств) влиянии нервно-психических процессов одного существа на нервно-психические процессы другого существа. Из этого определения видно, что в каждом случае телепатии участвуют по крайней мере два существа (*«телепатическая пара»*) — то, у которого первично возник данный нервно-психический процесс, и то, у которого в связи с этим возник такой же или более или менее сходный нервно-психический про-

цесс. *Лицо, оказывающее на другое лицо телепатическое влияние, передающее ему телепатическую информацию, принято называть «телепатическим индуктором», или «агентом».* Лицо, которое непосредственно на расстоянии воспринимает такое влияние или информацию, называют *«телепатическим перципиентом».* Процесс, который происходит в нервно-психической сфере индуктора, обозначают словами *«телепатическая индукция»*, а процесс, который происходит в нервно-психической сфере перципиента, называют *«телепатической перцепцией».* Само содержание телепатической индукции и перцепции принято называть *«телепатемой».* То, что телепатически воспринимает перципиент, далеко не всегда в точности соответствует тому, что было телепатически послано индуктором. Поэтому необходимо различать два понятия — *«телепатема индуктора»* и *«телепатема перципиента».* Старинное слово *«телепатема»* теперь часто заменяется выражением *«телепатическая информация».*

В начальный период изучения телепатии Баррэт, Майерс и многие другие пионеры парапсихологии усматривали в телепатических явлениях подтверждение своим идеалистическим воззрениям и даже религиозным верованиям. Они верили, что души умерших могут телепатически влиять на живых с целью доказать им свою «самоличность», свое существование после смерти. Телепатия оказалась, таким образом, на службе у модного тогда спиритизма — веры в духов. Эта мистическая романтика на многие десятилетия скомпрометировала исследования телепатических явлений в глазах трезво мыслящих ученых. Скомпрометирован был и самый термин *«телепатия»*¹, да и вся зародившаяся тогда парапсихология.

На дальнейшую судьбу парапсихологических исследований решающее влияние оказала борьба двух извечно противоположных философских воззрений, которая с особой силой развернулась в те годы в области психологии. Психологи-идеалисты, составлявшие большинство, упорно держались за старое: дух первичен, материя вторична, всего лишь производное духа;

¹ Я все же считаю возможным употреблять этот термин, так как он широко распространен в современной парапсихологической литературе.

¹ Hans Berger. Psyche. 1940.

² См. Марк Твен. Полное собрание сочинений, т. 2—3. СПб., 1911. Mark Twain. Mental Telegraphy. Harper's New Monthly Magazine, LXXIV, 1894.

³ Upton Sinclair. Mental Radio, Pasadena Station, 1930, USA.

материя подчинена принципу причинности, категориям времени и пространства; дух же свободен, он не знает причинной зависимости, действует вне времени и пространства. Психологи-материалисты отстаивали обратное: дух, душа — производное мозга, его функция; психические явления неразрывно связаны с мозговыми физиологическими процессами и вместе с ними строго детерминированы, протекают во времени и в пространстве. Чаша весов в этом великом споре стала склоняться на сторону психологов-материалистов лишь после того, как им на помощь выступили ведущие физиологи, вооруженные экспериментальными методами исследования мозговых функций: в России — И. М. Сеченов, во Франции — Шарль Рише, затем В. М. Бехтерев и, наконец, И. П. Павлов — творец физиологии высшей нервной деятельности¹.

Тот же путь проходит теперь и парапсихология. Изучая самые сокровенные, по большей части идущие из подсознательной сферы, уклоняющиеся от повседневной нормы — «паранормальные» — проявления психики, парапсихология, естественно, отстает в своем развитии от других разделов психологической науки. В ней и сейчас очень сильны идеалистические тенденции, стремления видеть в телепатических и других подобных им явлениях нечто свободное от причинной зависимости, протекающее вне времени и пространства. К этому мы еще вернемся в заключительных главах. Теперь же остановимся лишь на одном типичном примере — высказываниях по данному вопросу видного современного физика и вместе с тем парапсихолога Паскуаля Иордана. Здесь уже нет бьющего в глаза спиритуализма Баррэта и Майерса. На идеалистические по существу тенденции наброшен покров, сотканный из далеко идущих, крайних положений современной физики.

В статье, озаглавленной «Парапсихологический смысл исследования в атомной физике»², этот автор

¹ Краткий исторический очерк борьбы материализма с идеализмом в области психологии см. в моей научно-популярной брошюре «Современная физиология о психической деятельности». Л., 1950.

² Pascual Jordan. Parapsychological Implications of Research in Atomic Physics. «International Journal of Parapsychology», Autumn 1960, p. 5.

пытается провести некоторые аналогии в развитии этих двух, казалось бы, столь различных научных направлений. Опираясь на высказывания авторитетнейших физиков Нильса Бора и Вернера Гейзенберга, он утверждает, что общепризнанная в настоящее время квантовая теория явилась опровержением принципа причинности в области атомной физики. «Внутри самих вещей, — утверждает Иордан, — мы должны признать существование присущей им, подлинной, объективной индетерминированности (indeterminancy)».

Далее на нескольких примерах (на наш взгляд неубедительных) автор стремится показать, что этот «принцип атомной физики» применим и к проблеме причинности в биологии, психологии, особенно же парапсихологии. Ни слова не сказав о достижениях Сеченова, Павлова и других, установивших принцип детерминизма (причинной обусловленности) в физиологии высшей нервной деятельности и психологии, Иордан возрождает обретшавшее учение о свободе воли. «По существу невозможно, — пишет он по этому поводу, — предсказать, подсчитать заранее или предопределить акты решений живого существа. Невозможность сделать это не обусловлена современным состоянием знания, но вытекает в основном из самой природы вещей».

Что касается явлений парапсихологического порядка, то Иордан не только отказывается признать их причинно обусловленными, но и считает, что они протекают вне воспринимаемого нами трехмерного пространства и вне времени. Упоминая о случаях телепатии; наблюдавшихся при очень больших расстояниях между индуктором и перцепиентом, Иордан считает необходимым раз и навсегда отказаться от попыток объяснить такие явления передачей какой-либо энергии «в трехмерной раме нашей действительности». То, что далеко отстоит в трехмерном пространстве, может оказаться рядом в пространстве высших измерений. Это поясняется примером: «две точки на листе бумаги, находящиеся далеко друг от друга, могут сблизиться как только мы сложим лист вдвое» (т. е. от двухмерного пространства перейдем к трехмерному).

Наконец, Иордан вслед за проф. Альфредом Венцелем допускает «возможность восприятия двухмерного

времени», что якобы тоже может иметь значение для понимания некоторых парапсихических явлений. Надо отказаться от обычного понимания времени, пространства, причинности, чтобы уяснить себе сущность парапсихических явлений — вот что предлагает Иордан¹.

Воинствующими идеалистами выявляют себя и ведущие современные парапсихологи-экспериментаторы Рейн и Соул. Менее заражены духом философского идеализма французские парапсихологи, последователи Рише. Более всего склонные к позитивизму, они стремятся «очистить» парапсихологию от какой бы то ни было философии, а тем более религии. Таков, например, в своих высказываниях Роберт Амаду, автор обстоятельно написанной монографии, трактующей о происхождении и современном состоянии парапсихологии. По его мнению, как защитники, так и противники этой науки должны руководствоваться словами великого исследователя Пастера: «Здесь нет ни религии, ни философии, ни атеизма, ни материализма, ни спиритуализма. Это вопрос фактов и только фактов»². Очень редки за рубежом парапсихологи-материалисты. К их числу, как мне кажется, можно причислить Рафаэля Херумьяна; хорошо владея русским языком, разбираясь в исследованиях Павлова, Введенского, Ухтомского, Быкова, он прилагает усилия к тому, чтобы парапсихические явления осмыслить физиологически, в духе материалистической философии³.

¹ Подобные высказывания современных физиков недалеко ушли от учения германского философа-идеалиста Артура Шопенгауэра. В своих сочинениях «О воле в природе», «Parerga» он касается различных явлений, именуемых ныне парапсихическими. «Все эти явления, — пишет Шопенгауэр, — суть ветви одной и той же отрасли и дают неоспоримые доказательства существования связи существ, которая поконится на совершенно другом порядке вещей, чем та природа, которая имеет в основании своем законы пространства, времени и причинности; этот иной порядок есть более глубокий, первоначальный и непосредственный, перед ним первые и обыкновенные законы природы, как чисто формальные, недействительны; поэтому время и пространство не разделяют более индивидуумов, и зависящее от этих форм разъединение их уже более не ставит преград, неодолимых для сообщения мыслей».

² См. Robert Amadou. La Parapsychologie (Essai historique et critique). Paris, 1954, p. 317.

³ R. L. Kherumian. Introduction à l'étude de la connaissance parapsychique. «Revue Métapsychique». 1948, (Paris) № 1; 2, 3.

Перед советскими учеными стоит нелегкая задача критически рассмотреть все утверждения современной зарубежной парапсихологии. В исследовании парапсихических явлений, и в первую очередь телепатии, участвуют наряду с психологами физики и физиологи. Это — пограничная, весьма сложная область знания, требующая комплексного изучения.

Соответственно этому в предлагаемой брошюре сперва предоставляется слово психологам (главы II, III, IV, V, VI, VII), затем проблема телепатии рассматривается в биологическом (главы VIII, IX) и далее в физическом аспекте (главы X, XI). В заключительной главе (XII) говорится о теоретическом, философском значении данной проблемы и о ее возможном практическом применении.

II. СЛУЧАИ ИЗ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ, ПРИНИМАЕМЫЕ ЗА ВНУШЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ

Мы дальше увидим, что только экспериментальное исследование мысленного внушения может дать надежное доказательство существования телепатических явлений. Тем не менее не следует пренебрегать изучением и многообразных случаев спонтанной телепатии. Ее проявления часто помогают уяснить себе результаты телепатических экспериментов. С другой стороны, случаи спонтанной телепатии продолжают оставаться источником суеверных представлений о душе, о возможности ее существования вне мозга, о «власти духа над материей». Этот источник давно пора обезвредить; но обезвредить его можно не игнорированием, не априорным отрицанием, а только терпеливым расследованием того, что в данном случае относится к вымыслу, ошибкам наблюдения, к случайному совпадению и что, быть может, придется признать реально существующим фактом.

Случаи, в которых можно предполагать проявление спонтанной телепатии, происходят чаще, чем может показаться на первый взгляд. Известный французский астроном Камилл Фламмарин, собравший свыше 1000 случаев спонтанной телепатии, пишет: «Беседы мои с людьми в течение полувека показали, что по

меньшей мере один из десяти знает из собственного опыта или из опыта близких людей о каком-либо случае телепатии»¹. Огромное большинство таких случаев не записывается, никем не учитывается и легко забывается. В упомянутой книге Гернея, Майерса и Подмора описано свыше 700 таких случаев; большая их часть удостоверена письмами, выписками из дневников, показаниями свидетелей и т. п. За рубежом в крупных научных центрах изучения парапсихических явлений регистрация и изучение случаев спонтанной телепатии продолжается и поныне. Например, в парапсихологической лаборатории Дукского университета (США) зарегистрировано свыше 8000 таких случаев, а в 1955 г. в Кембридже (Англия) состоялась специальная конференция по спонтанным парапсихическим явлениям. Автор этих строк также собрал немалое число описаний случаев подобного рода, сообщенных письменно или устно гражданами Советского Союза.

Всякое изучение надо начинать с классификации изучаемого материала. Было сделано несколько попыток классифицировать различные случаи спонтанной телепатии по тем или иным ее признакам, но эти попытки не могут считаться удовлетворительными. Я расположу эти случаи в возрастающем порядке: начну с самых неопределенных и смутных проявлений спонтанной телепатии и кончу такими явлениями, которые поражают своей яркостью и необычайностью.

Примером первой, самой слабой степени спонтанной телепатии может служить один из случаев, отмеченных в уже упомянутой книге Гернея, Майерса и Подмора за № 22.

«16 марта 1884 г. я одна сидела в гостиной, читала интересную книгу и чувствовала себя отлично, как вдруг овладело мною какое-то неизъяснимое чувство страха и ужаса, я посмотрела на часы: было ровно 7 час. вечера. Я уже совсем не могла читать, встала и стала ходить по комнате, стараясь стряхнуть с себя тягостное ощущение; но не могла: мне сделалось холодно и у меня явилось твердое предчувствие, что я должна умереть. Это ощущение продолжалось около

¹ Camille Flammarion. L'Inconnu et les problèmes psychiques. Paris, 1900. Имеется русский перевод в журнале «Ребус» за 1900 г., начиная с № 27.

получаса, а потом прошло, но я весь вечер была сильно потрясена; я легла спать, чувствуя себя очень слабой, как после тяжелой болезни».

Как оказалось, в тот же день и час умерла ее двоюродная сестра, очень ей близкая, о болезни которой она ничего не знала. Этот случай произошел в Англии очень давно, а вот аналогичный случай из недавно полученного мною письма. Он замечателен тем, что произошел дважды с одним и тем же лицом.

«В 1919 г., когда мне было 16½ лет, у меня умер отец. Он болел долго. Я окончила школу и только что поступила на работу. В день его смерти я была в учреждении, о нем не думала, всецело была поглощена новой для себя работой. И вдруг среди дня, в ту минуту, когда я несла какие-то большие папки, со мной случилось странное: внезапно на меня налетела тревога, настоящий «нравственный вихрь» (как я потом назвала это), настолько сильный, что если бы он был физическим, то смог бы сбить меня с ног. Я швырнула папки на стол и остановилась в полном смятении от этого непонятного явления. И вот, как налетело, так же и исчезло. Сотрудница, работавшая тогда со мной, глядя на меня, очень удивилась и спросила — что случилось? Но я так и не могла ничего объяснить ни ей, ни себе.

Придя домой, я узнала, что днем умер отец в полном сознании. При нем были брат и сестра. А мама, которая, казалось бы, была ближе к отцу, ничего не почувствовала (она работала в одном со мной учреждении в другом отделе). Что же это было? Я тогда же решила, что отец сильно (если можно так выразиться) подумал обо мне перед смертью, и я оказалась таким человеком, который воспринял это. В мистику я никогда не верила.

На второй же год — снова подтверждение. У нас снова беда в семье: попал под трамвай братишка 17 лет. Ему сделали ампутацию ноги. Ночью никого, даже мать, не пустили в больницу. Но операция прошла хорошо. Убитые горем мать, сестра и я сидели и обсуждали эту беду. В конце концов мы успокоили друг друга тем, что доктор обещал жизнь, что сделаем протез, будем ухаживать за ним и т. п. И вот стали даже ужинать. И вдруг тот же вихрь, «нрав-

ственный вихрь», налетает на меня так же точно, как в прошлый раз. И если тогда я не поняла, что это такое, то теперь мне было все ясно. Я, помню, бросила вилку и заплакала, повторяя: «Он умер, умер». Мама тоже заплакала, а сестра возмущалась тем, что я выдумываю и только мать огорчаю. Но я повторяла одно и то же. Мне все было ясно.

Так оно и случилось: братик, спавший долго от слабости, среди ночи открыл глаза и стал обводить ими всех присутствующих (а все собрались вокруг этого милого мальчика, все жалели его), но не нашел, видимо, родного лица, вздохнул глубоко и умер. Так рассказывали. Он умер от слишком большой потери крови. Как вы думаете, разве это не что иное, как передача мыслей? И время-то совпало в обоих случаях. И опять я одна почувствовала это, а мама — нет.

Больше в жизни таких случаев со мной не было. Все родные умерли. Или это было далеко, или никто из них не подумал обо мне, я не знаю. Но эти два случая меня поразили, и я старалась найти разгадку, но не находила ее в научных книгах. Видимо, люди не занимались такой проблемой. Поэтому статья тов. Анифилова¹ как-то даже успокоила меня: значит, все же начали интересоваться этим, и я права, что никакой мистики здесь не было. Л. Е. Миллер, Москва (далее следует адрес), 25 февраля 1961 г.»²

Здесь мы имеем телепатические переживания в форме эмоционального беспокойства, еще неоформленного, ни на кого и ни на что не направленного. В такой неопределенной форме телепатические переживания обычно мало обращают на себя внимания и редко регистрируются.

Вторая ступень (если классифицировать эти явления) состоит в следующем: перципиент получает эмоциональный импульс, направленный на определенное лицо; он знает, что произошло какое-то событие с этим лицом (чего не было в предыдущих случаях)³, но еще не знает, что именно произошло. Здесь перед нами

¹ «Встречи с неопытным», журнал «Знание — сила», 1960, № 12, стр. 19.

² Письмо Л. Е. Миллер печатается с ее разрешения.

³ Во втором случае из сообщения Л. Е. Миллер лицо (брат) было узнано только по аналогии с первым случаем (смерть отца).

уже некоторое оформление беспокойства, направленного на определенное лицо (индуктора). Примером может служить случай № 79 из книги трех английских авторов, приведенный в моей книжке «Таинственные явления человеческой психики» на стр. 92.

Следующую ступень самопроизвольного телепатического феномена (явления) мы имеем в тех случаях, когда налицо представление о подробностях, деталях происшедшего события, причем на данной ступени эти детали проявляются в символической форме. Получается впечатление, будто бы телепатема индуктора, не будучи в состоянии точно оформиться, вызывает психическую реакцию перципиента, облеченную в символическую форму. Примером этой ступени может служить такой случай из книги тех же английских авторов:

«В одну ночь я видел во сне, что с Г. (с которым был знаком) прохаживаюсь по коридорам Вестминстерского аббатства. Он внезапно со мной протиснулся, говоря, что должен пойти к какой-то могиле. Я во сне умолял его туда не идти, а со мной вместе выйти из коридоров. «Нет, нет! — ответил он. — Я должен идти, я предназначен судьбою идти». С этими словами он меня оставил, пошел к могиле и провалился под пол. Утренняя почта принесла письмо от его брата, который сообщил мне, что в предыдущую ночь Г. скончался от порока сердца» (случай 129).

Рассмотрение этого случая показывает, что здесь телепатема, во-первых, направлена на определенное лицо и, во-вторых, содержит представление о том, что именно произошло с этим лицом (оно умерло); но это представление переживается еще в неясной символической форме.

На четвертой ступени человек непроизвольно переживает уже галлюцинаторные видения отчетливого характера. Здесь мы имеем так называемую телепатическую галлюцинацию. Перципиент совершенно для себя неожиданно видит как бы «фантом» (призрак) того человека, с которым произошло несчастье. Эти случаи не так уж редки. Вот один из многих примеров, приведенных в цитируемой книге.

«В два часа дня мой секретарь читал мне какие-то туземные документы; мое внимание было поглощено

ими и мне не приходилось думать о сестре. Вдруг я, к своему великому удивлению, увидел, что моя сестра, одетая (как мне показалось) в ночной костюм, идет прямо передо мною через палатку из одной двери в другую» (случай 226). Это было в Индии. Как раз в это время сестра перципиента неожиданно умерла в Англии.

В моей коллекции имеется документально удостоверенный случай, относящийся к этой же ступени. Перципиентом был 15-летний юноша, гимназист Б. Н. Шабер, проживавший в Витебске; агент — его «лучшая подруга», того же приблизительно возраста, Н. А. Невадовская, жившая с матерью в Петрограде. Случай произошел 17 декабря 1918 г. и в тот же день был удостоверен шестью свидетельскими подписями. Копии с этого документа и с двух других, относящихся к этому делу, по ходатайству Комиссии по изучению мысленного внушения, учрежденной акад. В. М. Бехтеревым при Петроградском институте мозга, были сняты 20 октября 1920 г. и заверены делопроизводителем Витебского политехнического сельскохозяйственного института с приложением печати этого учреждения и с двумя свидетельскими подписями. Вот описание этого случая, посланное в Институт мозга Б. Н. Шабером 23 июля 1922 г.

«В декабре 17-го числа 1918 года в 8½ час. утра я увидел на стене, в которую упирался мой ноги (я лежал на кровати), овальной формы светлое пятно, которое на моих глазах стало расти, превратившись в светлую фигуру девушки. В этом видении я узнал свою лучшую подругу Надежду Аркадьевну Невадовскую, находившуюся в то время в г. Петрограде. Улыбнувшись мне, она произнесла какую-то фразу, из которой я уловил только последнее слово — «тлена». После этого фигура девушки стала как бы уходить в стену и затем исчезла. Точный мой рассказ о происшедшем был в тот же день зафиксирован на бумаге и скреплен подписями 6-ти лиц (С. Ф. Макуня, И. М. Макуня, А. Д. Полесская-Шапилло, А. Б. Кордукевич, Л. Васильковская и А. Н. Домбровский). 23 декабря 1918 г. мною было получено от матери Нади, Евгении Николаевны Невадовской, письмо, в котором она извещала меня о смерти Нади, последовавшей в 8 час. 25 мин.

утра 17 декабря 1918 г. Последние слова покойной были: «Боря, нет праха, нет тлена». Факт получения письма и суть его содержания зафиксированы подписями 6-ти вышеупомянутых лиц. Если Комиссия пожелае бы ознакомиться с подробностями настоящего случая, равно как и с предшествовавшими ему событиями, то я с удовольствием предоставил бы в ее распоряжение подробное описание случая и заверенные копии (или оригиналы) документов. Студент Б. Шабер».

Полученные комиссией документы

1

«Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что Борис Николаевич Шабер 17 декабря 1918 года рассказал нам о странном видении Надежды Аркадьевны Невадовской, явившейся ему утром сегодняшнего дня (двадцать пять мин. девятого). Б. Н. Шабер слышал последнее слово видения — «тлена» и присовокупил, что вечером прошлого дня 16 декабря он слышал чей-то далекий, знакомый, как бы заглушенный расстоянием зов: «Боря, Боря!». Витебск, 17.XII.1918 г.»

Из числа лиц, подписавших подлинник, эту копию, заверенную печатью, скрепили своими подписями — И. Макуня (преподаватель математики) и П. Крассовский (юрист). Адреса подписавших приводятся.

2

«Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что 23-го сего декабря 1918 года Борисом Николаевичем Шабером получено из Петрограда от матери Н. А. Невадовской, Евгении Николаевны, письмо с извещением, что ее дочь была ранена¹ 16 декабря с. г. и скончалась от этой раны в 8½ (восемь с половиной) часов утра 17 декабря. Последними ее словами были: «Нет праха, нет тлена». Витебск, 23.XII.1918 г.» Копия удостоверена печатью и подписями И. Макуни и П. Крассовского.

¹ Пулей в грудь, случайно во время уличной перестрелки.

Имеется еще выдержка из этого письма матери, содержащая подробности смерти дочери; но мы ее здесь не приводим, так как она в основном лишь повторяет уже изложенное. По сообщению Шабера, Е. Н. Невадовская не перенесла трагической гибели дочери и вскоре покончила самоубийством. Редкая особенность этого случая состоит в одновременном проявлении двух телепатических галлюцинаций — зрительной и слуховой.

Мы подымаемся наконец на еще более высокую, пятую, ступень: перципиент переживает полную телепатическую галлюцинацию, как бы перенесаясь в ту конкретную среду, которая в данный момент окружает агента, и видит воочию все совершающееся событие. Примером может быть следующий случай (из книги Гернея, Майерса и Подмора).

«Некто Юрбуртон приехал на несколько дней к брату, не застал его и нашел извинительную записку. «Вместо того, чтобы ложиться в постель, я задремал в кресле, но ровно в 1 час (ночи) вскочил вполне бодрствующий, воскликнув: «Боже, он упал!» Я видел, как мой брат вышел из гостиной в ярко освещенные сени, задел ногою за ступеньку верхней части лестницы и упал головою вперед, опираясь только на локти и руки. Мало обратив внимания на это явление, я опять на полчаса задремал и проснулся, когда вошел мой брат, говоря: «О, ты тут, а я только что чуть не сломал себе шею. Выходя из бальной комнаты, я ногою задел о ступеньку и головой вперед скатился с лестницы»» (случай 108). Здесь уже вся картина события предстала перед глазами перципиента. Подобный же случай произошел в моей семье и в свое время получил довольно широкую огласку (его приводил в своих публичных лекциях по гипнозу и внушению В. М. Бехтерев).

Мне было тогда двенадцать лет, я только что перешел во второй класс гимназии и приехал на дачу, находившуюся недалеко от г. Пскова. Моя мать, тяжело болевшая печенью, уехала с мужем (моим отцом) лечиться в Карлсбад (ныне Карловы Вары), оставив меня, сестру и брата на попечение своих младших сестер. Мы, дети, получили большую, чем обычно, свободу действий и пользовались этим. Однажды под

вечер мы решили повторить одно из приключений детей капитана Гранта, спасшихся на дереве от наводнения. Наш выбор пал на развесистую иву, склонившуюся над водой на другом берегу реки. Я изображал Паганеля и так вошел в эту роль, что, как и он, сорвался с дерева, упал в воду и, не умея плавать, стал тонуть. Только ухватившись за попавшую под руку ветку, мне с большим трудом удалось выбраться на крутой берег. Брат и сестра с немим ужасом смотрели с дерева на эту сцену. Особенно волновала нас неизбежность наказания. Скрыть от теток свое приключение мы не могли: я промок до нитки, а моя новенькая гимназическая фуражка с белым верхом — предмет моей гордости и любования, — подхваченная течением, уплыла к запруде и скрылась в пене и брызгах. Дома наши юные тетки, скрепя сердце, согласились не писать в Карлсбад о случившемся (им это тоже было невыгодно), взяв с нас слово, что мы не повторим ничего подобного. Каково же было удивление и смущение — и наше, и теток, — когда в первый же день приезда мать со всеми подробностями рассказала всю нашу историю, указала на злополучную иву, упомянула о фуражке, уплывшей к запруде, и т. д. Все это она увидела во сне в Карлсбаде и, проснувшись в слезах и смятении, уговорила мужа тотчас же послать телеграмму домой — все ли благополучно с детьми. Отец признался, что на телеграф он тогда не пошел, а, чтобы успокоить больную, подремал с полчаса в вестибюле гостиницы и, вернувшись, сказал, что телеграмма послана.

Но почему же все время идет речь о смертельной опасности, о несчастье, о крупных и таинственных событиях в жизни личности? Не покажется ли это читателю подозрительным? В моей уже упомянутой книжке (см. стр. 93) приведен замечательный пример из собрания трех английских авторов, когда ничтожное происшествие, связанное с самыми обыденными переживаниями (посылка тещей зятю корзинки с куриными яйцами), было телепатически передано перципиенту во всех деталях.

Об аналогичном случае, недавно описанном одним американским психиатром, сообщают сотрудники Московского института мозга Г. Поляков и О. Адрианов.

«Одному из пациентов этого психиатра приснилось, что он тянет электрический провод. Странной деталью этого сновидения была лежащая на полу в центре комнаты дренажная трубка. Оказалось, что той же ночью, когда пациент видел этот сон, психиатр устанавливал на своей террасе проводку от радиоприемника к наружной антенне. Особый интерес представляет то обстоятельство, что, как и в сновидении больного, посередине террасы на полу лежала дренажная трубка. Когда сличили нарисованную пациентом схему расположения провода, который он тянул во сне, с действительным расположением провода на террасе врача, то получилось полное совпадение. Необходимо к этому добавить, что больной никогда не был у врача на дому, не знал его адреса и жил на расстоянии 10 миль от него». «По теории вероятности,— добавляют от себя авторы этой заметки,— очень трудно допустить в этом происшествии, как и в других аналогичных явлениях, простое случайное совпадение целого ряда признаков в переживаниях человека и реальной действительности. А раз так, то приходится серьезно ставить вопрос о возможности передачи при каких-то особых, пока еще не выясненных условиях мыслей, действий или переживаний одного человека другому, минуя известные каналы общения людей между собой: устную и письменную речь, телефон, телеграф, радио и т. п.»¹.

У читателей может, однако, возникнуть вопрос: почему же приведенные мною случаи относятся к старым годам, в лучшем случае к первым годам существования Советского Союза? Может быть, теперь таких рассказов у нас уже не услышишь? Это далеко не так. Автор получает письма со всех концов нашей страны, в которых нередко содержатся упоминания о явлениях спонтанной телепатии. После каждого прочитанного доклада на тему о гипнозе, о словесном или бессловесном внушении лектору приходится выслушивать два-три рассказа о подобных же явлениях. Рассказывают о них слушатели самого различного возраста, общест-

¹ Г. Поляков (д-р мед. наук) и О. Адрианов (канд. мед. наук). Нужно экспериментировать! «Техника молодежи», 1961, № 2, стр. 32.

венного положения, образования и специальности. Вот хотя бы одно письменное удостоверение такого рода, заслуживающее доверия (автор письма — учительница)¹.

«Я могу сообщить Вам один кажущийся совершенно невероятным факт. Осенью 1942 г. мой муж был в военной школе полтсостава в Шадринске. Я знала, что на фронт его пошлют после мая. Я работала тогда в горкоме союза начальной и средней школы (председателем союза). Однажды, в марте, я пришла домой очень усталой. Жила я тогда далеко от центра, дорога — вся пешком. Помню, села в кресло в столовой и моментально уснула. И вдруг вижу — получила от мужа телеграмму такого содержания: «Выезжаю сегодня Свердловск, едем фронт, целую Юрий». Вскочила, нет телеграммы! Но я так ясно ее видела, что поверила сама, что такая телеграмма мне быть должна. Я не стала даже кушать, бросилась моментально обратно в город. Прибежала в гороно к заведующему Цыпину Леониду Ивановичу и стала просить его, чтобы он мне дал командировочное удостоверение, сказала, что муж едет на фронт, что я получила от него телеграмму. С первым же поездом в Свердловск, в 5 ч. утра, я выехала. Там у меня жила дочь, муж которой работал в НКВД. Приехала к ней (она сейчас живет со мной — Скутина Маргарита Васильевна), рассказала ей о полученной мной во сне телеграмме. Билет я купила до Шадринска. Нам надо было ехать на станцию и закомпостировать его. Мы оделись, но около часу не могли уйти из дому. Сидели в шубах, чего-то ждали, разговаривая. Вдруг — барабанный стук в дверь. Дочь кинулась открывать ее — мой муж стоял в дверях... «Мама здесь?» — первое, что он спросил. «Здесь!» — ответила Рита. «Я так и знал!» Оказалось, что он действительно мне такую телеграмму написал, но не отправил, хотя много раз пытался, но все раздумывал, успею ли я ее получить, или это будет лишняя трепка нервов. Я «получила» эту неотправленную телеграмму. Поезд-эшелон мужа стоял в Свердловске два часа, и я смогла проводить его на фронт...

¹ Приводится с разрешения автора письма.

Все факты, о которых я Вам писала, известны всем членам моей семьи. Сын Василий Георгиевич Агеносов — директор средней школы № 32, он помнит все мельчайшие подробности этих странных моих видений.

9 мая 1961 г.

С. Агеносова

Наряду с телепатическими сновидениями и галлюцинациями некоторые авторы приводят примеры «телепатических иллюзий». Воспринятая от индуктора, но еще не проявившаяся в сознании перцепиента телепатема может повлиять на восприятие перцепиентом окружающих предметов и породить те или иные иллюзии. Чаще всего это проявляется в так называемых «иллюзиях встречи». Например, я иду по улице, погруженный в свои мысли, и не думаю ни о ком из своих знакомых. Вдруг вижу, что навстречу идет Б., которого давно не видел, о котором давно уже не вспоминаю. Вглядевшись, замечаю, что это вовсе не Б., даже непохожий на него человек. Но немного времени спустя встречаю действительно Б., иногда уже на другой улице или через несколько улиц. Все происходит так, как будто бы Б. стал невольным индуктором, оказавшим на меня телепатическое воздействие, которое заставило меня «узнать» его в совсем незнакомом мне человеке.

О подобных случаях много писал в своих статьях о телепатии Марк Твен. Однажды, путешествуя по Канаде, он приехал в город Монреаль. Здесь ему был оказан торжественный прием. В большом зале жители города подходили к знаменитому писателю и пожимали его руку. Образовалась длинная очередь. Во время этой скучной церемонии Марк Твен увидел в конце очереди друга своей юности мисс Р., с которой он давно не встречался, и с нетерпением стал ожидать, когда же она к нему подойдет. К его удивлению, этого не произошло. Но потом, уже в другом помещении, он увидел настоящую мисс Р. Она только что приехала из Квебека и, не входя в зал, решила встретить его по окончании торжественной церемонии, в более интимной обстановке.

Критики не без основания считают, что все описанные нами в этой главе житейские происшествия не могут служить научным доказательством реального

существования телепатии. Не могут потому, что всякий раз в таких случаях все же остается не вполне устраненная (и едва ли устранимая) возможность случайного совпадения во времени двух сходных событий — того, что происходит с одним действующим лицом, и того, что приблизительно в то же время переживает кто-либо другой. В повседневной жизни случаются иногда столь же невероятные совпадения, в которых телепатическая связь, если бы даже она существовала, не могла бы играть никакой роли. За последние 20 лет я записал в особой тетради 25 таких маловероятных совпадений из своей жизни. Одно из них я уже привел в своей предыдущей брошюре: в тот самый момент, когда я прочитывал в газете фамилию Мазепа, голос диктора произнес по радио ту же самую фамилию, назвав оперу Чайковского «Мазепа»¹.

Иногда такие совпадения очень напоминают то, что называют «непосредственной передачей мыслей». Примером может служить следующая моя запись:

«30 июля 1956 г., в день моего возвращения с курорта Кемери, я сидел на диване рядом с женой и рассказывал ей о своей жизни на этом курорте, между прочим, и о том, как меня кормили в тамошней столовой. При этом я употребил редкое слово «кормёжка». Жена, слушая меня, в то же время перелистывала какую-то толстую книгу. В тот самый момент, когда я произнес слово «кормёжка», она прервала меня, заявив, что то же самое слово только что попало ей на глаза в просматриваемом тексте и показала мне следующую фразу: «В общем у меня мало хлопот с кормёжкой моих редувиов»². Жена держала в руках книгу «Жизнь насекомых» Ж. Фабра (из серии «Школьная библиотека», 1938).

В специальной литературе описаны и такие случаи подобного рода, которые легче объяснить спонтанной телепатией, чем случайным совпадением. Профессор философии г-жа М. де Ти подробно описывает свои наблюдения над умственно дефективным братом. В возрасте 47 лет он имеет умственное развитие

¹ См. Л. Л. Васильев, Тайственные явления человеческой психики, стр. 94.

² Вид насекомых.

18-месячного ребенка. Он не способен к связной речи и косноязычно произносит лишь очень немногие известные ему слова. В статье приводятся 24 случая, когда этот больной человек с удивительной быстротой и точностью (без каких бы то ни было искажений) произносил совершенно неизвестные ему слова и научные термины в тот самый момент, когда они по какому-либо поводу зарождались в уме одного из присутствующих лиц. Вот один из примеров:

Однажды М. де Ти, готовясь к научному докладу, прочла в одной книге о том, что художник Николай Пуссен родился в Эстрепаньи. Это было около 5 часов дня. Брат Роберт отсутствовал. В 7 ч. 30 м. вечера ее отец в сопровождении Роберта явился к обеду. Желая проверить осведомленность своего отца, М. де Ти поспешила его спросить: «Где родился Николай Пуссен?» Отец этого не знал, но если бы и знал, не успел бы ответить: Роберт «отозвался как эхо»: «В Эстрепаньи». Комментируя этот случай, проф. де Ти считает совершенно невероятным, чтобы Роберт мог знать то, чего до прочтения книги не знала она сама, чего не знал ее отец, да и никто другой в доме. Это исключается. Исключается в данном случае и возможность случайного совпадения. Следовательно, заключает автор статьи, мы имеем здесь случай спонтанной телепатии. Никаких нарочитых опытов мысленного внушения никто никогда с этим несчастным человеком не производил¹.

Ведущие современные парапсихологи (д-р Райн, проф. Соул и др.) не считают, однако, даже и такие наблюдения достаточным доказательством реальности телепатической связи. Неоспоримыми они считают только экспериментальные данные, получаемые с применением количественных методов изучения мысленного внушения. С этим мнением нельзя не согласиться.

К рассмотрению таких методов и получаемых с их помощью результатов мы теперь и перейдем.

¹ M. de Thy. Télépathie et déficience mentale. «Revue Métapsychique», 1959, vol. 11, № 10, p. 4.

III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ

Впервые примененные (как уже было сказано в первой главе) Шарлем Рише количественные экспериментальные методы получили дальнейшее развитие в 30-е годы текущего столетия. В 1927 г. американский профессор В. Мак Дугалл (Mc Dougall) обратился к ученому миру с призывом содействовать развитию парапсихологии. На этот призыв среди других ученых отозвался молодой в то время биолог Райн (J. B. Rhine) — один из основателей современных количественных исследований в парапсихологии. В Англии тогда же вступил на этот путь Соул (S. G. Soal), ныне профессор математики в Лондонском университете. Сперва он пришел к заключению, что удача в телепатических опытах основана на простой случайности; но, проведя огромное число таких опытов, он изменил свое мнение и стал убежденным защитником реальности мысленного внушения. Последователи Шарля Рише появились в те же годы и во Франции — на родине знаменитого физиолога. Один из них, Дезуаль, считал возможным успешно применять теорию вероятностей даже при небольшом числе опытов мысленного внушения.

Предоставим слово самому Дезуалю и посмотрим, как он ставил свои опыты и как применял к ним теорию вероятностей¹.

«Я предупредил испытуемого о том, что буду мысленно внушать ему изображение одного из французских денежных знаков, и приступил к внушению; испытуемый объявил: «Это десятифранковый билет», что было правильно. Я спросил его, видит ли он билет в прямом положении или перевернутым, и испытуемый ответил правильно: «Перевернутым». Наконец, я задал ему еще один вопрос: «В каком состоянии находятся уголки билета?» и снова получил правильный ответ: «Верхний левый угол загнулся». Внушаемый образ был воспринят во всех подробностях».

¹ R. Desoille. De quelques conditions auxquelles il faut satisfaire pour réussir des expériences de Télépathie provoquée. «Revue Métapsychique», 1932, № 6.

Подсчитаем теперь вероятность этого результата, предположив, что он был получен вследствие случайной удачи. При внушении французских денежных знаков число возможных случаев равно 12 (монеты в 1, 2, 5, 10 су и в 1, 2 франка; кредитные билеты стоимостью в 5, 10, 50, 100, 500 и 1 000 франков). Вероятность совпадения в этом случае равняется $\frac{1}{12}$; для угадывания перевернутого положения билета вероятность равна $\frac{1}{2}$; и для правильного указания на загнутость одного из углов вероятность равна $\frac{1}{5}$ (отсутствие загнутости и один загнутый угол из четырех составляют 5 возможных случаев). Полная вероятность равняется:

$$P = \frac{1}{12} \times \frac{1}{2} \times \frac{1}{5} = \frac{1}{120}$$

Если я поставил 10 таких опытов (причем каждому из них соответствует вероятность $\frac{1}{120}$) и если ответы оказались правильными в 6 опытах из 10 (что можно получить с хорошим перцепиентом довольно легко), то вероятность совпадений, основанная на случайной удаче, выразится так:

$$P = \frac{10!}{6!4!} \left(\frac{1}{120}\right)^6 \cdot \left(\frac{119}{120}\right)^4,$$

что приближенно будет¹:

$$P = 7 \times 10^{-12}$$

¹ Приведенное рассуждение основывается на положениях теории вероятностей — ветви математики, изучающей случайные явления. Читатель может ознакомиться с ней по книгам (в порядке возрастающей трудности): *О. Яхот. Необходимость и случайность.* М., Госполитиздат, 1956; *Э. Борель. Вероятность и достоверность.* М., Физматгиз, 1961; *Б. В. Гнеденко и А. Я. Хинчин. Элементарное введение в теорию вероятностей,* изд. 4-е. М.—Л., Гостехиздат, 1957. Вероятностью случайного события ($= P$) называется отношение числа благоприятных шансов к общему числу равно-возможных взаимоисключающих шансов. Вероятность сложного события равняется произведению вероятностей частных событий. При вычислении вероятностей употребляется ряд вспомогательных понятий и обозначений. В частности, число, сопровождаемое восклицательным знаком, которое называется «факториал» и означает: $n! = 1 \times 2 \times 3 \times \dots \times n$ (см. *М. Я. Выгодский. Справочник по элементарной математике,* изд. 10, М., Гостехиздат, 1957,

На более понятном языке это означает, что имеется всего 7 шансов на 1 триллион случаев для того, чтобы 6 опытов из 10 оказались удачными, если бы этот результат был основан на одних только случайных совпадениях.

Приведенный пример, взятый из собственных опытов Дезуаля, показывает, каким образом исчисление вероятностей дает возможность судить о показательной ценности полученного в опытах результата. Итак, заключает этот автор, иногда бывает достаточно поставить небольшое

число опытов, чтобы сделать очевидным наличие телепатического феномена и исключить объяснение, основанное на признании одних только случайных совпадений.

С 1934 г. д-р Райн¹ пользуется для опытов мысленного внушения уже упоминавшимися нами картами с пятью фигурами, изображенными на рис. 1. Соул² предпочитает пользоваться картами с изображением пяти животных (лев, слон, зебра, жираф, пеликан), полагая, что мысленно внушать эти красочные изоб-

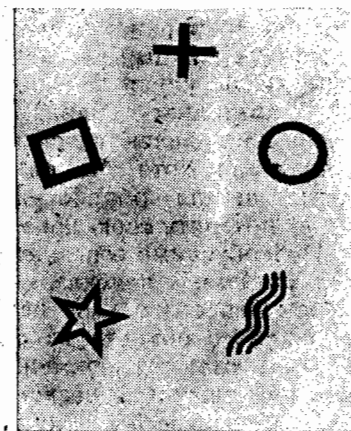

Рис. 1. Фигуры американца д-ра Зенера, получившие международное применение в опытах внушения на расстоянии, в частности широко употребляемые в лаборатории д-ра Райна (см. стр. 7).

стр. 243). Очень большие и очень малые числа часто изображаются в виде числа, помноженного на 10, возведенное в ту или иную степень. При этом: $10^3 = 1000$, $10^2 = 100$, $10^1 = 10$, $10^0 = 1$, $10^{-1} = 0,1$, $10^{-2} = 0,01$, $10^{-12} = 0,000000000001$. (см. *М. Я. Выгодский, цит. соч.*, стр. 221—222).

¹ *I. B. Rhine. Extra-Sensory Perception.* Boston Society for Psychic Research. Boston, 1934, p. 169.

² *S. G. Soal. Experiments in Supernormal Perception at a Distance, Proceedings of the Society for Psychic Research,* London, 1932, p. 165.

ражения легче, чем абстрактные фигуры карт Зенера. Перципиент заранее знает эти фигуры, ему мысленно внушается каждый раз одна из пяти фигур, и он должен узнать, какая именно. К проведению опытов по такой «методике узнавания», как ее можно назвать, теперь предъявляются очень жесткие требования. Без выполнения хотя бы одного из них последующая статистическая обработка полученных результатов может потерять свою доказательность.

1. Необходимо совершенно исключить возможность всех мыслимых подсказок, воспринимаемых органами чувств: произвольное нашептывание, отражение передаваемого объекта на стеклах очков или даже на роговице глаз экспериментатора, какие-либо мимические или пантомимические знаки, даже субсенсорные (сознательно не ощущаемые) раздражители, которые могли бы навести на правильный ответ. Для того чтобы избежать этих источников ошибок, испытуемый отгораживается от экспериментатора непрозрачным экраном или помещается в кабину, а еще лучше, переводится в другую комнату. Карты должны находиться в непрозрачных конвертах, чтобы подопытное лицо не могло увидеть даже обратную их сторону.

2. Надо также исключить возможность умственных догадок перципиента. Например, не следует во время опыта оповещать испытуемого, правильно или неправильно называет он внушаемые ему фигуры, изображенные на картах. Зная это, он может рассчитать, какие карты еще остались в пакете, какие вышли (всего в пакете обычно содержится 25 карт, т. е. каждая из пяти фигур повторяется пять раз). Поэтому введено правило сообщать результаты испытуемому лицу только по окончании опыта.

3. Применение теории вероятностей правомерно только тогда, когда имеется случайная последовательность явлений. Поэтому большое внимание обращено на обеспечение самого тщательного стасовывания карт. В первоначальных опытах Райна и Соула карты стасовывались несколько раз руками; потом их стали перемешивать автоматически особым аппаратом; теперь стал применяться метод, при котором перед опытом готовится пакет из 25 карт лицом, в проведении опыта не участвующим, причем карты распола-

гаются в пакете по заранее составленным таблицам случайной последовательности чисел.

4. Кроме того, при оценке результатов принимаются во внимание и другие источники возможных ошибок, как-то: замеченное у перципиентов предпочтение одних передаваемых фигур другим, а также случайные или чем-либо обусловленные ошибки экспериментаторов при записывании или сверке результатов опытов. Чтобы избежать ошибок такого рода, принято вести два протокола каждого опыта двумя лицами независимо друг от друга.

При соблюдении перечисленных требований американскими и английскими исследователями в больших сериях опытов было многократно получено сверхвероятное число правильных отгадываний внушаемых объектов. Например, в большой, несколько лет продолжавшейся серии опытов Соул получил положительный результат, выражавшийся вероятностью (вернее, невероятностью) $P = 5 \times 10^{-85}$. Недавно (1956—1957 гг.) тот же автор в телепатических опытах с двумя молодыми двоюродными братьями (из которых один был агентом, другой — перципиентом), проведя 15 000 отдельных проб, получил на каждом пакете из 25 карт в среднем почти 9 удач вместо ожидаемых по теории вероятностей 5 удач. В этих опытах дважды были угаданы все 25 карт в пакете, четыре раза — 24 карты, сорок раз — от 23 до 19 карт. Этот результат опять-таки в огромное число раз превышает то, чего можно было бы ожидать по теории вероятностей.

Трудно представить себе без математического подсчета, как ничтожно мала вероятность чисто случайного отгадывания подряд 25 карт. Такой результат выражается отношением единицы к числу пять, возведенному в двадцать пятую степень:

$$1 : 5^{25} = 1 : 298 \cdot 023 \cdot 223 \cdot 876 \cdot 953 \cdot 125$$

Это означает, что такой случай (25 отгадываний подряд), по теории вероятностей, может произойти из указанного «астрономического» числа проб всего один раз. А чтобы произвести такое число проб, несколько поколений исследователей должны были бы всю свою

жизнь с утра до вечера без устали ставить подобные опыты¹.

Столь резко выраженные сверхвероятные результаты получаются в опытах с особенно одаренными в телепатическом отношении испытуемыми. Но такие лица встречаются редко. В опытах на обычных испытуемых получаются более скромные результаты (в среднем 6—7 угадываний на пакет из 25 карт); однако при достаточно большом числе проб и этот результат оказывается, по данным статистики, несводимым к простой случайности.

При столь же большом числе проб, но при полном выключении возможности телепатического вмешательства результат в среднем не больше и не меньше пяти совпадений на 25 карт. Такой проверочный опыт был не раз поставлен в лаборатории доктора Райна следующим образом. Одновременно пускались в ход два уже упоминавшихся аппарата, автоматически выбрасывавших через каждые три минуты карты с одной из пяти фигур Зенера. Каждая карта, выбрасываемая аппаратом А, сопоставлялась с картой, выбрасываемой в тот же момент аппаратом Б. Понятно, что совпадения двух одинаковых фигур обязаны при данных условиях опыта одной лишь чистой случайности.

Мало кому известно, что в те же 30-е годы, когда д-р Райн начинал свои исследования в США, подобные же количественные опыты и с той же целью — установить самый факт мысленного внушения — ставил в Ленинграде крупный советский физик академик В. Ф. Миткевич. По-видимому, он заинтересовался этим вопросом под влиянием В. М. Бехтерева, с которым был близко знаком. Результаты его исследований остались неопубликованными, но в моем архиве сохранилось составленное самим Миткевичем краткое описание применявшейся им методики. Привожу это описание дословно:

«Индуктор приводит в действие некоторую примитивную рулетку, без участия воли индуктора избирающую одно из группы равновероятных событий (например, появление перед глазами индуктора черного или белого экрана).

¹ G. Murphy, Thought Transference is the Fact. «The Week Magazine», February 1957.

На основании показаний рулетки индуктор мысленно приказывает перципиенту угадать данное событие (угадать «черное» или «белое?»).

Этот процесс телепатической передачи от индуктора к перципиенту некоторого зрительного впечатления («черное» или «белое») должен подряд повто-

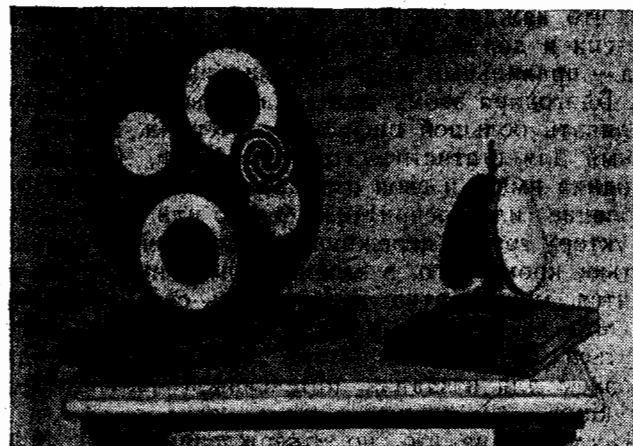

Рис. 2. Вращающиеся диски акад. Миткевича, применяемые в опытах внушения на расстоянии ощущений белого или черного цвета. На правом рисунке между черным диском слева и белым справа находится ось вращения этих дисков.

ряться столько раз, сколько на основании предварительных (проверочных) опытов и теории вероятностей потребуется для того, чтобы факт мысленной передачи перципиенту случайных впечатлений индуктора мог быть признан достоверным» (на рис. 2 приведены рулетки, применявшиеся Миткевичем)¹.

По теории вероятностей, 40—50 таких проб уже достаточно для того, чтобы получить около 50% пра-

¹ Чтобы внимание ассистента, находящегося при испытуемом, не сосредоточивалось на черном или белом, мешая тем самым мысленному внушению индуктора, перед глазами ассистента акад. Миткевич рекомендует помещать вращающийся экран с чередующимися черными и белыми частями его поверхности. На рис. 2 этот экран-рулетка изображен слева.

вильных ответов, обусловленных простой случайностью. Если же опыт дает более 50% правильных ответов, то можно говорить с большей или меньшей вероятностью об участии в результатах опыта мысленного внушения (разумеется, при исключении всех возможных подсказов).

Положительная сторона этой методики состоит в том, что каждая отдельная проба занимает немного времени и допускает альтернативную оценку результата — правильный или неправильный ответ, да или нет. Благодаря этому методика позволяет быстро накапливать большой цифровой материал, вполне пригодный для статистической обработки. Однако эта методика имеет и свои отрицательные стороны: представление (или восприятие) белого или черного цвета индуктору трудно переживать с достаточной интенсивностью; кроме того, в течение опыта индуктору приходится многократно переключать свое внимание с «белого» на «черное» и обратно, что мешает сосредоточиться на одном и потому является невыгодным условием для создания интенсивной телепатической индукции.

Несмотря на это, по утверждению акад. Миткевича, методика обычно давала в его опытах положительный результат, т. е. при достаточном числе проб получалось больше 50% правильных ответов. Мы поставили перед собой задачу проверить это утверждение Миткевича, проведя предложенную им методику на достаточном числе испытуемых.

В 1934 г. мною с сотрудниками было поставлено 26 таких опытов (по 80 отдельных проб в каждом) на 24 здоровых и больных (истерия, неврастения) испытуемых. Индуктор помещался в той же комнате, что и перципиент, за его спиной, на расстоянии нескольких метров. Пустив в ход рулетку и дождавшись, когда она остановится с обращенным к нему черным или белым диском, индуктор старался мысленно внушить испытуемому ощущение данного цвета (черного или белого). После словесного сигнала индуктора — «готово», «есть» — перципиент, глаза которого были надежно завязаны, уже через несколько секунд давал ответ, т. е. называл цвет — «черный» или «белый». Внушаемый цвет и ответ перципиента тут же заноси-

лись в протокол опыта. В каждом опыте с данным перципиентом такого рода мысленное внушение повторялось 40 раз подряд (с короткими перерывами через каждые 10 проб). Затем перципиенту давался отдых на 10—15 минут, и опыт повторялся во второй раз. Таким образом, в общей сложности получалось 80 отдельных проб, из которых определялось число правильных ответов.

Изучение полученного цифрового материала показало, что наибольшее число правильных ответов достигало 62, наименьшее падало до 32. Среднее арифметическое равнялось 44,32 вместо 40 — величины, следуемой по теории вероятностей. Превышение полученного в опытах результата над вероятным числом удач равнялось 4,32.

Вопрос состоит в том, может ли это превышение быть признано достоверным, выходящим за пределы случайной ошибки, теоретически возможной при данных условиях опыта. Для получения ответа на этот вопрос мы воспользовались простейшим приемом статистики. Для нашего среднего арифметического ($M = 44,32$) была вычислена средняя ошибка m , которая оказалась равной 1,16. Применяя формулу $M \pm 3m$, мы видим, что полученная из опыта величина M , в зависимости от простой случайности, может колебаться в пределах $\pm 3,48$, т. е. от 40,84 до 47,80.

Иными словами, даже в наихудшем возможном случае (40,84), полученный из опытов результат все же несколько превышает среднюю величину, следуемую по теории вероятностей (40). А это значит, что полученное нами превышение данных опыта над данными, теоретически вычисленными, является хотя и незначительным, но статистически достоверным¹.

¹ Среднее арифметическое, вычисленное из некоторого числа опытов («выборки»), представляет собой, с точки зрения статистики, только некоторое приближение к истинному среднему, свойственному данному явлению в целом («генеральная средняя»). Математическая статистика, основываясь на теории вероятностей, принимает, что максимальное возможное отклонение между «выборочной» и «генеральной» средней не может превышать утроенной величины средней статистической ошибки (вычисляется по особой формуле: прямо пропорциональна показателю изменчивости явления и обратно пропорциональна корню квадратному из

Иными словами, участие в наших опытах мысленного внушения, как фактора, способствующего угадыванию перцепиентом передаваемых ему зрительных ощущений (белое, черное), может считаться статистически оправданным фактом. (Если только исключить возможность каких-либо «подсказывающих» моментов, которые в постановке наших опытов были, по-видимому, устранены.)

Ценность методики акад. Миткевича может быть, кроме того, подтверждена рассмотрением результатов, полученных в некоторых отдельных опытах на лучших наших перцепиентах. В качестве иллюстрации приведу два примера:

1. Испытуемая Л. В. С.— 24 лет, страдавшая истеро-психопатией и легко гипнотизируемая. Приведенная в состояние гипноза, испытуемая находится в камере¹, индуктор (д-р А. В. Дубровский) — на расстоянии нескольких метров от камеры; при опыте присутствуют: Л. Л. Васильев и И. Ф. Томашевский. Экспериментаторам впервые приходит в голову мысль — в течение всего опыта (40 проб) передавать представление одного только (белого) цвета.

При первом десятке проб испытуемая дает лишь 4 правильных ответа; при втором — 5; при третьем — 8 и, наконец, при четвертом — все 10. Это, по-видимому, показывает, что многократно возобновляемое в течение опыта мысленное внушение белого цвета постепенно создавало у испытуемой прочную установку на белый цвет. В самом деле, при последующих пробах экспериментаторы заменили белый цвет черным; испытуемая как бы по инерции еще три раза назвала «белый», после чего переключилась на «черный», назвав его несколько раз подряд. Следует добавить, что при обычной постановке опыта («белое» и «черное» — в разбивку) та же испытуемая (как и другие перцепиенты) никогда не называла один и тот же цвет более трех раз подряд.

числа изученных опытов). Обращая этот тезис, получаем, что две средние, различающиеся друг от друга больше чем на утроенную среднюю ошибку, реально (а не случайно!) разнятся друг от друга (см. В. И. Романовский. Элементарный курс математической статистики, М.—Л., Госпланиздат, 1939, стр. 158—162).

¹ См. рис. 17.

2. Испытуемая К. Г. Ф.— 35 лет (истеричка) находится в камере в состоянии гипноза; при ней — наблюдатель д-р А. В. Дубровский; дверца камеры открыта. Индуктор И. Ф. Томашевский, а также присутствующие Н. И. С-ов, Р. И. Скарятин и Л. Л. Васильев находятся вне поля зрения испытуемой. Внушение «белого» или «черного» производится с применением рулетки акад. Миткевича. Опыт поставлен с целью продемонстрировать эту методику Н. И. С-ову, впервые присутствовавшему на наших опытах. Опыт и протокол к нему ведет сам тов. С-ов.

В результате из 10 поставленных проб испытуемая дала подряд 10 правильных ответов, что в контрольных опытах со случайным совпадением является довольно редким случаем. Вероятность такого случая исчисляется так: $1:2^{10} = 1:1024$, т. е. одна удача на тысячу двадцать четыре пробы.

Большую доказательную силу имеют также опыты, выполненные по совсем другой, так называемой моторной методике мысленного внушения в Гронингемском университете (Голландия). Психологи Бругманс, Гейманс и Винберг помещали перцепиента в похожую на шкаф картонную камеру, закрытую спереди, с боков и сверху. Перед камерой стоял стол, на который была положена большая доска (типа шахматной), разделенная на 48 квадратов¹. На ней было 6 рядов, пронумерованных по краю от 1 до 6, и 8 колонок, обозначенных латинскими буквами А—Н. Таким образом, каждый из 48 квадратов обозначался, как у шахматистов, буквой и цифрой, например С₄. Экспериментаторы вытягивали из одной перетасованной колоды карточек номер (1—6), а из другой колоды букву (А—Н). Таким образом, в каждом опыте по жребию выбирался один из квадратов. Затем экспериментаторы предлагали перцепиенту просунуть правую руку в широкую щель, сделанную внизу передней стенки камеры, и указать рукой мысленно внушаемый ему квадрат. При этом экспериментаторы как бы мысленно направляли руку перцепиента к задуманному квадрату.

¹ См. рис. на стр. 98 брошюры «Таинственные явления человеческой психики».

Из числа многих испытанных таким образом перципиентов выделился студент Ван Дам, успешно угадывавший внушаемый квадрат. В начале проведения этих опытов экспериментаторы оставались в той же комнате, где в камере с завязанными глазами сидел Ван Дам. Близость экспериментаторов к перципиенту снижала доказательность получаемых результатов. Поэтому вторая половина опытов с Ван Дамом была проведена при более строгих условиях, исключавших возможность какой-либо невольной подсказывающей сигнализации перципиенту со стороны экспериментаторов.

Ван Дам оставался один в своей комнате. Экспериментаторы находились этажом выше — в комнате, находившейся над комнатой перципиента. В полу верхней комнаты было проделано окошко, заделанное толстым стеклом. Через это окошко из затемненной верхней комнаты экспериментаторы могли видеть руку перципиента, высунутую из камеры, и мысленно направлять ее движения. При этих условиях результаты опытов с Ван Дамом не ухудшились; напротив, процент удач еще более повысился.

В общей сложности из 187 проб Ван Дам в 60 случаях точно указал мысленно внушаемый ему квадрат, что составляет 31% правильных ответов.

Этот результат во много раз превышает то число, которое указывается теорией вероятностей для случайно удачных совпадений (4 на 187). Вероятность вычислялась по формуле:

$$\frac{1}{84} \times 187 = 3,89 \text{ (округленно — 4).}$$

Небольшая доза алкоголя (30 г), принятая перципиентом, еще более увеличивала число удачных опытов (без алкоголя 22 из 104 проб, т. е. 21%; после его приема 22 из 29 проб, т. е. 75%). Эти замечательные по постановке и результатам опыты, выполненные еще в 1920 г. и опубликованные в 1922 г., к сожалению, не были повторены последующими исследователями¹.

¹ H. I. Brugmans. Quelques expériences télépathiques faites à l'institut psychologique de l'université à Groningen. Le Compte Rendue officiel du premier Congrès International des Recherches psychiques. Copenhagen, 1922, p. 396.

С каждым годом все большее число исследователей убеждается в реальном существовании мысленного внушения и переходит к изучению различных сторон этого сложного явления. Это не значит, однако, что мысленное внушение уже получило за рубежом всеобщее признание ученых. Отнюдь нет! Споры «за» и «против» продолжают там и поныне.

С разных сторон критикуются и только что приведенные опыты Бругманса. Так, по Керрингтону (H. Carrington), экспериментаторы могли неправильно регистрировать результаты опытов, поскольку они наблюдали движения руки перципиента с расстояния нескольких футов и через толстое стекло. Этому источника ошибок не было в первой половине опытов, но против этих опытов возражают Соул и Бейтман, указывая, что экспериментаторы, зная выбранный квадрат и находившиеся вблизи перципиента, могли делать движения, послужившие для Ван Дам слуховой подсказкой. Этот пример показывает, как трудно бывает экспериментаторам удовлетворить всем, нередко противоречивым, требованиям критиков.

Недавно английский философ Джордж Прайс в статье «Наука и сверхъестественное» объявил все опубликованные по мысленному внушению экспериментальные работы безупречными в методическом отношении. Его не убеждают и сверхвероятные результаты количественных опытов Соула и Райна¹.

Свою статью Прайс начинает признанием успехов парапсихологии. Он пишет: «Особенностью настоящего времени является то, что в течение последних 15 лет (т. е. с 1940 по 1955 г. — Л. В.) едва ли появилась хотя бы одна научная статья с критикой работы парапсихологов. Эта победа является результатом тщательного экспериментирования в широких масштабах и разумного аргументирования. Лучшие из экспериментов Райна и Соула по угадыванию карт показывают огромную разницу по сравнению с возможным случайным совпадением. При этом возможность участия сенсорных подсказок почти исключается, так как карты и перципиент находятся в разных зданиях.

¹ G. P. Price. Science and the Supernatural, «Science», 1955, vol. 122, № 3165, p. 359.

Десятки экспериментов получили положительные результаты... а математические расчеты были одобрены ведущими статистиками».

Казалось бы, чего же больше желать? Прайса все это, им же самим сказанное, не удовлетворяет. Он ставит перед собой задачу убедить читателя в том, что мысленное внушение и другие связанные с ним парapsихические явления «несовместимы с современной научной теорией», что они противоречат категориям пространства, времени, причинности и что, следовательно, признание их равносильно признанию чуда. Продолжая развивать эту мысль, Прайс пишет: «Если парapsихология и современная наука несовместимы, почему тогда не отказаться от парapsихологии? Мы знаем, что противоположная гипотеза, состоящая в том, что некоторые люди лгут и обманывают себя, вполне укладывается в рамки науки». Выбор лежит между верой во что-то «подлинно революционное», «радикально противоречащее современной научной мысли» и верой в возможность преднамеренного обмана или самообмана. Что же является более разумным? Прайс выбирает второе, бросая тем самым тень на добросовестность парapsихологов: они или сами обманывают легковверных читателей их работ, или являются жертвами обманных проделок перципиентов.

Можно только удивляться этой аргументации Прайса, современника великих революционных переворотов в области физики. Разве квантовая механика, теория относительности, факты, выходящие за рамки ранее известных принципов сохранения массы и энергии, не были на первых порах вопиющей «несовместимостью с современной им теорией науки»? Можно ли априорно отрицать возможность таких же «несовместимостей» и в области психофизиологии, несравненно менее обследованной и неизмеримо более сложной, чем область физики? Необъяснимое с позиций современной науки нельзя объявлять сверхъестественным и на этом «основании» отвергать, так как второе не следует из первого. Так поступая, материалист рискует отдать на откуп идеалистам новое в науке и тем самым затормозить прогресс научной мысли.

Результаты парapsихологических исследований, например, опытов Соула или Райна, критик мог бы

дисквалифицировать двояким образом: или 1) найдя в этих опытах такую методическую погрешность, которая могла бы помочь перципиенту отгадать задуманное задание, или 2) доказав факт мошенничества участников опыта — какого-либо сговора между ними, тайной сигнализации и т. п. Прайс, конечно, не утверждает, что Соул, Райн или кто-либо из участников их опытов попросту жульничали (у него нет для этого фактических доказательств). Он утверждает только, что опыты были поставлены так, что экспериментатор (например, тот же Соул) при желании смог бы подделывать результаты и что поэтому следует требовать лучших доказательств, чем данные Соула, чтобы «поверить в сверхъестественное».

Далее Прайс подробно разбирает постановку опытов Соула, в которых обычно участвовали три лица: экспериментатор, находившийся при агенте, который мысленно внушал задание перципиенту, помещенному в смежной комнате. Прайс описывает шесть возможных комбинаций («процедур») сговора между агентом и перципиентом или самим экспериментатором, проведение которых могло бы обеспечить удачный ход опытов.

В заключение своей статьи Прайс заявляет, что его удовлетворил бы всего лишь один положительный эксперимент, но такой, при котором «ошибка или мошенничество были бы столь же невозможными, как невозможно сверхъестественное».

В опытах мысленного внушения передаваемые задания должны задаваться генератором случайных чисел; перципиент может находиться где угодно, только не рядом с агентом. При наличии тайного сговора между участниками эксперимента, предупреждает Прайс, очень трудно надежно уберечься от тех или иных средств связи. Например, агент может сигнализировать одному из присутствующих посредством каких-либо незаметных движений, а этот последний может воспользоваться карманным радиогенератором для передачи информации перципиенту. Словом, альтернативу — обман или «чудо» — разумнее решать в пользу обмана.

Статья Прайса не осталась без ответа со стороны парapsихологов, в частности самих Райна и Соула. Их

полемика с Прайсом напечатана в одном из парапсихологических журналов в номере за 1955 г.¹

Мне неоднократно приходилось слышать следующее заявление критиков: «Дайте сперва окончательное, обязательное для всех и каждого доказательство реальности мысленного внушения; а потом уже изучайте и описывайте его свойства, его физическую природу и пр.» Можно предвидеть, что такое же возражение будет сделано и по поводу этой брошюры. С таким возражением автор согласиться не может: это не ускорит, а задержит исследование вопроса.

Пусть любая серия опытов из приведенных в этой главе, взятая в отдельности, недостаточна для установления факта мысленного внушения, но все серии количественных опытов в своей совокупности, все случаи спонтанной телепатии делают существование мысленного внушения в высокой степени вероятным. Этого достаточно, чтобы, не дожидаясь признания всех и каждого, ставить дальнейшие исследования этого явления так, как будто бы его реальное существование уже было окончательно установлено.

Ведь по ходу таких исследований как раз и могут быть найдены все условия, необходимые и достаточные для бесперебойного экспериментального вызывания явлений мысленного внушения, что и будет наилучшим доказательством их реальности. Такое уже не раз случалось в истории науки. Например, изучение свойств и закономерностей физиологического действия, даже практическое применение гормонов и витаминов началось задолго до того, как эти вещества были выделены в чистом виде и искусственно синтезированы, т. е. установлены «окончательно».

IV. СРАВНЕНИЕ ЖИТЕЙСКИХ СЛУЧАЕВ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ОПЫТОВ

В предыдущих главах мы познакомились с проявлениями спонтанной и экспериментальной телепатии. На первый взгляд может показаться, что между ними больше различий, чем сходства. В случаях ярко выра-

¹ «The Journal of Parapsychology», 1955, vol. 19, № 4, p. 236—271.

женной спонтанной телепатии у перципиента неожиданно возникает отчетливый образ телепатически передаваемого события, достигающий иногда галлюцинаторной силы и яркости. Телепатема перципиента, как и телепатема индуктора, обычно сопровождается переживанием той или иной эмоции — сильного чувства, волнения, душевного подъема. Эти случаи можно назвать «макротелепатическими» явлениями, «телепатическими грозами». Совсем не так выглядит передача телепатического влияния в опытах мысленного внушения, проводимых по количественной методике. Здесь воспринятое перципиентом мысленное внушение индуктора остается неосознанным; теряется среди случайных совпадений и может быть выявлено только применением статистических методов. Это — явление «микротелепатического» характера.

Столь резкое различие этих явлений побудило некоторых исследователей, например итальянского парапсихолога Э. Боццано, утверждать, что и природа их столь же различна: телепатия — это одно, мысленное внушение — совсем другое, их не следует смешивать, они качественно различны. По Боццано, спонтанные телепатические влияния могут передаваться на огромные расстояния, тогда как мысленное внушение, вызываемое в эксперименте, якобы быстро ослабевает и сходит на нет с увеличением расстояния между внушающим и внушаемым.

Это воззрение нельзя считать правильным: различие между проявлениями спонтанной и экспериментальной телепатии не качественное, а всего лишь количественное. Вопреки утверждению Боццано, теперь показано, что опыты мысленного внушения карт Зенера удается с успехом производить на значительные расстояния; например, из одного здания в другое на расстоянии 100 и 250 метров. В этих условиях при 1850 пробах было получено большое «положительное отклонение» (на 188 правильных ответов больше, чем предусматривается теорией вероятностей). Вероятность такого отклонения, если бы оно было обусловлено одной лишь случайностью, ничтожно мала¹. Об

¹ J. B. Rhine and J. G. Pratt, Parapsychology (Frontier Science of the Mind), Springfield, 1957, p. 66—69.

опытах с передачей мысленного внушения на расстояния десятков и сотен километров будет сказано в предпоследней главе.

На явления спонтанной телепатии более подходят результаты, получаемые с применением не количественных, а качественных методов мысленного внушения. Таковы «методы воспроизведения» мысленно внушаемых заданий — рисунков, различных предметов, движений, актов поведения, каких-либо происшествий и т. п. В отличие от описанных в предыдущей главе «методов узнавания», при проведении методов воспроизведения число возможных заданий инструкцией не ограничивается. Оно может быть неопределенно велико. Характер заданий перципиенту заранее не сообщается или сообщается лишь в общих чертах. Например, дается инструкция: «Постарайтесь нарисовать предмет, который я задумал и буду мысленно вам внушать». Или же погруженному в гипнотический сон перципиенту без какого-либо словесного предупреждения внушается тот или иной зрительный образ, драматическое событие, некогда пережитое индуктором, и т. п.

Вот два таких случая, заимствованных из собрания Лондонского общества психических исследований.

«Мистер Смит, сотрудник уже известного нам Гернея, приведя испытуемую Б. в гипнотическое состояние, попытался со всею возможной ясностью вообразить себе стоящий на столе большой открытый зонтик. Через минуту или около того испытуемая, смеясь, заявила: «Как это странно, большой открытый зонтик стоит на столе». Я должен признаться, — добавляет к этому м-р Смит, — что никогда больше не был в состоянии повторить этот опыт».

Заметим, что этот опыт напоминает вышеупомянутый случай спонтанной передачи прозаического образа корзины с яйцами (стр. 27). Еще большее сходство со спонтанной телепатией выступает в тех опытах, в которых индуктору удается мысленным внушением вызвать галлюцинацию живого лица. Вот один такой случай из того же литературного источника.

«Однажды вечером в ноябре 1881 г., прочитав о сильном влиянии, которое может производить человеческая воля, я всеми силами своего существа решил

«психически присутствовать» в комнате одного дома, отстоящего миль на три от моего жилища. Я назначил для своего «появления» там 1 час ночи; при этом я страстно хотел, чтобы мое присутствие было замечено». Оказалось, что находившаяся в комнате в это время, но еще не спавшая мисс L. V. действительно увидела его стоящим около своей кровати и так испугалась, что криком разбудила младшую сестру, которой привиделась та же самая мысленно внушенная галлюцинация.

В этом случае грань между спонтанной и умышленно вызываемой телепатией окончательно стерлась. Однажды мне довелось самому быть свидетелем подобного же явления. В двух смежных комнатах, разделенных закрытой дверью, одновременно проводились опыты мысленного внушения. В одной комнате индуктором был доктор Н. А. Панов и тут же находился его загипнотизированный перципиент; назовем д-ра Панова — А₁, а его перципиента — Р₁. В другой комнате агентом был доктор В. И. Рабинович — А₂, а перципиентом — Р₂. Д-р Панов внушал перципиенту малозначительное задание, и его перципиент ничего не воспринял. Д-р Рабинович, напротив, мысленно передавал своему перципиенту, остававшемуся в бодрственном состоянии, задание, резко окрашенное эмоцией; он представил себе бывшую в действительности сцену гибели своего брата: брат тонет, он находится на берегу, видит, как кто-то бросается в воду и вытаскивает уже мертвое тело. Что же получилось? Хотя индукция А₂ была направлена на перципиента Р₂, воспринял ее не он, а перципиент Р₁. Последний не воспринял телепату, которая была ему непосредственно направлена д-ром Пановым, а уловил другую телепату, направляемую д-ром Рабиновичем не по его адресу. Находясь в гипнотическом состоянии, перципиент Р₁ вдруг стал проявлять признаки волнения и на вопрос гипнотизера — что его беспокоит? — довольно полно передал словами драматическую сцену на берегу. Очевидно, восприимчивость к мысленному внушению у загипнотизированного Р₁ была значительно больше, чем у бодрствовавшего Р₂.

Этот опыт очень напоминает рассказ Л. Е. Миллер, приведенный во второй главе. В обоих описанных ею

случаях спонтанной телепатии телепатема была уловлена только ею одной, хотя, надо полагать, в обоих случаях телепатема предназначалась не столько ей, сколько ее матери.

В упомянутом во второй главе (стр. 23) случае спонтанной телепатии (№ 79) перципиент испытывает непреодолимое желание идти искать своего, как оказалось, умиравшего в эти минуты отца, который в данном случае являлся невольным индуктором. Подобная ситуация создается в опытах мысленного внушения, носящих название «вызова перципиента». Такие опыты ставились, например, тремя советскими учеными — проф. Желиховским (физиком), проф. Нормарком (химиком) и Котковым (врачом-психотерапевтом) в Харькове в середине 20-х годов. Перципиентом была студентка 18—19 лет, чрезвычайно восприимчивая как к словесному, так и к мысленному внушению. В своем письме автору этих строк доктор Котков так описывает эти опыты:

«Находясь у себя на квартире, я в строго обусловленное с Желиховским и Нормарком время вызывал девушку в лабораторию к Нормарку, пользуясь методом мысленного внушения. Когда наступал «экстаз торжества удачи» (так автор письма называет возникавшую у него уверенность в том, что внушение достигло своей цели. — Л. В.), я прекращал опыт и шел в лабораторию. Обычно я или заставлял девушку уже там, или она приходила немного позже меня. Когда у нее спрашивали, зачем она пришла, она обычно отвечала смущенно:

— Не знаю... Так просто... Захотелось прийти...»

Как уже говорилось, степень доказательности случаев спонтанной телепатии меньше степени доказательности опытов мысленного внушения, особенно тех, которые проводятся с применением количественных методик и с последующей статистической обработкой результатов. С этим спорить нельзя. Можно, однако, сказать, что степень достоверности спонтанных проявлений телепатии значительно повысилась после того, как было показано, что эти проявления по своей природе качественно не отличаются от статистически достоверных результатов, полученных в опытах мысленного внушения.

Большой вес приобрели также и результаты качественных опытов мысленного внушения, например передачи зрительных образов вещей и рисунков. Ценность таких опытов — не в доказательстве реальности мысленного внушения: скептика эти опыты не убедят¹. Их значение в том, что они лучше всяких других выявляют особенности телепатической индукции и перцепции, а также (что особенно важно) бросают луч света на психологические и отчасти физиологические процессы, лежащие в основе мысленного внушения (об этом будет сказано в последующих главах). Именно поэтому подобные методы применялись исследователями чаще всех других.

Мысленно внушаемый зрительный образ обычно вырисовывается в сознании перципиента мало-помалу, с частыми искажениями, ошибками, отвлечениями в сторону и лишь постепенно достигает большей или меньшей ясности. Чтобы не быть голословным, приведу протокольную запись одного из опытов известного немецкого парапсихолога д-ра Тишнера².

«Объект мысленного внушения — ножницы. Опыт начинается в 8 ч. 14 м. вечера. Через две минуты перципиентка начинает говорить: «Это кажется мне очень большим. Я еще слишком занята своими мыслями... теперь это мне представляется скорее маленьким, узким, коротким предметом... как будто что-то закрученное, похожее на пробочник... может быть, нож или что-нибудь такое. Мне кажется это очень трудно узнать... К сожалению, я рассеянна очень... все теснятся впечатления сегодняшнего дня. Теперь вижу образ г-жи Тишнер. Это монета? (д-р Тишнер ответил, что нет). Теперь это что-то как бы круглое, блестящее... оно всегда блестит? Теперь это как бы кольцо... Это снова как бы из металла... Блестит, как стекло или металл... круглое и, однако, вытянутое в длину... как будто это ножницы... внизу две круглые штучки, и дальше это вытянутое в длину... должно

¹ Английский парапсихолог Керингтон сделал попытку таким образом поставить опыты с мысленным внушением рисунков, чтобы результаты этих опытов стали доступны количественной оценке с применением теории вероятностей (Whately Carington. *Telepathy*. London, 1945).

² R. Tischner. *Über Telepathie und Hellsehen*. München, 1920.

быть, это ножницы...» Непосредственно затем (в 8 ч. 26 м.) с выражением уверенности испытуемая повторила:

— Это ножницы!»

Условия этого характерного опыта: перципиентка помещалась за ширмой, завешенной, кроме того, большим платком; внушающий (индуктор) сидел спиной к ширме на расстоянии нескольких метров от нее. Зеркал и каких-либо отражающих поверхностей в комнате не было. Проводил опыт д-р Тишнер; индуктору он вручал какой-либо предмет и затем записывал словесные реакции перципиентки, следя в то же время за поведением того и другого.

Однажды мне пришлось в голову повторить этот опыт д-ра Тишнера, т. е. мысленно внушить кому-нибудь зрительный образ ножниц. Индуктором был я, перципиенткой — моя жена Т. Б. Она была слегка нездорова и лежала на кровати; индуктор сидел за ее изголовьем, держа на коленях записную книжку и рисуя в ней мысленно передаваемые зрительные образы. В данном случае были нарисованы ножницы с раздвинутыми концами¹. Опыт проводился между 11 и 12 часами ночи; в комнате был полумрак. Перципиентка получила инструкцию: лежа на спине, привести себя в пассивное состояние, говорить все, что приходит на ум. Индуктором тут же, в записной книжке, записывались словесные реакции перципиентки. Вот что было записано:

«Окунаюсь во что-то... Мундир с пуговицами и фуражкой... Галстук бантом». Вопрос индуктора: «О каком галстуке говоришь?» Ответ: «О твоём» (у индуктора галстук был завязан «бабочкой»). Перципиентка (тотчас же после этого): «А теперь — о ножницах». На вопрос, каким образом пришло на ум слово «ножницы», отвечает: «Мысленно произнесла слово «ножницы», оно непосредственно пришло на язык».

Правильный ответ был дан гораздо быстрее и с меньшими отклонениями, чем в аналогичном опыте Тишнера; но, как это часто бывает в опытах такого

¹ Рисовать внушаемые предметы безопаснее, чем держать их в руках: например, ножницы при неосторожном обращении с ними могут издать металлический звон, скрип при их раздвижении и т. п., что может быть подсказкой для перципиента.

рода, вскоре появились сомнения в доказательной ценности полученного результата.

После опыта перципиентка вспомнила о том, что недавно прочла статью по телепатии (какую именно, она сказать не могла), в которой в числе других примеров описывался удачный опыт с мысленным внушением объекта — ножницы. Это обстоятельство и галстук индуктора, похожий по форме на раздвинутые ножницы, могли навести мысль перципиентки на правильный ответ. Приведенный пример показывает, с какой осторожностью надо проводить опыты такого рода.

Подводя итог сказанному в этой главе, еще раз напомним: на первых ступенях приведенной во второй главе градации спонтанные телепатические явления выражаются у перципиента малоопределенными, смутными переживаниями, напоминающими то, что обычно бывает в опытах мысленного внушения зрительных образов. С другой стороны, в некоторых (правда, очень редких) опытах мысленного внушения телепатема перципиента достигает яркости и выразительности типичных проявлений спонтанной телепатии.

V. ПОИСКИ НАИЛУЧШИХ УСЛОВИЙ ОПЫТОВ

Главная задача экспериментатора всегда состоит в том, чтобы по возможности овладеть изучаемым явлением, научиться вызывать его по своему усмотрению любое число раз. Эта задача стоит и перед исследователями мысленного внушения. Для ее разрешения необходимо и достаточно установить оптимальные, т. е. наиболее благоприятные условия, при которых опыты мысленного внушения лучше всего и чаще всего удаются. Для удобства изложения подразделим эту очень сложную и до сей поры окончательно неразрешенную задачу на три части:

1. Оптимальные условия индукции (что лучше всего передается в опытах мысленного внушения, как должен переживать индуктор внушаемое задание?).

2. Оптимальные условия перцепции (в каком нервно-психическом состоянии должен находиться перципиент для того, чтобы наилучшим образом воспринимать телепатему индуктора?).

3. Каковы оптимальные условия передающей среды, разделяющей индуктора и перцепиента? Что препятствует, что способствует передаче внушения на расстоянии, какова роль самого расстояния?

Эти три вопроса соответствуют трем моментам телепатического акта: 1) телепатеме индуктора, 2) телепатеме перцепиента и 3) самому процессу пространственной передачи телепатемы. В этой главе остановимся на первых двух пунктах, последний будет освещен в десятой и одиннадцатой главах брошюры.

Оптимальные условия телепатической индукции

Наиболее распространенный взгляд на этот вопрос состоит в следующем: наилучшим образом передается то содержание сознания, на котором индуктор максимальным образом концентрирует свое внимание. Иными словами, лучше всего передаются наиболее сознаваемые в данный момент переживания индуктора, и весь секрет мысленного внушения сводится к его умению устойчиво концентрировать свое внимание. Старинные авторы особенно упирали на этот пункт. Укажу, например, на свидетельство французского врача Жибото (Gibotteau), который в 1892 г. имел случай наблюдать явления, производившиеся «деревенским колдуном». Этот «колдун» якобы обладал исключительной способностью внушать что-либо своим пациентам на расстоянии. Расспрашивая этого доморощенного индуктора о том, как он производит свои внушения, доктор вынес следующее впечатление: для того чтобы передать мысленный образ, необходимо создать его в своем уме с возможной интенсивностью и затем внезапно ослабить его, как бы «выбросить из головы»; необходимо уметь произвольно «заряжать и разряжать свой ум». Этот процесс внезапного погашения образа, по свидетельству Жибото, как раз и дает наилучшие результаты. Приблизительно такое же заключение высказывают и другие авторы, например Каслян (Caslant), который в своей работе о телепатических явлениях говорит следующее: «Для того чтобы достигнуть наилучшего результата индукции, необходимо мысленно сформулировать тот образ, который желательно передать; затем, сознательно от-

правив его испытуемому, попытаться мгновенно забыть о нём»¹.

Теперь о втором условии. Ряд авторов указывает на то, что мы поступим не лучшим образом, если будем индуцировать объект, который для нас эмоционально безразличен. Например, я не могу с большой интенсивностью и эмоциональностью переживать зрительный образ стула, спичечной коробки и т. п.; но если передо мной письмо любимого человека, живого, а тем более недавно умершего, я буду переживать этот объект всем своим существом.

По заверению ряда авторов, наиболее удачные результаты опытов мысленного внушения получаются именно тогда, когда мы передаем объекты, для нас эмоционально окрашенные. Такого мнения держался ленинградский парапсихолог д-р Г. В. Рейц, который в большой серии опытов мысленно внушал своим испытуемым объекты трагического характера — веревку повесившегося, картину казни и т. п. Только при этом условии ему удавалось достигать точной и полной телепатической передачи. Я думаю, что это соображение правильно. Наибольшие шансы быть переданными перцепиенту имеют те психические переживания индуктора, которые захватывают все его существо. Ведь и при спонтанной телепатии агент или умирает, или испытывает сильное душевное потрясение, которое передается перцепиенту на сотни и тысячи километров с необычайной яркостью и полнотой.

Третье условие следующее. Многие индукторы считают необходимым не только интенсивно переживать внушаемое задание, но и вместе с тем мысленно направлять его на перцепиента, возможно более ярко представив себе его образ. На это указывал Каслян в уже приведенной цитате. Ведущий в нашей стране гипнолог проф. К. И. Платонов специализировался на так называемой гипногенной методике мысленного внушения. О своих опытах мысленного внушения сна и пробуждения перцепиентке М. проф. Платонов писал мне следующее:

¹ Цит. по статье R. Warcollier «La Télépathie expérimentale», Les Conférences de l'Institut Métapsychique International en 1926. Paris, p. 48.

«Важно отметить, что когда я оказывал воздействие на испытуемую в форме мысленного приказа — «Засыпайте!», «Спите!», то последний был всегда безрезультатен. Но при моем зрительном представлении образа и фигуры заснувшей М. (или же проснувшейся М.) эффект всегда был положительным»¹.

Полнее всех других авторов сформулировал условия телепатической индукции последователь проф. Платонова врач-психотерапевт К. Д. Котков. В опытах мысленного усыпления и пробуждения уже упоминавшейся в предыдущей главе испытуемой д-р Котков применял следующие методические приемы².

«Я садился в удобное кресло, в абсолютной тишине. Закрывал глаза. Мысленно я шептал своему объекту слова внушения: «Спи! Спи! Спи!» Это я называю первым фактором мысленного внушения.

Второй фактор. Я до галлюцинаторности или до самой яркой сновидности представлял себе образ объекта. Я рисовал ее в своем воображении глубоко спящей, с закрытыми глазами.

И, наконец, третий фактор. Я считаю его самым важным. Я называю его фактором хотения. Я сильно желал, чтобы девушка уснула. Наконец, это желание переходило в уверенность, что она уже спит, и в какой-то своеобразный экстаз торжества удачи.

Я сигнализировал этот момент и прекращал опыт. Время точно фиксировалось. Я ждал сигнала начать пробуждение и проводил его по тому же методу. Снова сигнализировал о пробуждении объекта. Пробуждалась она также в момент моей сигнализации. Все эти три фактора действовали одновременно длительно в 3—5 минут.

Объект приглашался на опыты под предлогами, которые не могли навести его внимание ни на какие догадки, зачем он приглашен. Во время опыта внимание девушки занималось максимально всем, чем только возможно было его занять. Ей не давалось возможности сосредоточиться на чем-либо самостоятельно.

¹ Выдержка из письма К. И. Платонова от 30. XII. 1960 г.; приводится с разрешения автора письма.

² Из письма К. Д. Коткова от 25. II. 1961 г.; приводится с разрешения автора письма.

Первые опыты были проведены в одном здании. Нас разделяло несколько комнат. Потом перешли к опытам, когда мы находились в разных концах города. Успешность была одинакова. Связь была так хорошо налажена, что не терялось ни одной минуты наблюдений. Все фиксировалось самым точным образом.

Один только дефект в этой работе одинаково волновал всех участников опыта (проф. Желиховского, доцента Нормарка и автора этого письма. — Л. В.). Это то, что девушка все же была предупреждена об опытах. Но все делалось так ловко и аккуратно, что об опытах она не знала. Это доказывалось тем, что она до самого последнего момента, до самого последнего опыта спрашивала нас, когда же наконец начнутся опыты с нею.

С течением времени вопрос о телепатической индукции осложнился новыми наблюдениями. Стало известно, что сплошь и рядом перцепиенту передаются также и такие состояния сознания индуктора, которые последним вовсе не осознаются, оставаясь в глубинах его латентной (скрытой) памяти.

Это утверждается большинством современных исследователей мысленного внушения; но и в старинной литературе вопроса можно найти некоторые данные, подтверждающие этот взгляд. Еще Рише наблюдал следующий любопытный факт. Однажды, желая передать своему испытуемому возможно более трудное задание, Рише стал перелистывать справочник, содержащий список фамилий французских писателей и поэтов. Стараясь выбрать фамилию мало известную, он остановился на поэте Легуве, но попутно его внимание задержалось на Жозефе Шенье. Это имя мелькнуло в сознании и тотчас погасло. Рише сосредоточил свое внимание на фамилии Легуве, но испытуемый совершенно неожиданно дал ответ: Жозеф Шенье. Телепатически переданным оказалось не то, что передавалось сознательно, а то, что вскользь мелькнуло в сознании индуктора, с тем чтобы тотчас же погрузиться в область его подсознательного¹.

¹ Область подсознательного признается современными физиологами павловской школы. Так, Э. Ш. Айрапетянц и К. М. Быков в статье «Учение об интерорецепции и психология подсознательного» пишут: «Подсознательная стимуляция — это

На Афинском конгрессе психических исследований (в 1930 г.) д-р Танагра посвятил этому вопросу целый доклад, в котором со всей решительностью утверждал, что гораздо чаще, чем можно думать, перцепиенту передается не создаваемое содержание психики индуктора, а латентное, подсознательное. Танагра привел ряд примеров из своих опытов с известным греческим перцепиентом Констанцией, которая во время опытов находилась в гипнотическом сне. Вот один из примеров.

Индуктор, некая г-жа Кисса, мысленно представила себе трагическую сцену, которая разыгралась в дни ее молодости. Много лет назад на званом вечере в доме ее родителей скоропостижно скончался один из гостей. Тело перенесли в соседнюю комнату и положили на кровать. Во время опыта Констанция подробно описала всю эту сцену, причем заявила, что среди присутствовавших был ребенок 8—10 лет. Г-жа Кисса отрицала присутствие ребенка. Но когда она рассказала об этом опыте своему уже взрослому сыну, он вспомнил, что, действительно, был разбужен поднявшейся в доме суматохой и видел, как труп перенесли в ту комнату, где он сам находился. Таким образом, присутствие сына, совершенно забытое индуктором, было воспринято перцепиентом с меньшей яркостью, чем сознательно переживаемые образы прошлого.

Приведя еще три таких случая, д-р Танагра приходит к заключению, что концентрировать внимание на мысленно внушаемом объекте не обязательно для успеха опыта. Нередко одного взгляда, брошенного на предмет, бывает достаточно, чтобы с необычайной ясностью зрительный образ этого предмета передавался перцепиенту, а в другой раз самого напряженного сосредоточения внимания индуктора недоста-

реально совершающийся в коре головного мозга процесс, в любой момент могущий стать явным, настойчивым, в зависимости от характера межцентральных взаимоотношений в данном текущем акте поведения. Любой стимул из внутренней или внешней среды, в зависимости от его физиологического и биологического значения и функционального состояния адресата, может стать подсознательным или сразу превратиться в сознательный» («Успехи современной биологии», т. XV, вып. 3, 1942, стр. 282).

точно, чтобы испытуемый воспринял посылаемую ему телепатему¹.

В современных количественных опытах, требующих быстрого накопления большого цифрового материала для статистической обработки, телепатическая индукция производится в течение всего нескольких секунд. Так, например, в известных опытах Соула перцепиент должен был телепатически воспринимать карты, на которые последовательно и в определенном ритме (через каждые 2,6 секунды) взглядывал находившийся в соседней комнате индуктор. Этого было достаточно, чтобы получить сверхвероятный процент правильных ответов.

Я и мои коллеги по бехтеревской Комиссии по изучению мысленного внушения пришли к такому же заключению еще в начале 20-х годов. В наших опытах² было использовано 900 различных объектов (предметов, рисунков) для мысленной их передачи перцепиенту, находившемуся за капитальной стеной в другой комнате. При индукторе и перцепиенте находились наблюдатели, которые записывали каждое их слово. В этих опытах было замечено, что иногда перцепиент воспринимает не фиксируемый взглядом индуктора мыслимо внушаемый объект, а какое-нибудь случайное зрительное впечатление, полученное индуктором. Вот один из многих тому примеров.

Объект фиксации — небольшой овальный портрет женщины под стеклом в темно-красной кожаной квадратной раме. Во время его фиксации взглядом индуктору бросилось в глаза отражение на стекле портрета нитей электрической лампочки, по своим очертаниям напомнившее ему латинскую букву «N», и он шепнул находившемуся при нем наблюдателю: «Наполеон, мелькнула буква эн». Через 25 секунд после этого замечания последовали слова перцепиента, записанные его наблюдателем: «Пальма, венок, консул», а еще через несколько секунд: «Вижу не то Наполеона, не то Веспасиана». Слышимость из одной комнаты в дру-

¹ A. Tanagra. La Telepathie de la Mémoire Latente. Transaction of the Fourth International Congress for Psychical Research, Athens, 1930, SPR London, 1930.

² Инициатором этих опытов был мой сотрудник по физиологической лаборатории Института мозга В. А. Подерни.

гую была комиссией тщательно проверена. Эта возможность была исключена.

Оптимальные условия телепатической перцепции

Переходим к вопросу об оптимальных условиях перцепции. Если в отношении телепатической индукции все еще остается спорным значение подсознательных (неподотчетных) переживаний, то в отношении перцепции дело обстоит значительно проще и яснее. В настоящее время мы имеем ряд доказательств в пользу того, что приемником телепатемы индуктора в большинстве случаев является латентная (скрытая) психика перципиента. Об этом можно заключить по целому ряду соображений. Случаи спонтанной телепатии чаще всего и лучше всего происходят тогда, когда перципиент находится в состоянии или сна, или гипноза, или истерического транса, т. е. такого состояния психики, при котором подсознательные латентные переживания получают возможность легче проникать в сферу сознания.

В области экспериментальной телепатии германский исследователь д-р Брук наблюдал то же самое. Он показал, что опыты с данным перципиентом и данным индуктором удаются лучше при условии, когда перципиент находится в состоянии гипноза. Отсюда Брук делает решительный вывод о том, что сонное состояние и в случае экспериментальной телепатии является условием благоприятным¹. В новейшее время финский психотерапевт Ярл Фалер (Fahler) подтвердил это положение. Он количественным методом установил, что отдельные вспышки сверхвероятных результатов отгадывания игральных карт имеют тенденцию происходить при гипнотическом состоянии перципиента. Из шести наиболее выраженных сверхвероятных отклонений пять были получены в условиях гипноза².

В своем докладе на Варшавском конгрессе психических исследователей уже известный нам д-р Бругманс сделал попытку выяснить оптимальные условия телепатической перцепции при бодрственном состоя-

¹ Carl Bruck. *Experimentelle Telepathie*. Stuttgart, 1925.

² I. Fahler. *ESP Card Test with and without Hypnosis*. «Journal Parapsychology», 1957, № 21, p. 179.

нии испытуемого. Для того чтобы опыт удавался, испытуемый — известный Ван Дам, по собственному его заявлению, должен был приводить себя в состояние пассивности (*l'état passif*), образовав так называемую «пустотность сознания». Это состояние Ван Даму не всегда удавалось у себя вызвать, тогда опыты бывали менее удачны.

Второе условие, выдвинутое Бругмансом и Ван Дамом, — это состояние контакта, «телепатического раппорта» между перципиентом и агентом (об этом будет сказано в шестой главе).

Наконец, последнее условие Ван Дам обозначает словами — «состояние удачи». В тех случаях, когда опыт удавался, перципиент, еще не зная об этом, переживал «эмоцию успеха», чувство своеобразной удовлетворенности. По заявлению д-ра Коткова, «экстаз торжества удачи», как мы помним, иногда бывает и у индуктора.

Резюмируя сказанное о телепатической перцепции, мы можем заключить, что все те состояния сумеречного сознания, при которых латентная психика пробуждается и подходит к порогу сознания, являются благоприятными для телепатической перцепции.

То, что подсознательное является как бы резервуаром, в который вливается передаваемая телепатема, может быть доказано еще рядом других соображений. Об этом прежде всего говорит существование отсроченной телепатической перцепции. Что это значит? Допустим, я произвожу мысленное внушение перципиенту: он ничего не воспринял, опыт как будто бы не удался, но иногда, уже по окончании опыта, у перципиента вдруг выплывает в сознании тот самый образ, который ему внушался. Это и есть отсроченная, иначе следовая, телепатическая перцепция. Явления такого рода могут иметь одно только объяснение: в то время, когда производился опыт, подсознательные переживания перципиента не достигали порога сознания; но стоило испытуемому прийти в состояние, более благоприятное для проявления латентной памяти, как телепатически воспринятый образ тотчас же появился. Таким состоянием часто бывает дремота, предшествующая засыпанию или пробуждению («просоночное» состояние психики).

Уже упомянутая бехтеревская комиссия пришла к заключению, что задержка в выявлении мысленно внушаемого образа у некоторых перципиентов имела характер случайного явления, но у других казалась постоянным их свойством. Задержку иногда удавалось вызывать у перципиента искусственно, поставив опыт следующим образом. В словесно вызванном гипнотическом сне перципиенту внушалось, что после пробуждения он будет воспринимать мысленно внушаемые ему образы только через определенное время, например с момента возложения на его голову головного убора (роль головного убора, разумеется, мог играть и всякий другой не слишком сильный раздражитель). И действительно, телепатическая перцепция оказывалась после этого отсроченной, скрытой до наступления указанного момента. Перципиент давал правильные ответы только после того, как на его голову надевался головной убор. В этом явлении можно усмотреть своеобразную аналогию с образованием запаздывающего условного рефлекса.

Тридцать лет спустя такое же запаздывание в условиях своей количественной методики наблюдал и проф. Соул¹. Статистическая обработка результатов очень большого числа опытов показала, что перципиент правильно называл не только ту карту, на которую индуктор смотрел в данный момент («карту-цель»), но не менее часто угадывал и предшествовавшую ей «карту-1». Тот и другой результат оказался статистически достоверным. Первый мог быть выражением перцепции, одновременной (синхронной) с мысленным внушением индуктора; второй — перцепции отсроченной (асинхронной).

Приведем и второе соображение. Как при спонтанной, так и при экспериментальной телепатии перципиентом чаще воспринимается не сам передаваемый образ, не содержание телепате́мы индуктора, а только реакция на телепате́му — либо в виде эмоции, либо в виде побуждения к действию, либо в виде зрительного образа, представления, связанного с телепате́мой индуктора. Это показывает, что в каких-то глубинах психики передаваемая телепате́ма перципиентом уже

¹ S. G. Soal and F. Bateman. *Modern Experiments in Telepathy*. New-Haven, 1954, Yale University Press.

уловлена, но по каким-то причинам не может выйти в его сознание. Находясь в подсознании, она действует на сознание, беспокоя его неизвестно откуда берущимися чувствами, влечениями или образами.

Наконец, еще третье соображение: очень часто переданная телепате́ма агента не реализуется в сознании испытуемого с полной точностью; часто она оказывается символически переработанной психикой перципиента, причем характер этой символики напоминает тот, какой мы имеем в сновидениях. Получается впечатление, как будто психический механизм переработки дневных впечатлений в сновидения имеет такой же характер, как и механизм переработки телепате́мы индуктора в телепате́му перципиента. Для парапсихолога различные случаи переработки, искажения телепате́мы психикой перципиента имеют поэтому, пожалуй, даже больший интерес, чем редкие случаи полной и точной ее передачи.

В этой связи следует вспомнить высказывание уже упоминавшегося французского парапсихолога Дезуаля¹. Он указывает, что могут существовать четыре пути для осуществления передачи мысли от индуктора А перципиенту Р. Эти четыре пути таковы:

1) прямая передача от сознания А сознанию Р (это бывает тогда, когда телепате́ма перципиента в точности соответствует телепате́ме индуктора);

2) передача от сознания А сперва подсознанию Р, а затем его же сознанию (когда проявление телепате́мы перципиента отсрочено или когда она значительно отличается от телепате́мы индуктора);

3) передача от сознания А своему собственному подсознанию, а затем уже сознанию Р (например, в приведенных в этой главе опытах с мысленным внушением фамилии Легуве и женского портрета);

4) передача от сознания А сперва своему подсознанию, затем подсознанию Р и через него сознанию Р (рис. 3).

В настоящее время, замечает Дезуаль, трудно решить, какой именно из этих путей является действительно существующим, но многое говорит за то, что наиболее вероятной следует считать последнюю (4-ю)

¹ См. уже цитированную выше статью (стр. 33).

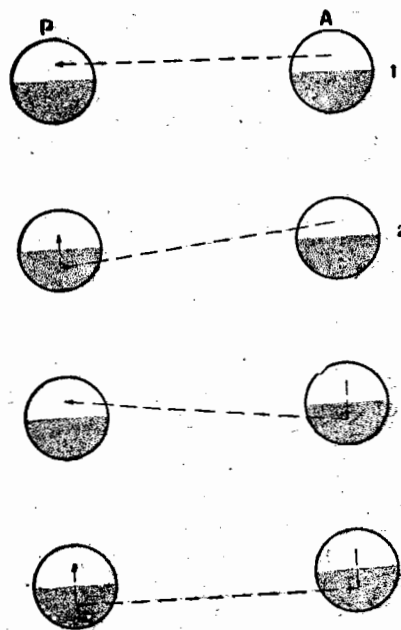

Рис. 3. Схематическое изображение передачи внушения на расстоянии от агента (кружки справа) перципиенту (кружки слева). Белые половины кружков обозначают сферу сознания, серые — подсознания.

мысленно внушенных рисунков из статьи первого русского исследователя таких рисунков приват-доцента Я. Жука. В его опытах внушающий брал наудачу рисунок из числа заранее заготовленных и внимательно всматривался в него, а отгадчик, не видя рисунка, старался воспроизвести его на листе бумаги, рисуя то, что приходило ему в голову. На табл. 4 представлены «внушенные ответы», которые Я. Жук считал удачными (а — рисунки, внушавшиеся индуктором; в — рисунки, воспроизведенные перципиентом). На табл. 5 представлены частично удачные, по мнению Я. Жука, «внушенные ответы». Индуктор

¹ См. Л. Л. Васильев. Таинственные явления человеческой психики, стр. 96.
² См. Г. Анфилов. Встречи с непонятым. «Знание — сила», 1960, № 12, см. рис. на стр. 19.

схему. Приведенные в этой и предшествующих главах опыты показывают, что все четыре схемы реальны; вопрос в том, в каких случаях реализуется преимущественно та или другая из них.

В монографиях зарубежных исследователей телепатии опубликовано огромное число иллюстраций, изображающих результаты опытов по мысленному внушению различных рисунков. В легко доступных советскому читателю изданиях недавно были приведены образчики таких рисунков, заимствованные из работ д-ра Брука¹ и писателя Эптона Синклера². Здесь мы воспроизводим образчики

внушал изображение зайца (а); перципиент сперва изобразил линию спины (в), затем попытался нарисовать голову (с), потом — переднюю лапу (d) и ухо (e). Это пример разложения на отдельные части и упрощения перципиентом внушаемого ему зрительного образа. На двух следующих рисунках Я. Жук приводит примеры усложнения внушаемого образа добавоч-

Рис. 4. Старинные опыты доцента Жука по внушению на расстоянии рисунков. а — рисунки, внушаемые агентом; в — воспринятые и нарисованные перципиентом.

ными деталями: внушается цветочная корзина (а), а воспринимается круглый столик со свисающими с него штрихами и рядом какое-то добавление (в); в другом случае внушался крест (а), воспринят тот же крест, но с добавочным очертанием сердца (в). Наконец, в последнем представленном опыте внушалось изображение топора (а); перципиент изобразил кружку, которая по очертанию напоминает топор, а вставленная в кружку палка похожа на топориче. В этом можно усмотреть смещение частей внушаемого рисунка или же признать внушение неудавшимся.

Жук был едва ли не первым исследователем, который стал изучать ошибки и искажения в телепатически воспринимаемых зрительных образах. Желая выяснить причину таких искажений, он произвел ряд следующих опытов. Выбрав какой-нибудь рисунок из

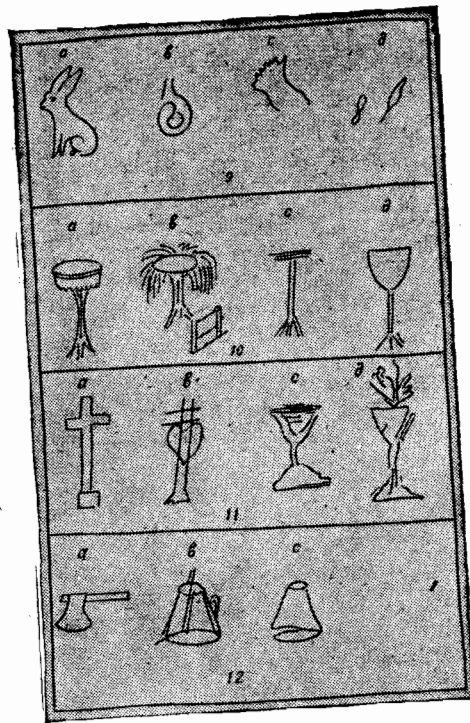

Рис. 5. Искажения рисунков доцента Жука при внушении их на расстоянии (b) и при недостаточной зрительной их экспозиции (c и d). Пояснения в тексте.

числа тех, на которые уже был получен «внушенный ответ», он показывал его издали «на один миг» перципиенту; тот рисовал, что успел разглядеть. Полученные таким образом «зрительные ответы» Я. Жук считал с «внушенными ответами». Оказалось, что ошибки и искажения в зрительных и внушенных ответах были часто почти одинаковы. На последней таблице зри-

тельные ответы на рис. 10, 11 и 12 обозначены буквами c и d. Как видно, они действительно имеют большее сходство с «внушенными ответами» (b), чем с самими показываемыми «на миг» рисунками (a).

На основании этих опытов Я. Жук склонялся к той мысли, что мысленное внушение воспринимается перципиентом посредством какого-то еще не открытого органа чувств. Это предполагаемое скрытое чувство было впоследствии названо Шарлем Рише «криптэстезией» (*cryptesthésie*), или «шестым чувством». Как известно, одни органы чувств расположены снаружи и воспринимают раздражения, действующие извне; их называют экстерорецепторами. Другие рецепторы находятся внутри организма, в различных внутренних органах, кровеносных сосудах, мышцах и пр.; это — интерорецепторы. Но независимо от местоположения все органы чувств находятся вне центральной нервной системы, на «периферий» тела, от них начинаются все рефлекторные дуги. Рецепторы передаваемого мысленного внушения, если они существуют, тоже должны находиться где-либо на поверхности тела или внутри него, но только не в самом мозге.

Вслед за Рише (и нашим Я. Жуком) современные французские парапсихологи придерживаются такой же периферической, иначе рефлекторной, теории телепатической перцепции. Один из них, Херумьян, подчеркивая принципиальное значение ошибок и искажений в телепатической перцепции зрительных образов, высказывает весьма здравую мысль:

«Спиритуалистам объяснить эти ошибки труднее, чем материалистам. В самом деле, почему дух, освобожденный при явлениях телепатии от уз времени и пространства (как полагают спиритуалисты. — Л. В.), забавляется тем, что делает ошибки? Это непостижимо. Но если видеть в телепатических способностях не более чем особое органическое чувство, сравнимое с другими нашими чувствами, то ошибки и неудачи телепатических опытов перестанут нас удивлять. Ведь и всем известным нам органам чувств свойственны разные недочеты в их воспринимающей деятельности»¹.

¹ R. L. Khèrumian. Réflexions sur l'état actuel et les perspectives de la parapsychologie. «Revue Métapsychique», 1959. vol. 11, № 9, p. 3.

Другого воззрения придерживаются преимущественно американские и английские парапсихологи. Они считают, что мысленное внушение передается непосредственно от мозга индуктора к мозгу перципиента без участия каких-либо органов чувств. Такой именно смысл имеют употребляемые ими термины — «внечувственное восприятие» (Extrasensory Perception), «умственное или мозговое радио» (Mental radio) и т. п. Они ищут клеточные структуры, могущие воспринимать телепатическое воздействие, внутри самого головного мозга, в составляющих его нейронах.

Эти два направления тесно связаны с энергетическими теориями внушения на расстоянии, с которыми читатель познакомится в X и XI главах брошюры.

VI. ТЕЛЕПАТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

Переходим к следующему вопросу — вопросу о телепатической связи между индуктором и перципиентом или о «телепатическом раппорте». В гипнологии под *раппортом* понимается связь погруженного в гипноз испытуемого с окружающей его обстановкой и в частности с гипнотизером. Чем глубже засыпает гипнотик, тем более суживается его связь с окружающим. В глубоком гипнозе он не сознает того, где находится, кто и что его окружает, не отвечает на вопросы присутствующих, но зато с особой чуткостью воспринимает все то, что относится к гипнотизеру, хорошо слышит его голос, отвечает на каждый вопрос, подчиняется каждому словесному внушению. Это и называется «изолированным раппортом» (в отличие от первоначальной неизолированной, обобщенной связи со всем окружающим).

То же самое можно сказать и о телепатической связи между индуктором и перципиентом: она также почти всегда бывает более или менее изолированной, необобщенной. Как бы хорош ни был индуктор, как бы ни был сенситивен перципиент, этого еще недостаточно, чтобы опыты мысленного внушения были успешны. Необходимо еще, чтобы индуктор находился в какой-то связи, в каком-то еще недостаточно изученном личном соотношении с перципиентом, нужна,

как выражаются некоторые авторы, «сонастроенность» психики агента с психикой перципиента. В самом деле, если бы этого не было, какой хаос царил бы в нашем сознании при наличии ничем не ограниченных телепатических влияний. Каждую минуту на земле умирают десятки тысяч людей, каждый момент с кем-нибудь происходит то или иное потрясающее событие. Если бы все это телепатически передавалось всем и каждому, то вся наша психика была бы переполнена приходящими со всех сторон телепатиями. Наш собственный поток сознания был бы до крайности ими засорен.

Но этого нет, нет потому, что требуется какое-то особое избирательное соотношение между мозгом и психикой индуктора и мозгом и психикой перципиента для того, чтобы телепатическая связь могла бы осуществиться. Об этом говорят нам приведенные во второй главе случаи спонтанной телепатии, например рассказ Л. Е. Миллер. При постановке опытов мысленного внушения большое значение имеет выбор так называемой «телепатической пары»: кому быть индуктором, кому — перципиентом. От удачи этого выбора во многом зависит успех опытов.

Наличие телепатической сонастроенности отчетливо выявилось в многолетних исследованиях французского парапсихолога Варколлье. Бывает так, что индуктор мысленно внушает сразу двум-трем перципиентам какую-нибудь фигуру, скажем, две параллельные линии, но из этого ничего не выходит: первый перципиент начинает рисовать фигуру совсем другого рода, например круг с вписанным в него треугольником, а за ним то же самое зарисовывает и второй перципиент. Если сговор между этими двумя перципиентами исключен (за это ручается Варколлье), то как же понять это явление? Ясно, что телепатического раппорта между агентом и первым перципиентом в данном случае нет, между агентом и вторым перципиентом тоже нет, и что неожиданно проявился раппорт между двумя перципиентами, из которых первый оказался хорошим индуктором для второго. Это подтвердилось и последующими опытами с двумя данными испытуемыми.

Установлено, что есть лица, более других способные оказывать мысленное внушение (телепатические

агенты или индукторы), и лица, более других способные воспринимать мысленное внушение (телепатические перципиенты). Нельзя отрицать и существования более или менее удачных сочетаний хороших агентов с хорошими перципиентами (телепатических пар). Укажу на серию опытов проф. Соула, убедительно подтвердившую это положение. В проведении этой серии участвовали несколько агентов и только один перципиент. Каждый агент получал пакет, содержащий 25 предварительно перемешанных карт с пятью уже известными нам фигурами, повторявшимися 5 раз. Агенты одновременно вынимали карту за картой и одновременно мысленно внушали перципиенту — каждый свою фигуру, изображенную на вынутой карте. В этой долго длившейся серии опытов только один агент получил выдающийся результат, намного превосходящий тот результат, какой следовало ожидать по теории вероятностей. Другие агенты не превысили этого ожидаемого результата, хотя с другими перципиентами им удавалось получать хорошие результаты.

Что обуславливает наличие «телепатической сонстроенности» в одних случаях и ее отсутствие в других? На этот вопрос бросают некоторый свет опыты того же Соула, о которых уже упоминалось в предыдущей главе. Способность к телепатической перцепции по своей природе чрезвычайно изменчива; даже в течение одного опыта она периодически то повышается, то убывает. В опытах Соула внушаемые объекты (карты с теми или иными изображениями) сменялись ритмично, через короткие интервалы времени. Оказалось, что лучший перципиент проф. Соула, некий Шеклтон, удачно отгадывал карты, когда агент вынимал их из колоды с интервалами в 2,6 секунды. Когда агенту предлагалось производить мысленное внушение тех же карт в замедленном ритме — через каждые 5 секунд, получалась полная неудача. Кроме того, медлительность нового ритма так раздражала перципиента, что он в конце концов отказался продолжать опыты в таких условиях.

Эти наблюдения позволили Соулу заключить, что успех опытов с восприятием ритмически посылаемых мысленных внушений зависит от соответствия двух

ритмов: ритма посылов внушений агентом и ритма благоприятных для восприятия моментов у перципиента. Когда эти ритмы совпадают — опыты хорошо удаются, когда же не совпадают — опыты не удаются.

С этим указанием солидарны и современные французские парапсихологи Варколлье и Херумьян. Они полагают, что «телепатическое созвучие» (*l'accord télépathique*) представляет собой особый род резонанса ритмически протекающих физиологических процессов в организме агента и перципиента, в частности биотоков коры мозговых полушарий. По их мнению, наличие такого резонанса могло бы быть установлено сравнительным изучением электроэнцефалограмм агента и перципиента. Предполагается, что у хорошей телепатической пары ритмичные колебания биотоков коры мозговых полушарий протекают более синхронно, чем у плохой телепатической пары. Однако установить это еще не удалось.

В некоторых случаях сочетание данного агента с данным перципиентом оказывается исключительно неудачным. В лаборатории Райна было показано, что некоторые телепатические пары при проведении с ними количественных телепатических опытов систематически давали такой процент неудач, который значительно выше, чем дала бы простая случайность. Такое «отклонение результатов в отрицательную сторону», если бы оно оказалось статистически достоверным, можно было бы назвать «телепатией с отрицательным знаком»¹. В психиатрии аналогичное явление называется «негативизмом». Некоторые душевнобольные проявляют как бы извращенную внушаемость: они не только не подчиняются велениям лечащего врача, но все делают наоборот — упорно молчат, когда их спрашивают, без умолку болтают, когда их просят помолчать, и т. п.

Читатель уже знает, что в некоторых случаях мысленного внушения индуктор чувствовал, что опыт удался («экстаз торжества удачи» д-ра Коткова), а в других случаях «чувство удачи» переживал перципиент (Ван Дам). Эти наблюдения указывают на то, что телепатическая связь иногда имеет подотчетный и

¹ J. Rhine. The Problem of Psi-missing. «Journal of Parapsychology», June 1952, p.90.

двусторонний характер: индуктор направляет свое мысленное внушение на данного перципиента и иногда чувствует, возымело ли оно свое действие или нет; перципиент иногда чувствует это воздействие и даже узнает, кто именно в данном случае был индуктором. В подтверждение этих важных положений можно привести ряд наблюдений и опытов.

Индуктор должен знать то лицо, на которое он направляет свое мысленное внушение. Телепатема без определенного адресата, как правило, не доходит¹. В зарубежных странах неоднократно делались попытки произвести массовое мысленное внушение всем и каждому, но такие попытки не дали положительного результата. С этой целью в Англии физиком Лоджем была использована широкоэвещательная радиостанция. К слушателям радио была обращена просьба, в определенный час и минуту записать то, что им придет в голову. В трех сериях таких опытов из пяти доводился до сведения слушателей общий характер внушаемого задания, в двух остальных этого не делалось. Было получено около 25 000 ответов, из которых только очень немногие отдаленно напоминали внушавшиеся задания. Результат не превысил то, чего можно было ожидать по теории вероятностей. Такой же опыт был затем повторен в Чикаго (США) парапсихологом Мерфи (Murphy) и с тем же отрицательным результатом.

По собственным опытам мысленного внушения засыпания и пробуждения мне известно, что индуктор может не знать, где и в какой обстановке находится во время опыта перципиент, но индуктор должен настолько знать перципиента, чтобы иметь возможность ярко представить себе его внешний образ. Более того, нам неоднократно удавалось по жребию мысленно усыплять из дальней комнаты одну из двух перципиентов, причем другая, находившаяся рядом с первой, продолжала бодрствовать. Это явление было названо нами «избирательной направленностью телепатемы индуктора».

Много интересного дал нам опрос перципиентов, приведенных мысленным внушением в состояние гип-

¹ Бывают, однако, и исключения: одно из них было описано в гл. IV (опыт д-ров Панова и Рабиновича).

нотического сна. Он позволил нам сделать следующие заключения.

1. Получается впечатление, будто мысленное внушение сна или бодрствования воспринимается испытуемой тотчас же, но реализация уже воспринятого внушения более или менее отсрочивается благодаря наличию своеобразного противодействия, сознательного или подсознательного характера. Заметим, что такое же сопротивление приказу гипнотизера иногда наблюдается и при обычном (словесном) внушении.

2. Опрос показывает, что испытуемая субъективно воспринимает какую-то связь с индуктором, символически обозначая ее то «нитью», то «разматывающимся клубочком» и т. п.; нередко она воспринимает мысленное внушение как приказ, передаваемый ей по телефону. Эти детали, разумеется, не могут нам дать представления о характере энергетического влияния индуктора на перципиента, но с психологической стороны они заслуживают внимания.

3. Тот же опрос дает основания предполагать, что испытуемая не только ощущает своеобразную связь с индуктором, но и узнает, кто из экспериментаторов действует на нее мысленным внушением.

Приведу полностью протокольные записи, относящиеся к одному из этих опытов.

«Испытуемая Федорова прибыла в лабораторию в 9 час. 30 мин. и для отдыха перед опытом была введена в комнату (В). В это время пришел проф. Васильев, к которому в другую комнату (А) перешел Томашевский, находившийся перед этим при испытуемой. При обсуждении условий предстоящего опыта возник следующий план: испытуемая помещается в камеру, находящуюся в комнате В; при ней в качестве наблюдателя остается Томашевский; Васильев, ни разу перед этим не усыплявший эту испытуемую ни мысленно, ни словесно, сделает вид, что уходит из лаборатории; на самом же деле он вернется в отдаленную комнату (А), с тем чтобы в неизвестный для наблюдателя (Томашевского) момент начать мысленное усыпление.

Задуманный план был приведен в исполнение. В 9 час. 55 мин. испытуемая вошла вместе с Томашевским в камеру. Васильев инсценировал свой уход из лаборатории и перешел в отдаленную комнату. На-

блюдатель в течение всего опыта опрашивал испытуемую, занося свои вопросы и ее ответы в протокол. В 9 час. 58 мин. индуктор (Васильев) приступил к мысленному внушению сна. В 10 час. 00 мин. испытуемая погрузилась в гипноз.

И-ая: «Не надо больше...»

Н-ль: «Кто Вас усыпил?»

И-ая: «Вы... Сегодня хорошо усыпляет...»

Н-ль: «Кто усыпляет?»

И-ая: «Томашевский».

Н-ль: «А еще что приходит Вам в голову?»

И-ая: «Васильев лезет в голову... Как уснула, так он вспомнился, а сейчас лезет в голову...»

В 10 час. 18 мин. индуктору (Васильеву) пришла мысль передать испытуемой образ птицы, которую он представил себе в виде кондора или грифа. Приблизительно в то же время наблюдатель задает испытуемой вопрос:

— Скажите, что приходит Вам в голову?

И-ая: «Он хорошо показывает...»

Н-ль: «А кто он?»

И-ая: «Васильев, его глаза торчат...»

Непосредственно вслед за этим:

— Петух... Теперь я его вижу. Он сидит за столом, за круглым (индуктор действительно сидел за круглым столом).

— Это он у меня все отнял...

Н-ль: «А кто Вас погрузил в гипноз?»

И-ая: «Значит, он и погрузил... Он очень сковал...»

В 10 час. 35 мин. индуктор переходит в комнату испытуемой и входит в железную экранирующую камеру. В 10 час. 40 мин. индуктор начинает мысленно пробуждать испытуемую.

И-ая: «Посиди там... Он наматывает клубок... Да хватит... профессор Васильев, бросьте... Что же, придется проснуться... Мне не охота... Ну, ладно, хватит...»

В 10 час. 41 мин. И-ая: «Надоело... Васильев там (указывает по направлению экранирующей камеры), там сидит... Как надывается бедный... Я же слышу...»

В 10 час. 43 мин. испытуемая просыпается. В 10 час. 43,5 мин. индуктор (против обыкновения тотчас же после пробуждения испытуемой) приступает к вторичному внушению сна.

И-ая: «Что-то не то...» В 10 час. 46 мин. засыпает».

Наиболее существенным в этом опыте является, как нам кажется, не только то, что испытуемая узнала индуктора, хотя он, повторяем, за два года знакомства с испытуемой ни разу не пробовал ее усыпить, но еще и то, что испытуемая в течение всего опыта вполне точно регистрировала поведение индуктора и место его пребывания.

Итак, по данным наших опытов, между индуктором и перципиентом устанавливается не односторонний, а двусторонний раппорт: с одной стороны, индуктор должен направлять внушение именно на данного перципиента; с другой стороны, перципиент узнаёт по воспринимаемой им телепатеме, кто в данный момент выполняет роль индуктора.

Этот наш результат находит поддержку в исследованиях предшествующих авторов. Лондонскими исследователями феноменов спонтанной телепатии уже давно были описаны случаи, когда перципиент телепатически воспринимал переживания индуктора, а индуктор в тот же момент, и также телепатически, воспринимал ту ситуацию, при которой в данный момент перципиент находился.

Нечто подобное наблюдал в своих опытах и московский физик, ученик акад. Лазарева, С. Я. Турлыгин. В своей статье «Излучение микроволн (≈ 2 мм) организмом человека»¹ он пишет:

«Испытуемая (Ч.) заявила нам, что она прекрасно чувствует, когда индуктор «работает»², и может определить момент его работы. Чтобы проверить это заявление, мы проводили опыты следующим образом. Поместив гипнотизера-индуктора в будку, патрубком которой был затянута папиросной бумагой, и расположив испытуемую на расстоянии 2 м на стуле перед патрубком, мы начинали очередной опыт, продолжая его до первой ошибки испытуемой. Условный сигнал индуктору — работать или нет — давался бесшумно натягиваемой нитью. Начало опытов шло обычно удачно: испытуемая быстро давала безошибочные ответы, ра-

¹ См. «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины», 1942, т. 14, № 10, вып. 4, стр. 63.

² «Работает» — в данном случае значит: производит мысленное внушение.

ботает или не работает индуктор. Но с течением времени ответы, как правило, постепенно замедлялись от усталости. В контрольном опыте последний правильный ответ был дан на 35-й минуте. Это был 17-й правильный ответ. Следует отметить, что продолжительность в 35—40 минут принималась нами за предельную, в особенности в том случае, если сознание испытуемой активно участвовало в опыте. Если считать, что ответы испытуемой случайно совпали со всей нашей совершенно произвольной сменой последовательности «работы» и «неработы», то вероятность η такого события была бы при 17 непрерывных правильных ответах такой¹:

$$\eta = \frac{1}{P_{17}} = \frac{1}{1 \cdot 2 \cdot 3 \dots 16 \cdot 17} = \frac{1}{3,55 \cdot 10^{16}}$$

$$\eta = 2,8 \cdot 10^{-16},$$

т. е. такой случай был бы совершенно невероятным: один положительный шанс против трех с половиной миллиардов миллионов шансов отрицательных.

Надо твердо помнить, что телепатическая связь — это не только воздействие на расстоянии одного организма на другой; сверх того — это особый род информации, присущий, по крайней мере, некоторым видам живых существ. Одно существо информирует другое о каком-либо воспринятом им событии, полученном впечатлении, переживаемом чувстве, желании и т. п.

Отчетливее всего информационный характер выражен во многих случаях спонтанной телепатии: перципиент в этих случаях полностью или хотя бы частично сопереживает с агентом то, что с ним (агентом) происходит. Информационный элемент довольно отчетливо, но уже с частыми искажениями выражен в опытах мысленного внушения, проводимых по сенсорной методике, особенно при непосредственной передаче рисунков, зрительных образов вещей, слов или чисел. Даже в опытах с применением моторной или гипногенной методики мысленного внушения информацион-

¹ Это вычисление аналогично тому, какое было приведено в гл. III, на стр. 34, и пояснено в подстрочном примечании на этой странице.

ный элемент еще присутствует хотя бы потому, что перципиент часто узнает, кто именно его усыпил или заставил произвести определенное движение. Но бывают и такие проявления биологической связи на расстоянии, при которых информационный элемент почти сходит на нет. В этих случаях перципиент не осознает воздействия, получаемого им со стороны агента; никакого познавательного содержания само воздействие в этих случаях не имеет, а потому не может быть названо осведомлением, информацией. К этому мы еще вернемся в восьмой главе.

VII. ТЕЛЕПАТИЧЕСКАЯ ОДАРЕННОСТЬ

Лица, впервые знакомящиеся с явлениями мысленного внушения и спонтанной телепатии, обычно задают вопрос: «Почему только некоторые, немногие люди одарены этой удивительной способностью? Почему с нами никогда ничего подобного не было? Не странно ли это? Ведь другие психические способности присущи всем людям без исключения». На это можно ответить: да, присущи всем людям, но в какой различной степени! Возьмем, например, способность к устному счету. В Бехтеревском институте мозга автору довелось участвовать в обследовании феноменального счетчика Араго. Представьте себе классную доску, на которой кто-либо из присутствующих пишет колонку из 10—12 пятизначных или шестизначных чисел. Требуется подсчитать сумму написанных чисел. Араго делал это с невероятной быстротой. Едва кинув взгляд на доску, он буквально «выпаливал» ответ с такой скоростью, что его едва удавалось записывать. «Простой же смертный» выполнял эту счетную операцию с мелом у доски не раньше чем за несколько минут, да и то нередко с ошибками. Замечательно, что феноменальная способность к устному счету проявляется у таких одаренных счетчиков как бы в готовом виде, обычно очень рано — еще в дошкольном возрасте.

Райн, основываясь на своем большом опыте, утверждает, что и телепатическая способность в какой-то мере присуща всем людям, но в заметной форме

она проявляется только у немногих лиц, да и то далеко не всегда, а лишь в отдельные периоды жизни, чаще в молодости чем в зрелые годы. Зарегистрировано несколько случаев очень раннего проявления телепатической одаренности. В одном научном французском журнале сельским врачом Жеаном (Jean) описан удивительный случай спонтанной телепатии, относящийся к детскому возрасту¹.

«Лет 12 тому назад я лечил в моей деревне мальчика, лет семи от роду. Однажды утром меня спешно вызвали к нему. Мать с ужасом рассказала, что у ребенка внезапно появился бред. Он проснулся в обычный час, и все, казалось, шло хорошо. Но вдруг, около 10 часов, ребенок приподнялся на постели, испуганный галлюцинацией. Он везде вокруг себя видел воду и стал кричать и звать на помощь, утверждая, что отец его тонет. Отца в деревне не было, он уехал в Ниццу, где жил его брат, и намеревался провести там несколько дней. Когда я, — продолжает д-р Жеан, — пришел, малыш уже успокоился, но продолжал утверждать, что видел, как отец его утонул. Скоро была получена телеграмма от брата, вызывавшая в Ниццу вдову (каковою она в то время уже была). В Ницце мать мальчика узнала, что ее муж утонул утром, около 10 часов, пытаясь оказать помощь своему брату, у которого во время купанья сделали судороги».

Для того чтобы по возможности очистить результаты опытов мысленного внушения от наслоений и искажений, вносимых в них сознанием перцепиента, его подсознательными влечениями, сексуальной символикой и пр., такие опыты в зарубежных странах теперь нередко проводятся на детях разного возраста и на умственно или физически отсталых взрослых. Иногда эти опыты дают очень четкие и показательные результаты². Однако всего чаще и заметнее телепатическая одаренность проявляется в юношеском возрасте, в период полового созревания. У нашей корреспондентки Л. Е. Миллер телепатическая способность проявилась дважды в 16—17 лет и больше уже не повторялась; у Б. Шабера — в 15 лет (см. гл. II). К старости эта

¹ Jean. Annales de Science psychique. 1919, p. 20.

² К этому мы еще вернемся в последней главе.

способность почти всегда иссякает. Нам известен, однако, случай редкой устойчивости способности к телепатической перцепции, многократно проявлявшейся в течение всей жизни (с 14-летнего возраста). Приведу еще один ценный «человеческий документ» — письмо уже известной читателю С. А. Агеносовой, пересланное мне редакцией латвийского журнала «Наука и техника».

«Во втором номере журнала «Наука и техника» за 1961 год опубликована статья Анфилова «Передача мыслей — возможна ли она?». Вот по этому поводу мне и хочется поделиться некоторыми непонятными, необъяснимыми фактами. Чтоб не казалось то, что я пишу, вымыслом, считаю нужным дать некоторые данные о себе: я учительница, член КПСС, мало этого, я секретарь партийной организации. Хотя мне, может быть, и так-вы поверите, но эти данные исключают ложь.

Я жила в г. Якутске. В 1916 году 1 февраля у меня умер отец, незадолго до этого получивший право выезда из Якутска, куда он был сослан. 31 января мы получили от него из г. Иркутска поздравительную телеграмму (по случаю дня рождения моего брата). В пять часов утра я увидела сон, будто отец умер и лежит на столе... Я сказала об этом мачехе (мама у меня умерла, и была мачеха), она меня отругала. А днем получили телеграмму, что папа в пять часов утра скончался...

В Великую Отечественную войну муж и старший сын были на фронте. Я не знала, конечно, ничего, кроме номеров полевых почт, которые у обоих были разными. И вдруг я увидела во сне, будто муж и сын встретились. Написала об этом и мужу, и сыну, и вскоре получила от них письма, датированные этим же числом, что они действительно встретились на фронте...

Все более серьезные случаи в жизни моей семьи я обычно вижу во сне. Сын был контужен — я это знала. У мужа появилась другая женщина — я увидела ее во сне...

Я не помню более или менее серьезного случая, происшедшего в моей семье или в семьях моих детей, о которых я бы не знала накануне, в этот же день, но,

конечно, до того момента, когда я это видела или слышала. Говорить об этом бывало стыдно, не к лицу коммунисту, но это именно так. Некоторые «объясняют» свои сны (вроде того, что увидела ягоды — плакать будешь), я же никогда не искала объяснений своим снам, ибо видела именно так, как это случалось; часто видела именно то место, где это происходило.

Может быть, мое письмо поможет ученым найти объяснение. Одного хочу, чтоб фактам, мною сообщенным, верили, это так! Агеносова София Александровна, Нижний Тагил» (далее следует адрес).

Не лишним будет заметить, что такой же возрастной ход изменений известен и для обычной словесной внушаемости: она слабо выражена у очень маленьких детей, увеличивается в отроческом возрасте, достигает наибольшего развития в возрасте юношеском, а затем постепенно снижается, сходя на нет в старости.

Способность к телепатической перцепции по своей природе чрезвычайно изменчива; даже в течение одного опыта у данного перципиента она то повышается, то убывает. Нахождению способных агентов и перципиентов, подбору телепатических пар, дающих устойчивые результаты в опытах мысленного внушения, придается теперь большое значение. Производятся разносторонние обследования выдающихся перципиентов и агентов с применением психотехнических тестов, различных физиологических и медицинских методик. Изучается влияние на проявление телепатических способностей фармакологических веществ, возбуждающих или угнетающих нервно-психическую деятельность человека (установлено, что первые повышают, а вторые понижают эти способности). Установлено, что интерес агента и перципиента к проводимым опытам заметно улучшает их результаты. Когда с течением времени опыты начинают участникам надоедать, результаты резко снижаются. Оказывают влияние и такие трудно регулируемые факторы, как наличное настроение участников опыта, отношение их к экспериментатору и к присутствующим на опытах лицам (особенно незнакомым и скептически или насмешливо настроенным).

Это вполне естественно. Гипнологи давно уже знают, что все перечисленные факторы не остаются

без влияния и на результативность обычного словесного внушения, производимого гипнотизером бодрствующим испытуемым. Напрасно скептики (тот же Дж. Прайс и др.) иронизируют над тем, что в присутствии враждебно, скептически настроенных зрителей опыты мысленного внушения обычно не удаются. Почему, спрашивают они, самые строгие экзаменаторы не препятствуют экзаменуемому успешно сдать экзамен, а скептики мешают перципиенту проявить свои телепатические способности? Мы думаем потому, что мыслительные процессы, ответственные за правильность ответов экзаменуемого, всегда подотчетны его сознанию и воле, тогда как процессы, осуществляющие мысленную индукцию и перцепцию, часто бывают неподотчетны, подсознательны, управляемы волевым усилием. Вряд ли можно против этого возражать¹.

Еще один важный вопрос: упражняемы ли способности индуктора и перципиента? В практической психологии часто приходится иметь дело с тем же вопросом: упражняема ли та или иная нервно-психическая функция и в какой степени? Известно, что чисто сенсорные функции, например острота зрения и слуха, упражняемы мало; напротив, способность к моторным функциям высоко упражняема. Но упражняемы ли телепатические способности и в какой степени? Вопрос этот не разрешен. Однако можно привести серию довольно поучительных опытов, в которых упражнялись телепатические пары, т. е. агент и перципиент одновременно. Если верить автору одного такого исследования (А. К. Чеховскому), результаты получились весьма ободряющие: оказалось, что телепатические способности упражняемы в значительной степени. На приведенной диаграмме (см. рис. 6) изображены ре-

¹ О неподотчетном характере парапсихических явлений подробно говорится в обширной статье Херумьяна «Введение в изучение парапсихологического познания» (*Revue Métapsychique* 1946, № 1, 2, 3). Автор статьи сочувственно цитирует работу Э. Ш. Айрапетьянца и К. М. Быкова «Физиологические опыты и психология бессознательного», напечатанную в журнале «*Revue Internationale*», 1946, № 8, p. 111. В этой работе делается попытка подойти к проблеме подсознательного с позиций учения об условных рефлексах.

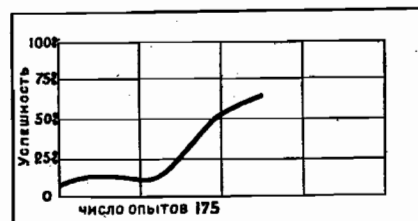

Рис. 6. Повышение успешности опытов внушения на расстоянии в процессе тренировки телепатической пары. Пояснения в тексте.

третьей кривой, но здесь ход тренировки более прихотлив: сначала подъем, затем падение до прежней величины; некоторое время кривая держится на низком уровне, а потом снова круто повышается.

Имеются, однако, указания, что высокая, недостижимая для «простого смертного» степень телепатической способности, как в отношении индукции, так и в отношении перцепции, бывает как бы врожденной. В литературе разбросаны сведения о лицах, которых можно назвать «телепатическими гениями». Достаточно назвать некогда знаменитую американку Пай-

пер (Е. Piper), которая в отношении способности воспринимать телепатымы стояла выше всех известных до той поры перципиентов. Многими заслуживающими доверия исследователями были зарегистрированы наблюдения такого рода: к ней приводили лиц, которых она заведомо не знала раньше. Когда ей задавали вопрос, сколько лет данному человеку, она совершенно точно определяла его возраст. Описание подобных случаев — не редкость в литературе вопроса. Однажды известный составитель «Толкового словаря великорусского живого языка» В. И. Даль, по специальности врач, присутствовал на опыте, где перципиенткой была молодая девушка, одаренная способностью к автоматическому письму. Даль задал ей вопрос, на который мог ответить только он сам: время рождения и смерти его сына от первой жены. Ответ был написан, но, как ему показалось, неправильный. Чтобы проверить свою память, Даль на другой же день перебрал свой архив со старыми календарями. Оказалось, что ошибся он сам, ответ же перципиентки был точен. Этот случай был тогда объяснен «сомнамбулической способностью медиума бессознательно видеть прошедшее в памяти спрашивающего»¹.

Если верны рассказы путешественников о способностях индусских йогов и тибетских лам, то у некоторых из них наблюдалась исключительно развитая телепатическая индукция, у других телепатическая перцепция. Первая якобы состояла в способности бессловесно внушать массовые галлюцинации не только своим же аборигенам, но и случайно присутствовавшим европейцам². Вторая способность (телепатическая перцепция) выражалась в той же форме, что и в опыте Даля. Вот заслуживающий внимания случай, рассказанный Аустинем Уодделем, участником английской интервенции, 1903—1904 гг. в Тибете, ученым-филологом, знавшим тибетский язык, но весьма высокомерно относившимся к тибетцам. Англичанин описывает свое посещение оракула Кармашара в Лхассе.

«Комната оракула, темная каморка, во мраке которой, лицом к двери, сидит волшебник на кресле с

¹ Журнал «Ребус», 1901, № 12, стр. 123.

² Эти рассказы не согласуются с результатами опытов мысленного внушения, о которых было сказано выше (стр. 74), и потому маловероятны.

Рис. 7. Тибетец, выслушивающий предсказания оракула Кармашара в Лхассе. С фотографии А. Уодделя.

подушками... Мне посчастливилось снять фотографию с тибетца, который выслушивал очень выразительный и полный пронизательного здравого смысла ответ провидца. Раньше чем я ушел, священник посмотрел на меня острым взглядом и спросил:

— Сколько вам лет?

На мой ответ он быстро возразил:

— Нет, вам годом больше; вам столько-то лет.

В эту минуту я вспомнил, что несколько дней тому назад был день моего рождения и что я достиг именно тех лет, на которые он указал¹.

¹ Аустин Уоддель. Лхасса и ее тайны (Очерк тибетской экспедиции 1903—1904 г.), Спб., 1906, стр. 288.

Это похоже на телепатическую перцепцию оракулом содержания латентной памяти Уодделя, который оказался здесь в роли невольного индуктора.

Принято считать, что наилучшими гипнотизерами бывают мужчины зрелого возраста, волевые и активные представители своего пола; гипнотизеры-женщины встречаются очень редко. Наилучшими гипнотиками, напротив, чаще бывают женщины и притом наиболее женственные. Соответственно этому большинством парапсихологов признается, что роль телепатического индуктора больше подходит мужчинам, а роль перцепиента — женщинам. Если, следуя указаниям И. П. Павлова, подразделять людей на два типа — исследователей с преобладанием логического мышления и художников с преобладанием образного, интуитивного мышления, то к первому придется отнести индукторов, а ко второму — перцепиентов. Короче говоря, индукторы и перцепиенты мыслятся как противоположные психологические типы людей.

Такое мнение поддерживается исследователями, считающими телепатическую индукцию по преимуществу сознательным волевым актом. Те же, кто подчеркивает зачастую произвольный характер индукции, с этим мнением не согласны. Так, например, Варколье утверждает, что индуктор и перцепиент во время опыта мысленного внушения должны находиться не в противоположных психических состояниях, а в сходных друг с другом: тот и другой должны обладать повышенной активностью подсознательной сферы, облегченным переходом сознательных психических переживаний в подсознательные (что якобы важно для индукции) и обратно — из подсознательного в сознание (важно для перцепции).

С точки зрения, развиваемой Варколье и его единомышленниками, способность к индукции совместима со способностью к перцепции: одно и то же лицо может быть хорошим индуктором и вместе с тем отличным перцепиентом. С обычной же точки зрения эти способности несовместимы, так как они противоположны друг другу. По нашему мнению, непримиримость указанных взглядов лишь кажущаяся: они могут быть согласованы, если признать, что телепатически передаются и сознательные переживания, на которых

максимально сконцентрировано внимание индуктора, и подсознательные, ускользающие от его внимания (первая и третья схемы Дезуаля, см. стр. 66).

Как в радиотехнике, так и в человеческом организме существуют, по-видимому, два аппарата (или механизма) связи на расстоянии: один для посылы, другой для приема телепатемы. У одних индивидуумов (индукторов) лучше действует «аппарат посылы», у других (перципиентов) — «аппарат приема». При резком преобладании у индуктора и перципиента одного из этих аппаратов над другим мысленное внушение приобретает односторонний характер; при более или менее равномерном развитии этих предполагаемых аппаратов у индуктора и перципиента выявляется двусторонний характер мысленного внушения, и противоположность между способностями индуктора и перципиента сглаживается. Такое представление, конечно, не более чем догадка, требующая экспериментального подтверждения. Подтверждением могло бы быть нахождение таких лиц, которые обладали бы способностями как хорошего телепатического индуктора, так и хорошего телепатического перципиента. Можно заранее сказать, что если подобные лица и существуют, то встречаются они чрезвычайно редко.

Главное, к чему в настоящее время должны стремиться парапсихологи, — это к овладению явлениями мысленного внушения в такой степени, чтобы их можно было бы повторно вызывать и демонстрировать всем и каждому. К этому теперь направлены усилия многих исследователей. Например, чехословацкий парапсихолог Милан Рызл применяет гипноз для воспитания или улучшения у испытуемых парапсихических способностей, в том числе и телепатической перцепции. Усыпленным испытуемым внушается охота к участию в опытах, вера в их успешность, тренируется способность отвлекаться от собственных мешающих опыту мыслей, способность к переживанию галлюцинаторных образов, соответствующих внушаемым заданиям и т. п.¹

¹ Милан Рызл (M. Rýzl). Развитие экстрасенсорного восприятия путем гипноза. Тезисы кандидатской диссертации. Прага, 1962.

Другой способ повышать результативность опытов мысленного внушения состоит в применении фармакологических веществ, повышающих возбудимость нейронов головного мозга и стимулирующих нервно-психическую деятельность перципиентов. В третьей главе уже упоминались опыты Бругманса, показавшие благоприятное действие малой дозы алкоголя на перцептивные свойства Ван Дама. Затем французским фармакологом Руийе¹ был получен такой же результат при применении хлороформенной вытяжки из мексиканского кактуса «пейотля» (*Echinocactus Williamsii*). Принятая внутрь в достаточной дозе (2 г), эта вытяжка вызывает спустя 1,5—2 часа сильное и длительное возбуждение зрительной области мозговой коры: при закрывании глаз в поле зрения спонтанно возникают (или вызываются раздражением других органов чувств) чрезвычайно яркие и красочные зрительные образы, калейдоскопически сменяющие друг друга. Вместе с тем, по мере развития отравления, нарастает двигательное и эмоциональное возбуждение испытуемого.

Однажды действию пейотля был подвергнут молодой инженер Т. Присутствовавшая при этом опыте г-жа С. попробовала мысленно внушить ему зрительную галлюцинацию — бюст поэта Данте. Через три минуты перципиент объявил: «Голова Данте, очень отчетливо слева». После этого таким же образом был внушен галлюцинаторный образ волка. Испытуемый произнес: «Лес; чувство одиночества; на меня глядит волк». В третий раз в тот же день на листке бумаги было написано: «Генрих IV». Спустя три минуты перципиент дал ответ: «Серия медалей, Катерина Медичи, Генрих IV».

Протокол этого опыта вел сам Руийе; по его мнению, полученный результат вполне убедителен: внушавшиеся образы каждый раз выявлялись в сознании перципиента в виде зрительных галлюцинаций, что очень редко бывает в обычных опытах мысленного внушения, но довольно часто — в случаях спонтанной телепатии. Другим исключением из общего правила в

¹ M. A. Rouhier. Les plantes divinatoires. Les Conférences de l'Institut Métapsychique International en 1926. Paris, p. 84.

этом опыте было то, что роль индуктора выполняла женщина, а роль перципиента мужчина. Г-жа С. никогда не проявляла способности к телепатической перцепции; но эта способность отчетливо у нее проявилась, когда она однажды решила сама принять дозу пейотля. Это единичное наблюдение очень важно: оно подтверждает наше предположение о совместимости в одном лице обеих способностей — индуктора и перципиента. При одном функциональном состоянии мозга выявляется первая из них, при другом функциональном состоянии (вызванном пейотлем) временно доминирует вторая.

В последующие годы перечень фармакологических веществ, стимулирующих телепатические способности, был пополнен. Оказалось, например, что таким же образом действует кофеин в той же дозе, в какой он содержится в стакане кофе. Существуют и такие вещества, которые угнетают телепатическую перцепцию (бром, аспирин и др.)¹. Результаты этих фармакологических опытов ценны не только в практическом отношении (в смысле большего овладения телепатическими явлениями), но и в отношении теоретическом. Они еще раз свидетельствуют о материальной, мозговой природе телепатических явлений. Если бы телепатические явления состояли в «сверхматериальном, происходящем без посредства мозга, общении духа агента с духом перципиента» (как полагают спиритуалисты), то сама возможность действия фармакологических веществ на эти явления была бы исключена: ведь не может же бром и кофеин действовать на «свободный дух» непосредственно, без посредства мозга.

Это, конечно, лишь первые шаги, направленные к экспериментальному овладению телепатическими явлениями, но и теперь уже при наличии очень хорошего перципиента удается иногда провести публичную демонстрацию этих явлений. Приведу два примера таких демонстраций, на которых я лично присутствовал. Первая из них была проведена проф. К. И. Платоновым в Ленинградском (тогда еще Петроградском) уни-

¹ Современная «психофармакология» знает много веществ, стимулирующих или угнетающих те или иные психические функции.

верситете на 2-м Всероссийском съезде психоневрологов. То, что там произошло, описывает сам проф. Платонов:

«В аудитории, где проходили заседания гипнологической секции съезда, опыт проводился в следующих условиях. Председатель секции проф. А. В. Гервер сидел за председательским столом, лицом к слушателям. Испытуемая М. (уже известная читателю по пятой главе) сидела у этого же стола, лицом к беседававшему с ней проф. Герверу и боком к аудитории. За ее спиной, на расстоянии метров шести, стояла классная доска, поставленная косо по отношению к слушателям. За доской стоял я, находясь в поле зрения аудитории и вне видимости для испытуемой. Еще до прихода М. в аудиторию со слушателями было условлено, что молчаливое закрывание моего лица кистями моих рук будет служить показателем начала опыта усыпления. Закрыв лицо, я мысленно представлял себе фигуру испытуемой М., как бы заснувшей во время беседы с проф. Гервером, сосредоточив на этом свое напряженное внимание в течение одной минуты. Эффект был полный: засыпание М. наступило через несколько секунд. Пробуждение было произведено тем же путем. Так было повторено несколько раз»¹.

Второй пример. Больная К., 29 лет, получала сеансы внушения, проводимые д-ром В. Н. Финне по поводу затыжного левостороннего пареза истерического характера. Приведенная в состояние гипнотического сна, больная сохраняла вялость мышц и полную неподвижность в течение всего сеанса. В состоянии гипноза она проявляла пониженную восприимчивость к словесным внушениям. Тем не менее под влиянием упорно повторяемого словесного внушения к усыпленной больной возвращалась способность произвольно

¹ Выдержка из письма К. И. Платонова; печатается с разрешения автора письма.

Такие же результаты были получены в текущем столетии и зарубежными авторами. Например, доцент Упсальского университета Альрутц пишет: «Я могу очень легко телепатически вызывать гипнотический сон у своих испытуемых, особенно же их пробуждать» (*Sydney Altrutz. Die Einwirkung der Nervenstrahlung auf den menschlichen Körper. Le Compte Rendu officiel de premier Congrès International des Recherches psychiques. Copenhagen, 1922, p. 282*).

двигать парализованными конечностями. Такого же эффекта можно было достигнуть и мысленным внушением. Особенно следует подчеркнуть, что, несмотря на пониженную восприимчивость к словесным внушениям, доходившую порой до негативизма, эта больная проявляла признаки высокой восприимчивости к мысленным внушениям двигательного характера.

Опыты производились в утренние часы в отдельной небольшой комнате, из которой была вынесена вся мебель, за исключением табурета для внушающего и койки, стоявшей посреди комнаты, на которой лежала больная. Отражающих поверхностей в комнате не было; окна были завешены белой пропускавшей свет материей. Ход опытов (демонстрированных в то время ряду врачей) состоял в следующем. Д-р Финне словесным внушением погружал больную в гипноз. Один из экспериментаторов садился за изголовьем больной, на расстоянии 1—2 метров. Кто-нибудь из присутствовавших писал на листке бумаги задание для мысленного внушения и передавал экспериментатору, который, прочитав задание (нередко неизвестное остальным присутствующим), приступал к проведению опыта. При этом экспериментатор напрягал все усилия на то, чтобы вызвать в своем воображении образ испытуемой, выполняющей внушаемый двигательный акт. Особое внимание обращалось самим экспериментатором и присутствовавшими при опыте на возможность непроизвольного нашептывания задания, что может привести к грубым ошибкам в истолковании результатов.

При соблюдении указанных условий находившаяся в довольно глубоком сне с плотно закрытыми, а чаще завязанными глазами, испытуемая обычно быстро и точно, не производя лишних движений, выполняла внушаемый двигательный акт. На вопрос гипнотизера — почему она производила это движение, больная давала ответ: мне приказал это сделать такой-то (Финне, Васильев или кто-либо другой), причем всякий раз правильно называла того, кто внушал.

Демонстрация была организована по просьбе прибывшего в Ленинград известного физиолога проф. А. А. Кулябко, желавшего удостовериться своими глазами в реальности этих явлений. О них он узнал от

своих ленинградских друзей. Привожу выдержку из тогда же составленного протокола.

«Задание присутствовавшего на опыте проф. А. А. Кулябко: «Почесать левую щеку и переносицу»; внушает он же, сидя на табурете за изголовьем испытуемой. Во время опыта внушающий многократно поднимает свою правую руку и трет свою левую щеку. Испытуемая сгибает свою правую ногу в коленке. Поднимает правую руку к левой щеке. Трет пальцами правой руки левую щеку и губы. Чешет той же рукой правую щеку. Вопрос д-ра Финне: «Что вы делаете?» Ответ испытуемой: «Неприятно раздражена правая сторона лица». «Кто с вами разговаривал?» — «Не вы». — «Кто же?» — «Профессор Кульбашов» (больная первый раз видела проф. Кулябко; всего на опыте присутствовало 12 человек). «Что он просил вас сделать?» — «Страшно неприятно раздражал мне правую сторону лица».

Тогда же. Задание: «Открыть глаза» (задание д-ра Финне; внушает он же, сидя за изголовьем испытуемой). Через 2,5 минуты после начала внушения испытуемая после ряда прикосновений левой рукой к щекам, виску, лбу открывает глаза (полностью). Затем снова закрывает их, продолжая почесывать рукой лицо. Вопрос д-ра Финне: «Что я вам говорю?» Ответ испытуемой: «Открыть мне глаза».

Нельзя удивляться тому, что подобные публичные демонстрации удаются так редко и преимущественно тогда, когда перципиент находится в гипнотическом сне. Ведь мысленное внушение относится прежде всего к явлениям психического порядка. Это феномен особого взаимоотношения двух индивидуумов, двух личностей, а что может быть изменчивее, реактивнее человеческой личности в ее общении с другой столь же изменчивой личностью? Все здесь быстро изменяется, никогда в точности не повторяясь! Гипнотическое состояние несколько умеряет эту непрерывную изменчивость. Поэтому и повторяемость, степень постоянства тепепатических явлений в гипнозе несколько возрастают.

VIII. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ

Мысленное внушение в развитой своей форме вызывает у перцепиента подотчетные его сознанию реакции — такие, как узнавание одной из пяти возможных фигур, воспроизведение рисунков, произвольных движений и т. п. (об этом шла речь в предыдущих главах). Подобные реакции имеют нервно-психический характер и изучаются, как мы видели, психологическими методами (их можно назвать парапсихологическими тестами). Но это далеко не все: мысленное внушение может вызывать у перцепиента и целый ряд неподотчетных его сознанию реакций, связанных с неподотчетными реакциями, или даже не связанных с ними; например, подсознательные автоматические движения, изменения в деятельности головного мозга, сердечно-сосудистого аппарата и т. п. Для регистрации таких неподотчетных и не управляемых волей реакций парапсихологи успешно применяют различные лабораторные физиологические методы.

Одна из первых попыток такого рода принадлежит д-ру Бругмансу. Перцепиент (Ван Дам) вводился в гальваническую цепь, причем один электрод прикладывался к его ладони, а другой — к тыльной части руки. В цепь включились: слабый источник электрического тока, чувствительный зеркальный гальванометр и добавочное сопротивление, регулируемое реохордом¹. Когда перцепиент находился в обычном бодрственном состоянии, «зайчик» от зеркальца гальванометра, отброшенный на шкалу с нанесенными на нее делениями, колебался около определенного уровня. В известный момент перцепиенту предлагалось создать у себя пассивное состояние; при этом кривая, отмечаемая «зайчиком» гальванометра, начинала падать и устанавливалась на более низком уровне. Значит, пассивное состояние характеризуется ослаблением

¹ Эта аппаратурная установка впервые была применена германским ученым Верагутом для изучения «кожногальванического рефлекса», т. е. изменения электрического потенциала и электрического сопротивления кожного покрова под влиянием раздражения каких-либо органов чувств, при переживании душевных волнений, эмоций и т. п.

тока, проходящего через руку. Когда же перцепиенту передавалось мысленное внушение (указать определенную клетку шахматной доски), когда он испытывал «чувство контакта» с индуктором и «чувство удачи», кривая резким скачком поднималась, а затем снова спускалась к исходному уровню. Таким образом, каждый удачный опыт, по данным Бругманса, сопровождался своеобразной электрофизиологической реакцией¹. В 1952 г. американские ученые Вудреф и Дэйл возобновили попытку Бругманса применить эту «методику психогальванического ответа» для исследования парапсихических явлений и получили сходные результаты.

В четвертой главе уже упоминалось о надеждах парапсихологов, возлагаемых на методику регистрации биоэлектрических токов мозговой коры, — так называемую электроэнцефалографию. Еще в 1939 г. голландские ученые Франке и Коопман попытались зарегистрировать электроэнцефалограмму перцепиента во время протекания парапсихических явлений. В то время эта методика находилась еще в начальном периоде своего развития и многого дать не могла. Авторам удалось лишь показать, что во время обычного сна, гипноза и так называемого трайса у лиц, якобы одаренных парапсихическими способностями, электроэнцефалограмма резко изменяется по сравнению с тем, какой она была у тех же лиц в состоянии бодрствования. Изменение состоит в появлении волн с большой амплитудой и низкой частотой, известных теперь под названием дельта-волн². В состоянии бодрствования у подопытных лиц электроэнцефалограмма, по данным аргентинского парапсихолога д-ра Канавезио (1953 г.), такая же, как и у других здоровых людей; никаких особых ритмов биоэлектрических токов она не содержит. Во время восприятия бодрствующим перцепиентом мысленного внушения в его электроэнцефалограмме происходят изменения, сходные с теми, какие наблюдаются в состоянии нормального сна.

¹ См. уже цитированную в гл. III работу Бругманса.

² Популярное изложение методики электроэнцефалографии и описание биотоков мозга см. в кн.: П. И. Гуляев. Электрические процессы коры головного мозга человека. Изд. ЛГУ, 1960; см. также рис. 16 в гл. X этой книжки.

Мне не известно, чтобы эти скромные результаты были существенно обогащены последующими исследованиями. Как уже говорилось (на стр. 73), некоторые авторы возлагают надежду на опыты с одновременной регистрацией электроэнцефалограмм агента и перципиента в процессе мысленного внушения — результативного по сравнению с неудавшимся. Ожидается синхронизация ритмов этих двух электроэнцефалограмм в случае удачного опыта. Принимая, однако, во внимание ограниченные возможности этой методики, сложный характер электроэнцефалограмм, трудности физиологического истолкования их и пр., вряд ли можно многого ожидать. Быть может, более перспективным окажется недавно разработанный метод электроэнцефалоскопии, дающий возможность регистрировать динамику электрических потенциалов, отводя их одновременно от 100 и более точек мозговой коры. Такой метод обещает дать точную картину пространственного распределения биопотенциалов при различных функциональных состояниях коры больших полушарий мозга, чего не может дать электроэнцефалография¹.

В более ясной форме воздействовать мысленным внушением удастся на некоторые неподотчетные движения перципиента, которые остаются незаметными для него самого. К числу таких движений относятся произвольные покачивания тела при стойке. Их можно зарегистрировать в виде кривой на вращающемся барабане кимографа (прибор для графической регистрации явлений). Для этого употребляется пневматическая платформа, впервые сконструированная д-ром Бружесом и усовершенствованная А. И. Бронштейном. В наших опытах она употреблялась следующим образом.

На полу лежал деревянный равнобедренный треугольник (длина сторон треугольника около 1 м) с тремя углублениями у каждого из углов. В два углубления мы помещали по деревянному кубу, в третье — толстостенный резиновый баллон А. Сверху накладывался другой такой же треугольник с тремя

¹ См. М. Н. Ливанов и В. М. Ананьев. Электроэнцефалоскопия. М., Медгиз, 1959.

углублениями, на который во время опытов становился перципиент. От баллона А шла толстостенная резиновая трубка к другому баллону В, помещенному в герметически закрытую банку. Воздушное пространство банки посредством стеклянной трубки, проходящей через пробку банки, сообщалось с мареевской капсулой. Таким образом, всякое сдавливание баллона А вызывало расширение баллона В и выпячивание мембраны мареевской капсулы, поднимавшее ее пишущий рычажок. Перципиент становился лицом к тому углу треугольника, под которым находился баллон А. При малейшем качании его тела вперед нагрузка на баллон увеличивается, рычажок поднимается, поднимается и регистрируемая «кривая стойки». Наоборот, малейшее отклонение тела назад вызывает опускание рычажка, а тем самым и регистрируемой на барабане кимографа кривой¹.

В наших опытах перципиенту с завязанными глазами предлагалось встать указанным образом на платформу, лицом к стене, и стоять неподвижно в течение всего опыта. Кимограф с обслуживающим его наблюдателем находился на расстоянии 2—3 м от перципиента и был скрыт от него шерстяной занавеской. Тут же помещался и индуктор (Васильев). В начале каждого опыта записывалась кривая спонтанных покачиваний перципиента, без какого-либо внушения. Затем индуктор приступал к словесному или мысленному внушению: «Падайте назад, падайте назад, вас тянет назад!». Период внушения, продолжавшийся каждый раз около одной минуты, отмечался наблюдателем на кимографе горизонтальной чертой. Кимограф в течение всего опыта наблюдателем не останавливался, так как его остановка была бы услышана перципиентом и могла бы навести его на догадки о цели и назначении опыта.

Результат одного из опытов со словесным внушением приводится на рис. 8. Опускание кривой соответствует отклонению тела испытуемой (молодой здоро-

¹ Подробнее эта мало кому известная методика описана в статье А. И. Бронштейна «К методике регистрации двигательной реакции человека». Сб. «Вопросы изучения и воспитания личности», вып. 1—II. Изд. Ленингр. института мозга, 1930, стр. 98.

вой девушки) назад. Нечто подобное этому наблюдалось и у других испытуемых, достаточно чувствительных к словесному внушению. Однако мысленное внушение падения назад на них не действовало: кривая покачиваний во время такого внушения нисколько не изменялась. Другой результат был получен в таких же опытах, проведенных с истеричной больной И. М.,

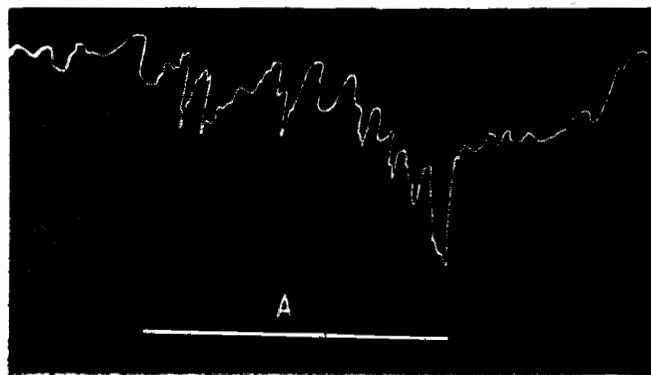

Рис. 8. Кимографическая запись идеомоторной реакции испытуемой при словесном внушении — «Падайте назад!». Прямая линия обозначает время, когда производилось внушение (из опытов автора).

проявлявшей и по другим данным некоторую способность к телепатической перцепции. Вот описание одного из опытов с этой больной¹.

В начале опыта были записаны значительные по размаху, но медленные и плавные колебания кривой — беспокойная стойка, характерная для нервных больных. Спустя некоторое время было дано мысленное внушение: «Падайте назад». С этим совпал по времени ряд очень быстрых и резких качаний перципиентки — на кривой несколько почти слившихся друг с другом качаний. По окончании мысленного внушения кривая приобрела первоначальный более спокойный ход. То же самое повторилось при второй и третьей пробе мысленного внушения. Получилось впечатление,

¹ Кимограмма этого опыта за давностью лет не сохранилась.

как будто бы во время мысленного воздействия у перципиентки каждый раз нарушалась способность поддерживать равновесие. Произведенный по окончании опыта опрос показал, что отмеченные три приступа усиленных и ускоренных качаний самой перципиенткой замечены не были. В повторных опытах такие положительные пробы чередовались с неудачными или же весь опыт оказывался неудачным.

Несравненно более четкие результаты были получены автором в совместных многолетних исследованиях с сотрудниками Бехтеревского института мозга — доктором А. В. Дубровским и физиологом И. Ф. Томашевским — в опытах мысленного внушения сна и пробуждения. Из большого числа обследованных в этом отношении лиц, главным образом истеричных больных, пациентов д-ра Дубровского, нам посчастливилось отобрать трех перципиенток (Ф., И. и С.), пригодных для опытов мысленного внушения, проводимых с применением гипногенной методики. В целях уточнения этой методики мы ввели пневматическую регистрацию на кимографе ритмических движений наших перципиенток. Суть этого впервые разработанного нами приема исследования состояла в следующем.

В правую руку испытуемой вкладывался наполненный воздухом резиновый баллон; для большей надежности баллон прикреплялся к руке посредством шнура, перекинутого через тыльную ее часть. С помощью резиновой трубки, переходящей в металлическую, баллон соединялся с регистрирующей капсулой Мареев, находившейся обычно в другой комнате. Мареевская капсула представляет собой плоский цилиндр, затянутый сверху подвижной резиновой мембраной, упирающейся в легкий рычаг. Рычаг капсулы своим свободным концом прикасался к закопченной ленте вращающегося барабана кимографа. Нетрудно понять, что при этих условиях малейшее давление испытуемой на баллон пневматически передавалось мареевской капсуле, вызывая выпячивание мембраны и поднятие записывающего рычага. Это позволяет получать на барабане кимографа графическую регистрацию движений, производимых кистью руки испытуемой, находящейся в другой комнате.

Опыты проводились следующим образом. Испытуемой, оставшейся в бодрственном состоянии, давалась инструкция ритмически сжимать баллон, что не представляло для нее большого труда и могло ею производиться без заметного утомления в течение нескольких десятков минут. В некоторый неизвестный для испытуемой момент опыта индуктор из другой комнаты приступал к мысленному усыплению; при этом он сам или находившийся при нем ассистент замыкал цепь электромагнитного отметчика; отметчик регистрировал на том же кимографе момент начала усыпления. Пока перципиентка еще оставалась в бодрствующем состоянии, пневматическая запись ее движений продолжалась. Но как только внушение реализовалось и перципиентка впадала в состояние гипноза, движения тотчас же прекращались и, пока сон продолжался, регистрирующие приборы записывали ровную линию.

В момент начала мысленного пробуждения индуктор снова включал отметчик. Когда внушение реализовалось, т. е. перципиентка пробуждалась, она тотчас же и без всякой дополнительной инструкции возобновляла прерванное во время гипноза сжатие баллона. При этом обычно, благодаря послегипнотической амнезии (забвению), испытуемая не замечала того, что во время сна сжатие баллона ею не производилось.

С помощью этой методики в опытах с тремя испытуемыми нам удалось получить большое число кимографических записей, которые, как нам кажется, со всей объективностью устанавливают явление мысленного усыпления и пробуждения. В качестве иллюстрации привожу кимографическую запись, полученную с испытуемой Ф. при индукторе Томашевском (рис. 9). Ее рассмотрение показывает, что в начале записи испытуемая находилась в состоянии бодрствования. В некоторый момент опыта, указанный опусканием линии отметчика (1-е «З»), индуктор начинает мысленно усыплять испытуемую. Как видно по записи, это внушение почти тотчас же реализуется: размахи кривой (т. е. сжатия испытуемой баллона) прекращаются (1-е «Г» — гипноз). Через некоторое время индуктор посылает мысленный приказ: «Проснитесь» (1-е «П» на линии отметчика), и размахи кривой

вскоре возобновляются — испытуемая пробуждается. Спустя некоторое время индуктор снова начинает мысленное усыпление (2-е «З» на линии отметчика), испытуемая немедленно засыпает. Индуктор начинает мысленно пробуждать еще раз, и размахи кривой появляются опять, и т. д.

В течение короткого промежутка времени в этом опыте удалось вызвать три усыпления и три пробуждения, реализуемых в течение нескольких секунд (в первых трех записях) или десятков секунд (во вто-

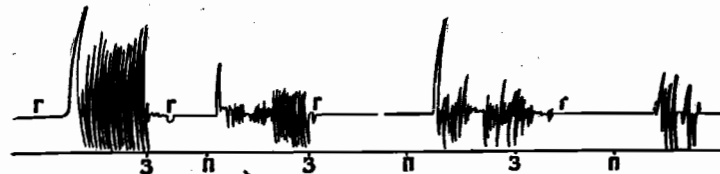

Рис. 9. Кимограмма опыта с сжатием перципиентом резинового баллона при повторном внушении на расстоянии засыпания и пробуждения (получена в лаборатории автора).

рых трех) после начала соответствующего мысленного внушения. Объяснить этот результат приступами самопроизвольно возникающего гипноза (так называемого автогипноза) и пробуждения, случайно совпавшими по времени с моментами мысленного внушения уснуть или проснуться, едва ли возможно. Вероятность таких совпадений слишком мала. Это предположение придется и вовсе отбросить, если мы скажем, что такие же приблизительно результаты были получены нами десятки раз, во многих опытах и на разных (трех) испытуемых.

В некоторых опытах мы одновременно со сжатиями баллона посредством несложного механического приспособления регистрировали на движущейся ленте кимографа еще и гальванограмму, получаемую с другой руки перципиентки таким же образом, как это делал д-р Бругманс в своих опытах с Ван Дамом. На рис. 10 представлена запись, полученная в опыте на одной из перципиенток еще тогда, когда она в первый раз явилась в лабораторию и обнаружила способность к восприятию мысленных внушений. В 8 час. 45 мин. опыт был начат, в 9 час. 10 мин. произведено первое мыслен-

ное внушение сна, и уже в 9 час. 11 мин. 12 сек. размахи на записи прекратились — наступил сон. Изменилась при этом и гальванограмма: она временно поднялась и — что особенно характерно — на все время сна утратила свою зубчатость, приняв ровный ход. Гальваническая реакция на мысленное внушение неподотчетна сознанию и не может быть подделана перцепиенткой. В этом ее большое преимущество перед произвольными двигательными реакциями.

Но сколько бы мы ни приводили отдельных примеров, выбранных из накопленного эмпирического материала, это вряд ли покажется читателю вполне убедительным. В исследованиях такого рода решающую роль играет закон больших чисел. На трех испытуемых в 64 опытах мы произвели 260 проб мысленного усыпления и пробуждения. Из них 194 с применением графической регистрации. Усыпление не удалось лишь в 6 случаях, а пробуждение — в 21 случае, что по отношению к общему числу проб составляет 10,4%. Что

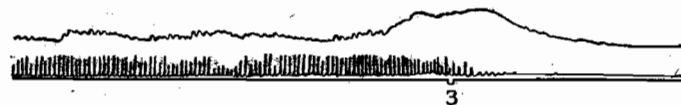

Рис. 10. Опыт с одновременной регистрацией сжиманий баллона и гальванограммы, полученной по методу Верагута при внушении на расстоянии сна (из материалов лаборатории автора).

касается скорости наступления мысленно внушенного сна и пробуждения, то для разъяснения этого вопроса нами были построены общепринятые в вариационной статистике кривые распределения всех полученных нами цифровых данных. По оси абсцисс обозначены в минутах скорости наступления мысленного усыпления (рис. 11 А) или мысленного пробуждения (рис. 11 В). По оси ординат — числа наблюдаемых нами случаев засыпания или пробуждения, реализовавшихся с той или иной скоростью.

Приведенные графики показывают, что наибольшее число случаев засыпания и пробуждения происходило уже в течение первой минуты после начала мысленного внушения и только в отдельных случаях реализация внушения затягивалась на 10 и более минут. Это

согласуется с приведенными в предыдущей главе данными проф. К. И. Платонова (стр. 91).

Надо, однако, заметить, что наибольшую доказательность имеют первые опыты, проводимые на «свежих» испытуемых. Нами было замечено, что по мере повторения этих опытов у испытуемых мало-помалу

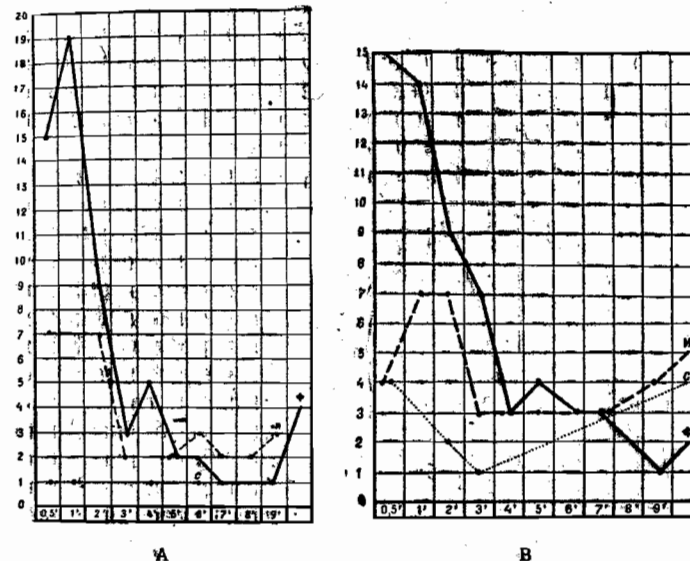

Рис. 11. Кривые распределения длительностей мысленного усыпления (А) и мысленного пробуждения (В) трех испытуемых: Ф. (сплошная линия), И. (пунктир) и С. (точечный пунктир). На оси абсцисс — время в минутах, на оси ординат — частоты обозначенных на абсциссе вариант (по материалам лаборатории автора).

развивается склонность впадать в гипнотическое состояние самопроизвольно (без мысленного внушения заснуть) и также самопроизвольно выходить из этого состояния, чего в двух или трех первых десятках опытов с теми же испытуемыми нами ни разу не наблюдалось. Если этого не учитывать, то легко можно впасть в большую ошибку, приняв самогипноз и самопробуждение за более или менее отсроченные проявления мысленного внушения.

Постепенное образование у наших испытуемых этих явлений, мешающих проведению опыта, находит

объяснение в учении И. П. Павлова об условных рефлексах. Многократное засыпание испытуемых при данной окружающей обстановке рано или поздно приводит к тому, что сама эта обстановка становится комплексным сложным условным раздражителем, вызывающим сон. Надо также в этих опытах опасаться различных звуковых раздражителей, могущих приобрести значение условных сигналов ко сну или пробуждению. Действие подобных условных раздражений было детально изучено физиологической школой И. П. Павлова, в частности проф. Б. Н. Бирманом, на подопытных собаках и людях-гипнотиках¹.

Во избежание образования у испытуемых гипногенных условных рефлексов на случайные раздражители нами применялся ряд предохранительных мер. Интервалы между отдельными пробами мысленного усыпления и пробуждения в наших опытах колебались от 1—2 мин. до 1 час. и более. Этим устранялась возможность образования гипногенного условного рефлекса на время. В большой серии опытов индуктор и перципиент помещались в двух удаленных друг от друга комнатах: индуктор — в круглой (В), перципиент — в малой (А) или наоборот. При этом во многих опытах на-

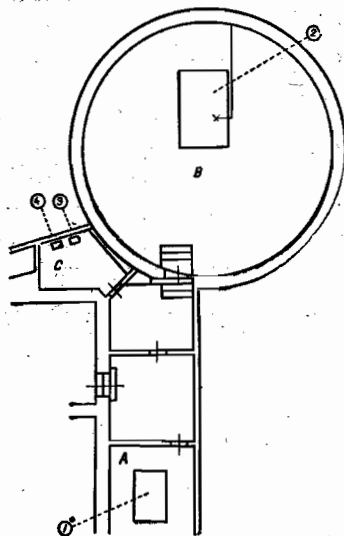

Рис. 12. План лаборатории автора. А — комната с камерой, экранирующей индуктора (1); В — комната с камерой для экранирования перципиента (2); С — комната для регистрационных приборов (3 — кимографическая установка, 4 — кнопка для включения электромагнитного сигнала в камере индуктора).

¹ См. Б. Н. Бирман. Экспериментальный сон. Л., 1925.

пытуемой не было. Он находился у регистрирующих приборов в комнате (С), следя за записью на кимограмме реакций испытуемой, передаваемых из комнаты В, и сигналов индуктора из комнаты А. План лаборатории см. на рис. 12.

В новейшее время заслуживающие большого внимания результаты были получены чехословацким физиологом Стефаном Фигаром¹. Он одновременно ре-

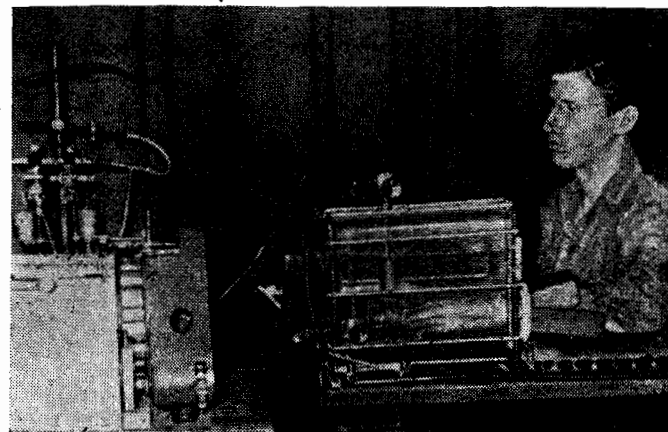

Рис. 13. Плетизмографическая установка в опытах Фигара.

гистрировал на одном и том же кимографе плетизмограммы (записи изменения кровенаполнения сосудов руки) двух испытуемых. Они сидели спиной друг к другу на расстоянии нескольких метров. По ходу опыта одному испытуемому (агенту) Фигар передавал записку со счетным заданием, например перемножить в уме двухзначные числа. Производимая умственная работа вызывала опускание плетизмограммы (что означало отток крови от конечностей вследствие сужения в них кровеносных сосудов). Это в порядке вещей, но удивительно, что такое же опускание плетизмо-

¹ S. Figar. The Applications of Pletysmography to the Objective Study of so-called Extrasensory Perception. «Journal of the Society for Psychical Research», 1959, vol. 40, № 72, p. 162.

граммы с некоторой задержкой происходило и у другого испытуемого-перципиента, который никакой счетной работы не выполнял. Это наблюдалось в 33% поставленных опытов, и у одних пар испытуемых значительно чаще, чем у других. Одновременное опускание этих двух плетизмограмм часто наблюдалось и без счетной работы одного из испытуемых. Если у одного

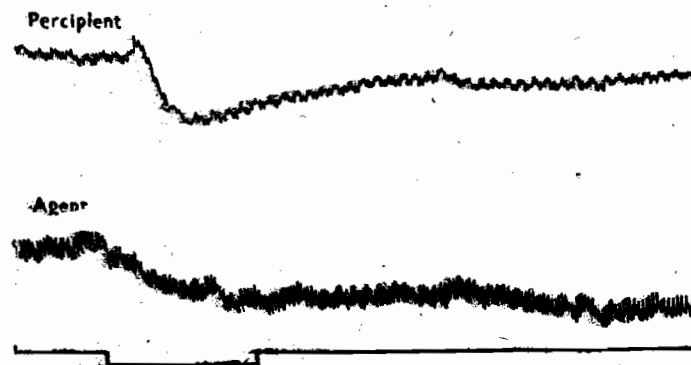

Рис. 14. Совпадающие во времени изменения в ходе плетизмограмм агента (внизу) и перципиента (сверху) при умственном счете агента (опускание линии отметчика). По данным Фигара.

из них происходила так называемая спонтанная плетизмографическая реакция (опускание кривой без видимой причины), то такая же реакция тотчас же начиналась и у другого испытуемого. Такие параллельные сдвиги плетизмограмм наблюдались в 85 случаях, но в 106 случаях параллелизма не было. По поручению Лондонского общества психических исследований собранный д-ром Фигаром экспериментальный материал был детально изучен одним из членов общества, Д. Вестом¹. Критик одобрил постановку опытов и признал результаты убедительными, хотя многое в них еще остается неясным.

Надо заметить, что опыты такого рода, при всем их интересе и значениях, имеют лишь косвенное отношение

¹ D. J. West. Comment on Dr. Figar's paper. «Journal of the Society for Psychical Research», 1959, vol. 40, № 72, p. 172.

к тому, что принято называть телепатической связью. Телепатическая связь в типичной, развитой своей форме — это не только энергетическое воздействие на расстоянии одного организма на другой; сверх того — это особый род информации, характерный для живых существ, по крайней мере некоторых из них¹. Одно существо информирует другое о каком-либо воспринятом им событии, полученном ощущении, переживаемом представлении, чувстве, желании и т. п. В опытах же Фигара несознаваемое физиологическое явление одного лица на близком расстоянии передается другому лицу, для которого оно тоже остается неосознанным. Если это и информация, то «информация без уведомления».

IX. ЯВЛЕНИЯ «БИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕЛЕСВЯЗИ» У ЖИВОТНЫХ

Чарлз Дарвин научил нас понимать, что в животном мире каждый орган, всякая функция, любая способность имеет шансы возникнуть и развиваться до той или иной степени совершенства лишь в том случае, если может принести данному виду живых существ какую-либо пользу в их борьбе за существование. Это положение, конечно, относится и к телепатической способности. Отсюда возникает ряд важных для нас вопросов: на какой ступени эволюции эта способность возникла впервые? Присуща ли она только человеку или также и некоторым животным? Эволюция снабдила животных и человека тремя дистантными (воспринимающими на расстоянии) органами чувств. Мы общаемся на расстоянии посредством зрения, слуха, а животные еще и посредством обоняния. Что могла бы добавить к этому телепатическая связь, если бы она существовала? Какое она могла бы иметь биологическое значение?

Для животных она имела бы примерно такое же значение, какое для современного человека имеет радиопередача, намного превосходящая природные

¹ Подробнее об информационном характере телепатемы сказано в гл. VI, стр. 78.

средства общения через дистантные органы чувств и устную речь, воспринимаемую органами слуха. Биологически это было бы вполне оправдано. И действительно, имеются признаки того, что и некоторые животные располагают естественной «биологической радиосвязью», причем на восходящих ступенях эволюции животного мира эта связь проявляется по-разному и имеет разное назначение. Иногда она, по-видимому, существует между особями, принадлежащими к одному и тому же зоологическому виду, например между самцами и самками, и в таком случае служит целям размножения, сохранения вида. В других случаях информация передается на расстоянии представителям другого вида, и тогда она может способствовать инстинкту самосохранения или находению добычи.

Парапсихологи полагают, что человек может оказывать бессловесное внушающее воздействие на поведение домашних животных, в частности собак и кошек. В этом отношении большую известность получили опыты В. М. Бехтерева, производившиеся им в 20-е годы на собаках известного дрессировщика животных В. Л. Дурова. Эти опыты продолжают интересовать современных парапсихологов, в том числе д-ра Райна¹.

Опыты состояли в выполнении собакой задуманных присутствующими актов поведения — побежать туда, сделать то-то. Сперва внушение производилось самим Дуровым или кем-либо другим в его присутствии. В этих условиях опыты почти всегда удавались — собака выполняла порой очень сложные задания. Но тут будет уместно вспомнить предостережения вроде тех, какие делались Джорджем Прайсом: дрессировщик мог применять какой-либо неизвестный присутствующим способ сигнализации. Например, засунуть руку в карман с находящейся там пищевой приманкой и затем под тем или иным предлогом прикоснуться этой рукой к намеченному присутствующими предмету. Собака смогла бы легко распознать этот предмет

¹ V. Bechterev. «Direct influence» of a person upon the behaviour of animals. «Journal of Parapsychology», 1949, vol. 13, p. 166.

среди многих других, руководствуясь своим высоко развитым обонянием¹. Можно в качестве сигнала применить и свисток Гальтона, издающий ультравысокий звук, неслышимый человеком, но улавливаемый собакой. Сигналами, подсказывающими собаке, что надо сделать, могут служить вольные или невольные жесты и мимика дрессировщика или присутствующих на опыте лиц. Для того чтобы исключить возможность подобных источников ошибок, В. М. Бехтерев и его сотрудники последние серии своих опытов ставили при соблюдении следующих условий: 1) владелец собаки (Дуров) отсутствовал; 2) отсутствовали и зрители, опыт проводился только экспериментатором и ассистентом; 3) записанное экспериментатором задание ассистенту до конца опыта не сообщалось; 4) собака вводилась в комнату перед самым опытом; 5) сделав мысленное внушение, экспериментатор отделялся от собаки ширмой или иным путем; за выполнением задания собакой следил только ассистент, не знавший в чем именно состоит задание.

В. М. Бехтерев приводит в своей статье протоколы двух опытов, проведенные его сотрудниками с соблюдением всех перечисленных условий. Вот эти опыты.

«Дуров (владелец собаки) отсутствует. В комнате В я записываю задание: собака должна взять зубами комок бумаги, лежащий под столом в комнате А. Ассистент, не знающий задания, впускает в комнату А собаку (фокстерьера Пикки), сажает ее на стул, фиксирует ее голову руками. Я стою на пороге двери, собака передо мной, в расстоянии около аршина. При первой попытке животного вырваться из рук быстро отступаю, назад в комнату В, захлопываю при этом дверь. По рассказу ассистента, Пикки, соскочив со стула, подбегает к назначенному мною бумажному комку, лежащему под столом, тычет в него носом, затем бежит поочередно к двум комкам, проделывая с ними то же самое» (всех таких же бумажных комков,

¹ В письме автору проф. К. И. Плагонев сообщает, что такой прием в его присутствии был применен В. Л. Дуровым при демонстрации опытов мысленного внушения дрессированной собаке в Харькове.

разбросанных в разных местах, было семь). Другой опыт состоял в следующем. «Внушаю я, собака должна побегать из комнаты А в комнату В и вскочить там на кресло. Собака бросается в другую комнату, за ней следует ассистент, не знающий задания, и запирает за собой дверь. По его заявлению, Пикки вскакивает на соседний с назначенным мною креслом диван и царапает лапой стену»¹.

Результаты этих двух опытов значительно скромнее тех, что получались в опытах, на которых присутствовал сам В. Л. Дуров. Сотрудник акад. Бехтерева, поставивший приведенные опыты, справедливо считает их лишь «относительно удачными», а сам вопрос еще не разрешенным, но заслуживающим дальнейших исследований. К сожалению, после смерти В. Л. Дурова подобные опыты никем не были повторены; вопрос так и остался неразрешенным.

В опытах Бехтерева внушающим агентом был человек, перцепиентом — животное; но описаны и такие наблюдения, в которых можно предполагать обратное отношение: агентом служит животное, перцепиентом — человек. В этом отношении заслуживают внимания записки известного английского охотника Джима Корбетта — истребителя водящихся в Индии леопардов и тигров-людоедов. Во многих местах своей книги он пишет о «чувстве, предупреждающем об угрожающей опасности» со стороны притаившегося хищника. Интересен следующий отрывок.

«Чувство это вполне реально, хотя я не знаю и поэтому не могу объяснить, как оно действует. В данном случае я не видел и не слышал тигрицы, не получал никакого указания от птиц и зверей на ее присутствие. И все же я знал, без тени какого-либо сомнения, что она лежала в скалах и следила за мной. В этот день я провел в пути много часов и прошел много миль по джунглям без всякого ощущения тревоги. Когда я перешел гребень и проходил мимо скал, то знал, что тут для меня кроется опасность. Несколькими минутами позже это предчувствие подтвердилось тревожными

¹ В. М. Бехтерев. Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных. «Вопросы изучения и воспитания личности», вып. 2. Пг., 1920, стр. 270.

криками каркара и тем, что я нашел отпечаток лап людоеда на моих следах»¹.

Сам Корбетт обладал таким «чувством», подобным телепатической перцепции, в высшей степени, быть может, развившимся в результате многолетней тренировки его на охоте. Но описанные в его книге многочисленные случаи гибели индусов показывают, что жертвы тигров-людоедов таким «чувством» отнюдь не обладали. Возможно, что у Корбетта оно создавалось какими-то неподсчитанными слуховыми, обонятельными и другими «субсенсорными» раздражениями, исходящими от притаившегося зверя и все же действовавшими на изощренные органы чувств знаменитого охотника. Здесь опять-таки мы имеем не установление факта телепатического воздействия, а лишь серьезный повод для дальнейших исканий в этом направлении.

Явление, очень похожее на «биологическую радиосвязь» между особями одного и того же вида, встречается у некоторых рыб, обитающих в мутной воде больших рек, например у мормируса, нильского длиннорыла и других. Мутная вода лишает возможности находить подобных себе особей (например, самцом самку), руководствуясь зрением или каким-либо другим органом чувств даже на очень близком расстоянии. Это привело к выработке у таких рыб (в процессе их эволюции) органов, осуществляющих самую подлинную радиосвязь. Каждая особь имеет электрический орган, генерирующий ритмические разряды небольшой силы (амплитудой около 1—2 в). Эти разряды создают низкочастотное электромагнитное поле, распространяющееся в водной среде. Для восприятия раздражающего действия такого поля у каждой особи имеются специальные органы чувств — электрорецепторы, расположенные вдоль боковой линии рыб. Электрорецепторы чрезвычайно чувствительны к действию поля: они реагируют возбуждением на изменения разности потенциалов поля, равных всего $3 \cdot 10^{-9}$ в на 1 мм. При этом через каждый квадратный сантиметр поверхности тела рыбы протекает ток в $2 \cdot 10^{-11}$ а, т. е. в 100 тыс. раз более слабый, чем ток, нужный для порогового раздражения нервных волокон. Радиосвязь

¹ Джим Корбетт. Кумаонские людоеды. М., 1959, стр. 74.

в данном случае двусторонняя: каждая особь является «индуктором» и вместе с тем «перцепиентом»¹.

Аналогичные явления давно известны и у некоторых наземных животных под названием «призыва самкой самцов на расстоянии». Советский энтомолог И. А. Фабри в течение шести лет изучал это явление у одного из видов ночных бабочек (большой ночной павлиний глаз)². С наступлением летнего вечера неоплодотворенную самку в проволочном садке он выставлял на балконе лесной дачи, находившейся в пяти километрах от двух больших сел. Не проходило и тридцати минут, как к ней начинали слетаться самцы. За три вечера было поймано 64 самца этой редкой у нас бабочки. Некоторых из них помечали краской, уносили за 6—8 километров от дома, а там выпускали на волю. Некоторые самцы возвращались. При сравнительно медленном порхающем полете, присущем этим бабочкам, они покрывали это расстояние за 40—45 минут. Для этого им нужно было избрать кратчайший прямой путь к самке и усиленно работать мышцами крыльев. Выходит, что самка каким-то неизвестным образом призывает самцов.

Самцы чувствовали призыв в пересеченной лесной местности, иногда при полном безветрии и даже при легкой тяге, встречной запаху (или «току», по выражению автора статьи), испускаемому самкой. Оказалось, что органом восприятия «призывного агента» у самцов являются усики («антенны»). Самцы с отрезанными усиками не воспринимают призыва самки и не летят к ней (это было установлено еще Л. Харлом и подтверждено Фабри).

Что же представляет собой этот «призывный агент»? Из двух возможностей — запах или электромагнитные сигналы — надо отдать предпочтение тому, который способен действовать против встречного ветра, т. е. электромагнитным волнам.

¹ Установлено, что электрические разряды и электрические рецепторы служат этим рыбам для радиолокации — восприятия невидимых в мутной воде препятствий. Можно полагать, что, сверх того, те же самые электрические органы и электрорецепторы служат и для установления биологической радиосвязи.

² См. И. А. Фабри. Наблюдения и опыты над половой жизнью *Saturnia pyri*. «Энтомологическое обозрение», 1935, т. XXV, № 3—4, стр. 314.

Недавно за рубежом было установлено, что обонятельный орган сам является излучателем волн длиной в 8—14 микрон (длина инфракрасных лучей в спектре электромагнитных волн). Полагают, что роль микроантенн играют находящиеся в слизистой оболочке носа обонятельные волоски. «Эта физическая теория запахов», — пишет проф. Ю. П. Фролов, — подтверждается и некоторыми опытами на животных: известно, напри-

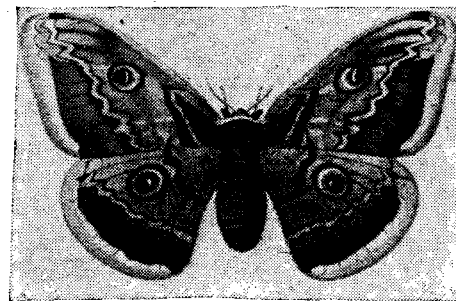

Рис. 15. Большой ночной павлиний глаз — бабочка, проявляющая феномен привлечения самкой самцов на большом расстоянии.

мер, что бабочки-самцы распознают слабый запах самки на расстоянии нескольких километров. Это несовместимо с теорией летящих по воздуху химических частиц»¹.

Если все действительно так, то в данном случае биологическая радиосвязь осуществляется электромагнитными колебаниями микронной длины, и при посредстве не какого-то особенного рецептора, а всем известного обонятельного органа чувств, выполняющего в данном случае роль генератора и вместе с тем приемника указанных колебаний. Это пример отнюдь

¹ Ю. П. Фролов. Загадка обоняния. «Техника молодежи», 1959, № 12, стр. 27—28. Большая чувствительность насекомых к восприятию сигналов в виде инфракрасных лучей подтверждается проф. Фроловым еще следующим примером. «Если в герметически закрытый ящик с медом вставить окно со световым фильтром, пропускающим только инфракрасное излучение, то пчелы собираются на этом фильтре, следовательно, они воспринимают физические, а не химические свойства запаха».

не непосредственного межмозгового, а периферического механизма биологической «телесвязи», осуществляемой при посредстве внешних органов чувств. И связь в данном случае односторонняя: самка — всегда индуктор, самец — перцепиент¹.

Почти полную аналогию с этим случаем представляет собой наш всем известный «иванов червячок», вернее жучок из семейства светляков (*Lampiridae*). Здесь «индуктором» тоже является неоплодотворенная самка — бескрылая, малоподвижная, посылающая «призыв» летающему «перцепиенту» — самцу. Разница только в том, что здесь передает информацию видимый свет, и еще в том, что генератором является особый люминесцирующий орган на теле самки, а рецептором другой орган — глаза самца. Светящиеся органы имеются у многих видов позвоночных, беспозвоночных и одноклеточных животных. Эта разновидность «биологической телесвязи» широко распространена.

В 1923 г. советский ученый А. Г. Гурвич открыл еще одну разновидность лучевого дальнего действия в мире живых существ. Оказалось, что по ходу биохимических процессов, протекающих в функционирующих органах (например, в сокращающихся мышцах, возбужденных нервах), образуются ультрафиолетовые лучи с длиной волны от 1900 до 3250 Å (ангстрем)², очень слабой интенсивности (в среднем 1000 фотонов в секунду с 1 куб. см излучающей эти лучи ткани). Это слабое и легко поглощаемое встречающимися на пути препятствиями (например, даже тонким стеклышком) излучение стимулирует в тканях клеточное деление (митоз), почему и было названо проф. Гурвичем «митогенетическим» (вызывающим митоз). Так дей-

¹ По данным Фабри, привлекают самцов неоплодотворенные самки и некоторых других ночных бабочек (например, широко распространенного непарного шелкопряда).

У самки ночной бабочки (*Sphinx ocellata*) имеется привлекающая самцов пахучая железа, запах которой человеком не ощущается. Энтомолог Мелль определил, что самка этой бабочки может привлечь самца с расстояния 11 км. Если предположить, что вся железа состоит из пахнущего вещества, то даже и в этом случае концентрация пахучего вещества в зоне радиусом в 10 км будет 1 молекула на 1 куб. м воздуха (см. *Ремис Шовен. Жизнь и нравы насекомых*, М., 1960).

² Ангстрем = 0,001 микрона или 1 мμ.

ствуют эти лучи и внутри организма (одна клетка оказывает влияние на другую, соседнюю), и вне организма. Например, автор этих строк в совместной работе с биофизиком Г. М. Франком и физико-химиком Е. Э. Гольденбергом мог воочию убедиться в том, что возбуждаемый нерв на расстоянии нескольких миллиметров увеличивает число дробящихся дрожжевых клеток, т. е. ускоряет этот процесс¹.

Наконец, последний пример. Уже давно немецким физикам Зауэрбруху и Шуману удалось уловить электрическое поле низкой частоты, распространяющееся вокруг работающих мышц человека. Применяя очень чувствительную аппаратуру и устранив все возможные источники ошибок, авторы уловили это поле посредством металлической воспринимающей пластинки, отстоящей от работающей конечности на расстоянии 3 м². Через 20 лет наличие такого же поля было установлено Б. В. Краюхиным в лаборатории украинского академика А. В. Леонтовича вокруг нерва, выделенного из тела. При прохождении импульсов возбуждения по седалищному нерву лягушки связанные с импульсами биотоки создают индуцированные токи в соседнем металлическом проводнике — в миниатюрной индукционной катушке, в которую вместо сердечника вложен нерв. Возможность отведения биотоков к осциллографу индуктивным путем, посредством такой миниатюрной катушки, является прямым доказательством наличия колебательного электромагнитного поля вокруг нерва при его возбуждении³.

Совсем недавно американскими физиками Волькерсом и Кандибом был установлен еще один важный факт. Оказалось, что скелетные мышцы человека при сокращении генерируют еще и высокочастотные токи (до 150 тыс. герц) очень малой интенсивности (порядка нескольких миллимикровольт). Эти токи по тех-

¹ L. L. Wassiliew, G. M. Frank und E. E. Goldenberg. Versuche über die mitogenetische Strahlung des Nerven. *Biologische Zentralblatt*, 1931, Bd 51, H. 5, S. 225.

² F. Sauerbruch und W. Schumann. *Zeitschrift für technische Physik*, № 3. Leipzig, 1928.

³ Б. В. Краюхин. Возможна ли электроиндукция в тканях живого организма? «Збірник, присвячений пам'яті А. В. Леонтовича». Киев, 1948, стр. 88.

ническим причинам до сей поры не были открыты. Интересно, что наиболее сильными генераторами этих токов являются мелкие мышцы (например, пальцев руки). Мозг этих высокочастотных токов не генерирует. Тем не менее авторы предполагают, что вызываемые такими токами радиосигналы могут быть причастны к телепатическим явлениям. Согласиться с этим едва ли возможно¹.

Инженер Б. Б. Кажинский, а за ним и А. В. Леонтович давно уже предполагали, что высокочастотные токи и генерируемые ими высокочастотные электромагнитные волны могут возникать и в нервной ткани. Различные структурные образования нервных клеток — нейронов (витки нервных волокон, их пластинчатые окончания и пр.) эти авторы рассматривали как элементы мозговых микроскопических радиоустановок. Одни из них генерируют ультратракороткие волны метровой и сантиметровой длины, другие являются приемниками этих волн. Акад. Леонтович считал, что радиосвязь существует между различными нейронами одного и того же мозга². Б. Б. Кажинский шел в этом отношении дальше, утверждая, что «биологическая радиосвязь» возможна и между клеточными радиоустановками, находящимися в нервных системах двух разделенных пространством существ — будь то животные или люди³.

Изложенный на предыдущих страницах обзор фактов и высказанных по их поводу предположений показывает, что в животном мире существуют весьма различные формы общения на расстоянии — «телесвязи». Энергия, осуществляющая эту связь в разных случаях, весьма различна — от ультрафиолетовых лучей до радиоволн различной длины. Генераторы и приемники (рецепторы) таких лучистых или электрических сигналов в одних случаях найдены, в других еще неизвестны. Возникает вопрос: какое отношение эти различные формы биологической телесвязи имеют к подлин-

¹ V. K. Volkers and W. Candib. Detection and Analysis of High Frequency Signals from Muscular Tissues with Ultra-Low Noise Amplifiers. «Newsletter of the Parapsychology Foundation», INC, 1960, vol. 7, № 2, p. 1.

² «Физиологический журнал СССР», т. XXII, вып. 3—4, 1937.

³ Б. Б. Кажинский. Передача мыслей. М., 1923.

ной телепатии, к мысленному внушению индуктора перцепиенту?

Парапсихологи дают различный ответ на этот вопрос. Для тех, кто считает телепатию одной из форм «внечувственного восприятия»¹, т. е. восприятия без участия каких бы то ни было органов чувств, приведенные нами случаи биологической телесвязи — не более чем псевдотелепатические явления, имеющие лишь внешнее сходство с подлинной телепатией. Если же вместе с уже названными французскими парапсихологами считать телепатию «шестым чувством» (см. стр. 69—70), то различие между нею и явлениями телесвязи в мире животных, естественно, сгладится. Тогда телепатию в той ее форме, в какой она проявляется у людей, можно признать наивысшей формой телесвязи, развившейся в процессе эволюции из более древних и примитивных ее форм, сохранившихся у некоторых животных.

Некоторые парапсихологи полагают, что телепатическая способность — прогрессирующее свойство человеческого рода, что она будет совершенствоваться и в дальнейшем ходе социальной эволюции человека. Они подчеркивают, что телепатические явления могут происходить у вполне здоровых и даже выдающихся людей — людей с утонченной нервно-психической организацией.

Высказывается, однако, и противоположная точка зрения. У некоторых животных телесвязь, например призыв самкой самцов, — важный жизненный акт, способствующий сохранению вида. У человека телепатическая информация имеет иногда характер призыва на помощь, но чаще уведомления о важных переживаниях близкого по родству или по чувству лица. Это тоже может иметь некоторое жизненное значение, хотя для современных людей подобная связь никакой биологической роли не играет. Создается поэтому впечатление, что «телепатическая одаренность» не прогрессирующее в процессе эволюции явление, а скорее рудиментарное свойство, сохранившееся у человека от зоологических предков и возрождающееся у некоторых лиц в виде своеобразного атавизма. В пользу этого

¹ «Extrasensory Perception».

взгляда нередко приводят тот довод, что лучших испытуемых для опытов мысленного внушения паранормологи находят среди психоневротиков, даже душевнобольных и идиотов¹.

Как видно, вопросы, обсужденные в этой главе, еще далеко не разрешены современной наукой.

Х. ЭЛЕКТРОМАГНИТНАЯ ГИПОТЕЗА ВНУШЕНИЯ НА РАССТОЯНИИ

Нам остается коснуться еще одного вопроса, пожалуй, важнейшего, но и самого трудного, наименее разработанного: какой фактор передает внушение через пространство, разделяющее индуктора и перципиента? По этому вопросу было высказано много гипотез; их можно подразделить на три группы. Внушение на расстоянии осуществляется:

- 1) одним из уже известных видов энергии, указанных в предыдущей главе;
- 2) еще не известным ни физикам, ни физиологам видом энергии;
- 3) каким-то неэнергетическим фактором, образуемым мозгом в процессе нервно-психической деятельности.

К первой группе относится самая известная гипотеза внушения на расстоянии, кладущая в основу этого явления передачу от мозга индуктора мозгу перципиента (или каким-то имеющимся у него электро-рецепторам) электромагнитной энергии той или иной длины волны. Эта гипотеза была высказана вскоре после открытия в 1888 г. германским физиком Герцем электромагнитных волн. Через четыре года после этого великого открытия, 1 марта 1892 г., американец Хоустон (E. Houston) выступил в секции электричества Франклиновского института с докладом, в котором он впервые высказал электромагнитную гипотезу внушения на расстоянии. После изобретения А. С. Поповым и вслед за ним итальянцем Маркони беспроволочного

¹ A. M. Merloo. Telepathy as a Form of Archaic Communication. «Psychiatric Quarterly», 1949, vol. XXIII, p. 691.

телеграфа эта гипотеза получила широкое распространение. Маркони писал по этому поводу:

«Человеческий мозг — несравненно более тонкий инструмент, чем какой бы то ни было изобретенный человеком аппарат, и может, очевидно, посылать сообщения на гораздо большие расстояния, чем какой-либо передающий механизм»¹.

Дальнейшему развитию этой гипотезы способствовали успехи электрофизиологии, особенно установление в 1929 г. германским ученым Гансом Бергером ритмических колебаний электрических потенциалов человеческого мозга, регистрируемых осциллографом с поверхности черепа (уже неоднократно упоминавшаяся нами электроэнцефалография). Электрическая активность мозговой коры, по всей вероятности, как-то связана с психической деятельностью. Во всех тех случаях, когда человек теряет по какой-либо причине сознание, электроэнцефалограмма характерно меняется: кроме обычных альфа- и бета-волн появляются более медленные дельта-волны с высокой амплитудой. Если потеря сознания переходит в смерть, колебания потенциала ослабевают и сходят на нет. У каждого испытуемого электроэнцефалограмма имеет некоторые индивидуальные черты, по-видимому связанные с особенностями его нервно-психического склада. Однако расшифровать по электроэнцефалограмме содержание психики, сознания — что переживает, о чем мыслит, что ощущает испытуемый в данный момент — не представляется возможным.

Механизм излучения электромагнитных волн мозгом человека акад. Лазарев видел в следующем: В клетках центров должны быть заложены вещества, дающие периодическую пульсацию как химической реакции, так и электродвижущей силы. Так как периодическая электродвижущая сила, возникающая в определенном месте пространства, должна непременно создавать в окружающей воздушной среде переменное электромагнитное поле, распространяющееся со скоростью света, то мы должны, следовательно, ожидать, что всякий наш двигательный или чувствующий акт,

¹ Цит. по кн.: G. Calligaris. Telepatia e radio-onde cerebrali. Milano, 1934, p. 1.

рождающийся в мозгу, должен передаваться и в окружающую среду в виде электромагнитной волны. Приходящая от деятельного центра одного человека электромагнитная волна вызывает в центрах другого импульс, являющийся началом периодической реакции в центрах и создающий возбуждение¹.

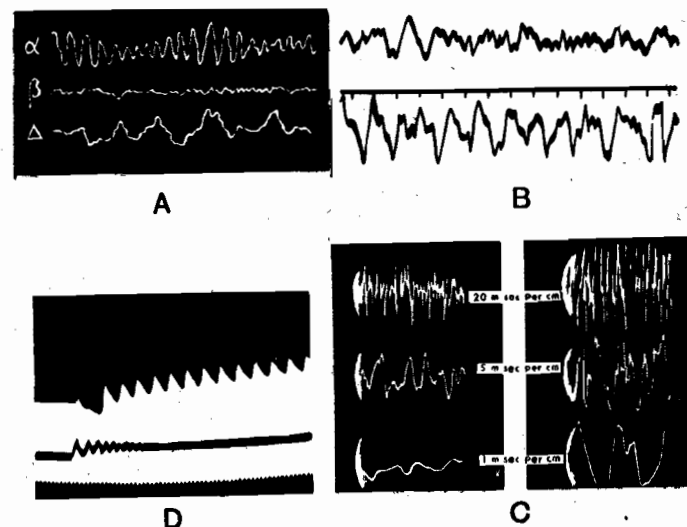

Рис. 16. Разновидности биоэлектрической активности. А — ритмы альфа, бета и дельта из электроэнцефалограммы человека; В — биотоки мышцы человека при слабом (вверху) и сильном (внизу) произвольном сокращении, ритм — около 40—50 герц; С — биотоки ультравысокой частоты сокращенных мышц человека; D — разряд электрического органа электрического сома.

Основным ритмом колебаний электрического потенциала мозга акад. Лазарев считал 50 в 1 сек. (50 герц), что совпадает с рабочим ритмом моторных центров. Отсюда длина электромагнитных волн, осуществляющих внушение на расстоянии, по Лазареву, равна:

$$\lambda = \frac{300\,000}{50} = 6000 \text{ км}^2.$$

¹ См. П. П. Лазарев. Физико-химические основы высшей нервной деятельности. М., 1922, стр. 46—47.

² Скорость света = 300 000 км/сек.

Из сказанного видно, что физик Лазарев полагал в основу внушения на расстоянии физическую индукцию: пульсирующая электродвижущая сила определенных нейронов в мозгу индуктора вызывает в соответствующих им нейронах мозга перцепиента электродвижущую силу, пульсирующую с тем же самым ритмом. Предполагается, что два вполне одинаковых по локализации и ритму процесса, один в одном мозгу, другой — в другом, дают хотя бы приблизительно одинаковые психические переживания у индуктора и перцепиента, что и составляет суть внушения на расстоянии.

П. П. Лазарев мечтал обнаружить такие волны низкой частоты и огромной длины вокруг головы человека, но сделать это никому не удалось. Зато в 1923—1925 гг. стало известно о том, что итальянскому психиатру Каццамали¹ совместно с сотрудниками Маркони удалось таки уловить мозговые радиоволны с очень короткой длиной волны от 10 до 100 м и даже впоследствии — от 0,7 до 10 м. Частота таких волн огромна — 3000—30 000 герц и более². Эти опыты вызвали ряд критических замечаний методического и технического характера³. В начале 30-х годов в Бехтеревском институте мозга была сделана попытка повторить опыты Каццамали, но она окончилась неудачей. Никому не удалось надежно подтвердить нашумевшее «открытие» итальянского ученого и в зарубежных странах. Непонятно было и то, откуда берутся такие высокочастотные волны: электрофизиологи и по сей день не знают в мозгу электрических колебаний, ритм которых превышал бы 500—1000 герц.

Это затруднение некоторые авторы пытались обойти построением остроумной («гистофизической», если можно так выразиться) гипотезы. Б. Б. Кажинский указывал, что в электротехнике для получения высоко-

¹ F. Cazzamali. Phénomènes télépsychiques et radiations cérébrales. «Revue Métapsychique», 1925, № 4, p. 1.

² Подробнее об опытах Каццамали написано в книжке «Таинственные явления человеческой психики», см. стр. 100—102.

³ См. статью проф. А. А. Петровского «Телепсихические явления и мозговые радиации» в журн. «Телеграфия и телефония без проводов», 1926, № 34, стр. 61.

частотных электромагнитных волн применяется замкнутая колебательная цепь проводов переменного тока, содержащая конденсатор, витки соленоида и обладающая некоторым омическим сопротивлением. В нервной системе переменным током является составляющий основу нервного возбуждения биоток. Окончания дендритов, имеющие вид пластинок, Кажинский считал клеточными конденсаторами, витки нервных волокон — соленоидами, включенными последовательно в замкнутый колебательный контур, а все это, вместе взятое, он считал клеточным вибратором, генерирующим электромагнитные волны соответствующей длины. Из гистологии нервной ткани инженер-электрик Кажинский черпал свои представления и о клеточных приемниках электромагнитных волн высокой частоты¹. В предыдущей главе уже говорилось, что эта идея была воспринята акад. А. В. Леонтовичем; за рубежом ее развивал Ляховский².

Гипотеза Кажинского в отличие от высказывания акад. Лазарева (см. стр. 119—120) имеет чисто физический характер; в ней обойден молчанием основной физиологический вопрос: может ли электромагнитное поле той или иной частоты раздражать нервные клетки или нервные волокна, т. е. вызывать в них основной нервный процесс — возбуждение, без которого не может быть и речи о психических явлениях. Физиологам известно, что высокочастотные поля раздражающего действия не оказывают, импульсов возбуждения не вызывают. Поля низкочастотные легко раздражают выделенные из организма и изолированные в физическом смысле нервы, мышцы, мозговую ткань; но те же живые образования не проявляют под действием этих полей признаков раздражения, когда находятся в условиях естественного своего залегания в организме³. Это значит, что поверхностно расположенные ткани неплохо экранируют глубже лежащие органы

¹ См. Б. Б. Кажинский. Передача мыслей. М., 1923.

² G. Lakhovsky. Les oscillations cellulaires. Paris, 1931.

³ См. В. Я. Данилевский. Исследования над физиологическим действием электричества на расстоянии, т. I, Харьков, 1900; т. II, Харьков, 1901.

в том числе и головной мозг от действия внешних электромагнитных полей низкой частоты¹.

Тем не менее недавно появились в печати работы, устанавливающие возможность выработки условных рефлексов на неосязаемое (субсенсорное) действие электрического и даже магнитного поля.

В опытах Ф. П. Петрова сигнальным раздражителем служило электромагнитное поле низкой частоты (200 герц), а подкреплением — раздражение пальцев руки испытуемого электрическим током. Сперва заметно для испытуемого включалось поле, а затем к его действию присоединялось раздражение током, вызывавшее безусловно рефлекторное отдергивание руки. После 67 сочетаний поля и тока у одной испытуемой впервые появился условный рефлекс — отдергивание руки в ответ на включение поля (без подкрепления током). У другой испытуемой это произошло только после 150 сочетаний. Медленность образования и неустойчивость этого рефлекса Ф. П. Петров объясняет тем, что электрическое поле низкой частоты не является естественным (адекватным) раздражителем для имеющихся в организме человека органов чувств и потому плохо, слабо их раздражает. По этим данным, поле раздражает не мозговые нейроны, а какие-то рецепторы, от которых возбуждение направляется в мозговую кору².

Ю. А. Холодову удалось выработать у находящихся в аквариуме рыб оборонительные и пищедобывательные условные рефлексы на неосязаемое действие постоянного магнитного поля и притом слабого (10—30 эрстед). Магнитное поле в отличие от электрического поля может проникать внутрь черепа и непосредственно действовать на мозг. В соответствии с этим Холодов сомневается в существовании у животных рецепторов для восприятия магнитного поля и приводит опытные данные, говорящие в пользу непо-

¹ Проникаемость в организм высокочастотных полей значительно больше, но такие поля не вызывают импульсов возбуждения, а лишь повышают возбудимость живых тканей, затем угнетают и убивают их.

² См. Ф. П. Петров. Действие электромагнитного поля низкой частоты на высшую нервную деятельность. Труды Института физиологии им. И. П. Павлова, т. I, 1952, стр. 369.

средственного действия этого поля на мозг (у рыб на промежуточный мозг)¹.

В недостаточной экспериментальной разработке вопроса о действии разного рода полей на мозг и рецепторы состоит первая трудность, встречаемая электромагнитной гипотезой внушения на расстоянии со стороны физиологии. Второе затруднение еще серьезнее: никакая энергия не может произвести раздражающего действия на живые ткани, т. е. вызвать в них импульсы возбуждения, если ее интенсивность ниже порога возбудимости ткани. Известный физик В. К. Аркадьев попытался воспользоваться уравнениями электрофизики и экспериментальными данными электрофизиологии, чтобы подсчитать порядок величин электромагнитного поля, которое могло бы возникнуть в результате электрической активности мозга. Результаты подсчета оказались неутешительными: электромагнитная энергия, развиваемая биотоками работающего мозга, равна $6,5 \times 10^{-24}$ эрг/сек, т. е. во много тысяч раз меньше той энергии, которая нужна для порогового раздражения человеческого глаза ($2,1 \times 10^{-10}$ эрг/сек). На этом основании проф. Аркадьев дает электромагнитной гипотезе внушения на расстоянии отрицательную оценку².

Однако вопросы такого рода решаются не столько теоретическими соображениями, сколько прямыми опытами, поставленными с целью оправдать или отвергнуть ту или другую гипотезу. Для обсуждения нами гипотезы решающее значение имеют опыты с помещением внушающего на расстоянии (индуктора) или воспринимающего внушение (перципиента) в экранирующую металлическую камеру. Следовало заранее ожидать, что экранирование металлом будет пре-

¹ См. Ю. А. Холодов. К физиологическому анализу действия магнитного поля на животных (автореферат кандидатской диссертации). М., изд. МГУ, 1958; см также дискуссию на тему: «Жизнь и магнитное поле». «Наука и жизнь», 1961, № 7, стр. 76—90.

² См. В. Аркадьев. Об электромагнитной гипотезе передачи мысленного внушения. «Журнал прикладной физики», 1924, т. 1, стр. 215. Новые соображения теоретического характера, направленные против электромагнитной гипотезы, читатель найдет в высказываниях П. И. Гуляева, М. Н. Ливанова, Л. П. Крайзера, М. Айрапетянца и А. Иваницкого, Н. Сараджева, помещенных в журналах «Знание — сила» (№ 12 за 1960 г., стр. 18—23) и «Техника молодежи» (№ 1 за 1961 г., стр. 28—32).

кращать или, по крайней мере, заметно ослаблять проявление внушения на расстоянии, если оно действительно передается электромагнитными волнами. Первые опыты такого рода были поставлены Б. Б. Кажинским совместно с В. Л. Дуровым на дрессированных собаках в начале 20-х годов. Индуктор, помещенный в заземленную экранирующую камеру, сделанную из листов кровельного железа, мысленно внушал подопытной собаке то или иное двигательное задание. Оно более или менее правильно выполнялось только в тех случаях, когда индуктор имел возможность следить за животным через сделанное в камере овальное отверстие величиной с человеческое лицо. В 61% опытов с экранированием индуктора мысленное воздействие на поведение животных прекращалось, но в 39% тех же опытов продолжало осуществляться — результат довольно неопределенный¹.

Эти опыты никак нельзя признать безупречно поставленными. Во-первых, применявшаяся камера, имевшая значительных размеров окно, закрывавшееся по мере надобности железной заслонкой, не давала гарантии надежного экранирования. Никаких проверочных испытаний в этом отношении сделано не было. Во-вторых, сама постановка опытов мысленного воздействия на двигательную активность собак далеко не удовлетворяла выдвинутому Бехтеревым условиям. И сам индуктор, следивший за поведением животных при открытом окне, и присутствовавшие на опытах лица могли вольно или невольно руководить поведением собаки посредством тех или иных сигналов — движений, жестов, мимики, звуков и т. п.

Мне известны еще две-три попытки поставить подобного рода опыты. Одна из них была предпринята врачом-гипнологом Т. В. Гурштейном совместно с физиком Л. А. Водолазским в 1936 г. Приведенный в гипнотическое состояние перципиент помещался в экранирующую камеру вместе с наблюдателем; не знавшим внушаемых заданий. В его обязанности входило отмечать время и реакции перципиента, а также по своему усмотрению закрывать (изоляция) или откры-

¹ Сообщение об этих опытах впервые появилось в статье А. Л. Чиждова «Передача мысли на расстоянии (мозг — аппарат радио)» в журнале «Эхо», 1925, № 20.

вать (без изоляции) дверь камеры. Индуктор из другой комнаты производил мысленные внушения двигательного характера: «поднять правую руку», «вытянуть левую ногу», «сжать правую руку в кулак» и т. п. Таких опытов было поставлено очень мало — всего 10; из них в 5 опытах с закрытой дверью камеры перципиент на мысленное внушение не реагировал; в 5 опытах с открытой дверью в 4 опытах он правильно выполнил внушаемое задание. Число этих опытов, конечно, недостаточно, чтобы сделать на их основании какое-либо определенное заключение¹.

Наконец, Б. В. Краюхин в своей уже цитированной статье сообщает о докладе С. Я. Турдыгина, сотрудника акад. Лазарева, сделанном на заседании Московского общества испытателей природы в 1939 г. «Докладчик сообщил о своих опытах по изучению излучения, испускаемого человеком, которое наблюдалось при сеансах бессловесного гипноза, вызываемого гипнотизером, помещенным в металлической будке с отверстием. Детекторами этого излучения служили не тренированные (?) субъекты, которые должны были падать при воздействии гипнотизера. Влияние гипнотизера имело место лишь тогда, когда отверстие будки было открыто; при закрытом же отверстии никакого воздействия гипнотизер не оказывал. Докладчик пришел к выводу, что наблюдавшиеся им излучения (?) представляют собой электромагнитные волны, причем одна из длин волн, измеренная с помощью дифракционной решетки из параллельных проволок, оказалась равной почти $2 \text{ м}\mu^2$ ». Докладчику можно было бы предъявить такие же критические замечания, какие уже были нами сделаны по поводу опытов Кузнецкого и Дурова.

Опыты с экранированием металлом, проведенные с соблюдением всех предосторожностей и в достаточном количестве, могли бы иметь определяющее значение.

¹ Эта работа была доложена в 1937 г. на заседании Московского общества психиатров и невропатологов, но не была напечатана.

² Эта работа осталась неопубликованной в ее полном объеме. См. другие статьи С. Я. Турдыгина по тому же вопросу, напечатанные в «Докладах Академии наук СССР», 1937, т. XVII, № 2, стр. 19, и в «Бюллетени экспериментальной биологии и медицины», 1942, т. 14, вып. 4, № 10, стр. 63.

чение в решении вопроса за или против электромагнитной гипотезы внушения на расстоянии. Учитывая это, автор с сотрудниками И. Ф. Томашевским, А. В. Дубровским и физиком-электриком Р. И. Скарятиным в 1933—1936 гг. провел систематические исследования.

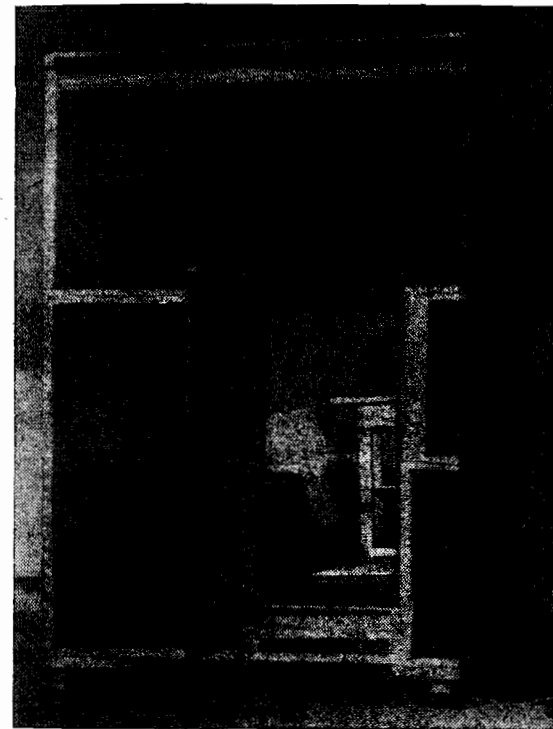

Рис. 17. Железная экранирующая камера для перципиента в лаборатории автора. Внутри — койка и радиоприемник (на столике).

ния в этом направлении с применением уже известной читателю гипногенной методики. Первая забота состояла в создании надежных экранирующих камер. Одна из них, служившая для экранирования перципиента, представляла собой деревянный каркас, обшитый листами кровельного железа, толщиной около 1 мм; швы между листами были оклеены фольгой. В камере помещалась койка для перципиента, столик для аппара-

туры и стул для наблюдателя. Дверь закрывалась возможно плотнее (рис. 17). Эта камера находилась в круглой комнате (см. план лаборатории). Камера

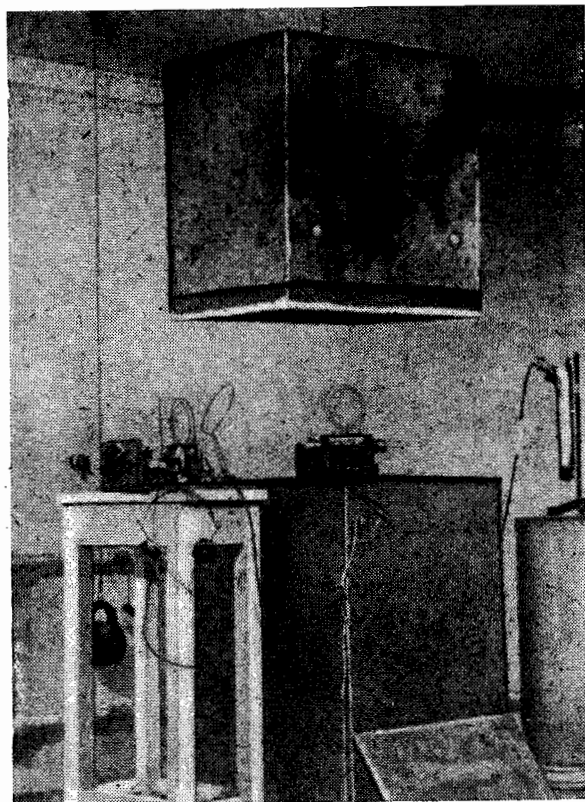

Рис. 18. Железная экранирующая камера для индуктора в лаборатории автора. Внутри — генератор, снаружи — радиоприемник, справа на тумбе — манометр для испытания герметичности камеры, когда она закрыта (верхняя половина спущена).

меньших размеров для экранирования индуктора помещалась в задней комнате лаборатории на расстоянии приблизительно 13 м от камеры перципиента, причем их разделяли две проходные комнаты и три запертые во время проведения опытов двери (см. план).

Эта камера изображена на рис. 18. Она имела две половины — нижнюю и верхнюю; каждая половина состояла из деревянного каркаса, обшитого железными листами толщиной около 1 мм. Все швы и стыки листов были тщательно пропаяны. Верхняя половина («колпак») была подвешена на стальном тросе, перекинута через блок, ввинченный в потолок. Вес верхней половины уравнивался гирей в 16 кг. Таким образом, можно было легко поднимать этот железный колпак или опускать его на нижнюю половину камеры. По верхнему краю этой последней был устроен желоб, куда была налита ртуть. В ртуть входил при опускании край верхней половины, который в целях лучшего контакта был сделан латунным и амальгамирован. Этим устройством обеспечивалось отсутствие щелей между обеими половинами камеры и тем самым полное экранирование пространства внутри камеры от внешних электромагнитных полей. Внутри камеры помещался стул для индуктора и небольшая полочка-столик. Эта камера (как и камера перципиента) освещалась небольшой лампочкой, накаливавшейся от стоявшего тут же аккумулятора.

Проверка «электрической герметичности» наших камер производилась следующим образом. Внутри камеры был помещен вместе со своими батареями генератор электромагнитных волн той или другой длины (от 2,7 до 15 м — длина «мозговых радиоволн» Каццамали). Наблюдатель, перемещаясь с приемником, настроенным на ту же длину волны, вокруг камеры, пытался обнаружить проникновение волн из камеры наружу. Затем опыт проводился в обратном порядке: наблюдатель помещался с приемником в камере и пытался принять сигналы от генератора, находившегося вне камеры. Эти испытания и теоретические расчеты показали, что камера индуктора обеспечивала полное экранирование всех ультракоротких, коротких и средних волн, а также значительное ослабление длинных волн, начиная от нескольких сотен метров и более. Камера перципиента пропускала короткие волны при недостаточно плотно закрытой двери. Малейшая щель уже нарушала изоляцию.

Для проведения серии опытов с экранированием служили наши лучшие перципиентки Ф. и И. Опыты

ставились с применением гипногенной методики — так, как они уже были описаны в восьмой главе. Разница состояла только в том, что в этих опытах индуктор производил мысленное внушение из своей экранирующей камеры, а перципиентка находилась или в своей камере, или же перед ней, сидя в кресле. В обоих случаях велась регистрация производимых перципиенткой сжатий баллона, описанная в восьмой главе. Было поставлено 4 серии таких опытов: две первые без экранирования, причем в 1-й серии индуктор и перципиент находились в одной комнате В, а во 2-й серии в разных комнатах (А и В); в 3-й серии опытов испытуемая помещалась в комнате В, а индуктор — в экранирующей камере, находившейся в комнате А; наконец, в 4-й серии опытов и индуктор, и перципиент находились в изолирующих камерах, в разных комнатах.

Во всех четырех сериях определялось время от начала мысленного внушения засыпания или пробуждения до момента фактического наступления засыпания или пробуждения (прекращения или возобновления сжатия баллона). Цифровые результаты всех опытов сведены в следующей табличке (М — средние арифметические в минутах $\pm m$ — средние ошибки; в скобках — число опытов, из которых выведены эти величины):

Таблица № 1

	Серии опытов	Перципиентка Ф.		Перципиентка И.	
		Засыпание	Пробуждение	Засыпание	Пробуждение
Без экранирования	1-я	1,89 $\pm$ 0,39 (26)	1,67 $\pm$ 0,34 (23)	6,25 $\pm$ 2,06 (8)	2,94 $\pm$ 1,3 (8)
	2-я	3,87 $\pm$ 0,83 (19)	3,60 $\pm$ 0,88 (16)	4,05 $\pm$ 0,93 (14)	3,67 $\pm$ 2,18 (3)
		$M_1 = 2,60 \pm 0,31$		$M_1 = 4,28 \pm 0,75$	
С экранированием	3-я	3,50 $\pm$ 1,35 (5)	5,14 $\pm$ 4,28 (4)	2,02 $\pm$ 0,61 (14)	3,64 $\pm$ 0,81 (14)
	4-я	0,83 $\pm$ 0,34 (9)	1,87 $\pm$ 0,41 (15)	5,00 $\pm$ 1,22 (4)	5,38 $\pm$ 1,46 (14)
		$M_2 = 2,23 \pm 0,64$		$M_2 = 3,52 \pm 0,52$	

Сливая данные 1-й и 2-й серий и объединяя величины времени усыпления с временем пробуждения, получаем общую характеристику результатов без экранирования (M_1): для Ф. $2,60 \pm 0,31$; для И. $4,28 \pm 0,75$. Аналогичный прием по отношению к 3-й и 4-й сериям дает общую характеристику результатов при экранировании (M_2): для Ф. $2,23 \pm 0,64$; для И. $3,52 \pm 0,52$.

Сопоставив приведенные числовые результаты опытов с экранированием с числовыми результатами опытов без экранирования, мы видим, что разница между ними очень мала. Перципиентка Ф. в опытах с экранированием засыпала и пробуждалась под влиянием мысленного внушения в среднем на 0,37 минуты скорее, чем в опытах без экранирования, а перципиентка И. — на 0,76 минуты скорее. Вычисление коэффициента достоверности разницы по формуле $p = \frac{M_1 - M_2}{\sqrt{m_1^2 + m_2^2}} \geq 2$

показало, что эти полученные из опытов разницы (0,37 и 0,76) не выходят за пределы случайности.

Отсюда с непреложностью следует, что, вопреки электромагнитной гипотезе, примененное в наших опытах экранирование, задерживая распространение электромагнитных волн в широком их диапазоне, не оказало никакого влияния на передачу мысленного внушения от мозга индуктора мозгу перципиента.

Это значит, что энергетический фактор, передающий внушение на расстоянии, надо искать не посредине, а на концах электромагнитного спектра: или в области излучений с наиболее короткой волной — рентгеновых или гамма-лучей (на что нет никаких фактических указаний), или, напротив, — в области длинноволновых электромагнитных полей, проникновение которых в ослабленном виде через металлические стенки наших камер, даже в случаях их заземления, не исключено. Но и против этого предположения говорят приведенные нами расчеты проф. Аркадьева.

Изложенные факты и выводы, полученные нами еще в середине 30-х годов, получили неожиданное подтверждение в опытах, произведенных на борту «Наутилуса» четверть века спустя (см. первую главу). По словам Херумьяна, одного из ведущих сотрудников Парижского метапсихологического института,

«электромагнитная гипотеза, обычно вызывающая представление о беспроводном телеграфе с агентом-передатчиком и перцепиентом-приемником; в настоящее время оставлена большинством парапсихологов»¹. Очень показательны, что от нее отказался и Ганс Бергер, знаменитый современный электрофизиолог, создатель электроэнцефалографической методики, а кому, как не ему, казалось бы, быть горячим сторонником электромагнитной гипотезы! Развиваемая Бергером гипотеза о факторе, передающем телепатическую информацию, будет изложена в следующей главе.

XI. ОПЫТЫ НА ОЧЕНЬ БОЛЬШОМ РАССТОЯНИИ

Французский парапсихолог Ренэ Дюфур в статье, озаглавленной «Играет ли пространство роль в телепатических явлениях?»², подчеркивает, что для этих явлений характерно преодоление очень больших расстояний и всевозможных препятствий. Это указание не ново; о нем еще в 1914 г. писал уже известный нам английский физик Баррэт:

«Остановимся на аналогии телепатии и беспроводного телеграфа. Если мы даже представим себе так называемые мозговые волны бесконечно малыми колебаниями эфира, наполняющими все пространство, они все же должны подчиняться так называемому закону «обратных квадратов», т. е., рассеиваясь с каждой стороны в вечно расплывающихся волнах, они должны ослабевать пропорционально квадрату расстояния от их источника. Таким образом, на расстоянии тысячи ярдов от источника их влияние на перцепиента (или воспринимающего) должно быть в миллион раз меньше, нежели влияние на того же перцепиента на расстоянии всего одного ярда (английского аршина) от источника возникновения. Отсюда вытекает следующее: передача волн на большие расстоя-

¹ R. Khèrumian. Essai d'interprétation des expériences de Soal et Goldney. «Revue Métapsychique», 1949, № 8, p. 223.

² R. Dufour. L'espace joue-t-il un rôle dans les phénomènes de télépathie? «Revue Métapsychique», 1951, № 13, p. 2.

ния через свободные пространства требует громадного напряжения энергии в первоначальном источнике этих волн, — иначе они окажутся настолько ослабленными, что перцепиент не сможет воспринять их. Между тем ничто не говорит о необходимости громадного психического усилия со стороны агента в экспериментах с передачей мыслей»¹.

Далее проф. Баррэт приводит несколько случаев спонтанной телепатии на больших расстояниях и делает вывод; поскольку телепатические явления не подчиняются закону «обратных квадратов», установленному еще Ньютоном, они не могут осуществляться каким-либо энергетическим фактором.

Вопрос этот очень серьезен. Приведу результаты некоторых опытов внушения на очень большие расстояния, проведенных в более новое время.

На третьем конгрессе психических исследований в 1927 г. Варколлье² сообщил об экспериментах, проведенных при его участии между Парижем и Нью-Йорком в обоих направлениях, на расстоянии около 6000 км. Мысленно внушались зрительные образы, относящиеся к заранее определенному типу объектов (например, рисунок какого-либо предмета, страница книги и т. п.); или же характер внушаемых объектов не был заранее обусловлен (например, представление о гимнасте, работающем на турнике). Было проведено 15 опытов по передаче мыслеобразов из Нью-Йорка в Париж, причем совпадение наблюдалось в 5 случаях (33,3%). В обратном направлении было проведено 20 опытов при 5 совпадениях (25%). Варколлье рассматривает полученные результаты как значительный успех экспериментальной телепатии на больших расстояниях. Известный писатель Эптон Синклер в книге «Mental Radio» (1930 г.) описал многочисленные опыты по мысленной передаче рисунков (всего 290), в том числе и опыты, проведенные на расстоянии 25—30 миль³.

¹ У. Ф. Баррэт. Загадочные явления человеческой психики. М., 1914, стр. 93—94.

² R. Warcollier. La télépathie à très grande distance. Les comptes rendus officiels de III Congrès International des recherches psychiques. Paris, 1927.

³ «The Sinclair Experiments Demonstrating Telepathy». Bulletin XVI, Boston Society for Psychic Research. Boston, 1932.

Большая серия опытов на очень значительных расстояниях была организована в 1928 г. Афинским обществом психических исследований. Опыты производились между Афинами и Парижем (2101 км), между Варшавой и Афинами (1597 км) и между Веной и Афинами (1284 км). О результатах этих опытов докладывал д-р Константи́нидес на четвертом Международном конгрессе психических исследований в Афинах. Передавались геометрические фигуры, рисунки, буквы и реже пластические изображения. Каждая группа экспериментаторов состояла из нескольких лиц, которые выполняли то роль агента, то роль перципиента. Иногда перципиентов погружали в гипнотическое состояние, надеясь этим улучшить результаты опытов. Передача и прием мысленного внушения были синхронизированы. В каждом направлении передача производилась дважды по 5 минут, с пятиминутной паузой. Прием также продолжался по 5 минут с пятиминутным перерывом. Сравнивая оригиналы передаваемых объектов с воспроизведенными рисунками перципиентов, трудно не согласиться с докладчиком в том, что и эти опыты свидетельствуют о возможности передачи мысленного воздействия на очень большие расстояния.

На рис. 19 (А и В) представлены некоторые признанные удачными результаты этих международных опытов. Слева изображены рисунки, передававшиеся из Афин в Париж или в обратном направлении (а, b, c, d, e, f, g — то, что внушалось агентами; а', b' и т. д. — то, что было воспринято перципиентами). Способности перципиента проявил и сам Варколле: ему принадлежит рисунок b', воспринятый при внушении из Афин рисунка b. Справа представлены опыты внушения из Афин в Варшаву или обратно. Поляки славятся своими перципиентами: рисунки a, b, e были восприняты сразу двумя (a', a''; e', e'') или даже тремя перципиентами (b', b'', b''').¹

Надо сказать, что результаты этих опытов не хуже представленных нами в пятой главе результатов опы-

¹ K. Konstantinides. Telepathische Experimente zwischen Athen, Paris, Warschau und Wien, Transactions of the Fourth International Congress for Psychical Research, S P R London, 1930, p. 251.

тов Я. Жука, при проведении которых агент и перципиент находились в одной комнате.

В наших исследованиях 30-х годов аналогичные опыты были поставлены с применением гипногенной методики мысленного внушения. Здесь уместно напомнить о том, что опыты усыпления и пробуждения на расстоянии были произведены выдающимся французским психиатром Пьером Жане (P. Janet) и его коллегой д-ром Жибером (Gibert) в городе Гавре еще

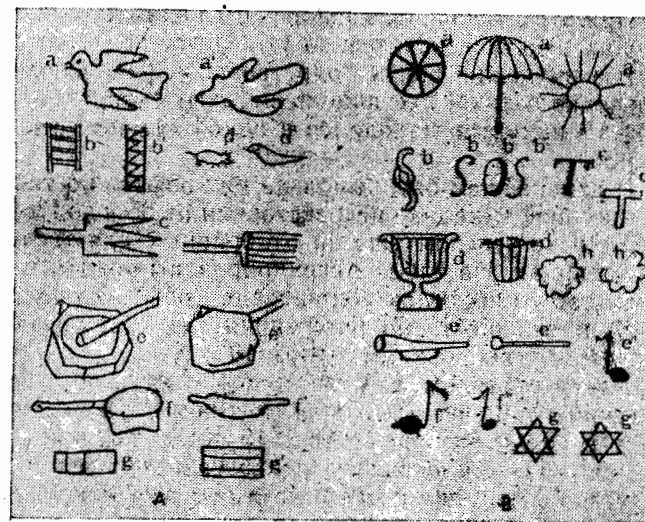

Рис. 19. Результаты опытов внушения рисунков на большом расстоянии: слева из Афин в Париж, справа из Афин в Варшаву; а, в, с, d, e, f, g — рисунки, внушаемые индукторами; а', а'', e', e'' и пр. — рисунки, воспринятые перципиентами.

в 1885—1886 гг. На расстоянии 1—2 км перципиентка Леония Б. приводилась мысленным внушением в состояние гипнотического сна неожиданно для нее самой и в любое время по желанию экспериментатора-индуктора. Из 25 опытов вполне удались 18, остальные удались отчасти, т. е. с задержкой или ограничивались дремотой¹. В наших опытах индуктор выходил из ла-

¹ P. Janet et M. Gibert. Sur quelques phénomènes de somnambulisme. «Revue philosophique», 1886, vol. XXI, p. 190.

боратории на другой этаж того же здания, или в соседний дом, или на улицу, удаляясь от Института мозга на более или менее далекое расстояние. При испытываемой оставался наблюдатель. В некоторых опытах испытуемая находилась в другом конце города, в помещении психотерапевтического диспансера, а индуктор — в лаборатории Института мозга. При этом испытуемая не могла и подозревать о том, что с нею производится опыт, а наблюдатель лишь весьма приблизительно был осведомлен о начале внушения.

При этих условиях, казалось бы полностью исключавших действие каких-либо условных сигналов, мысленное внушение сна и бодрствования реализовалось и нередко с такой же приблизительно скоростью, как если бы индуктор находился в одной комнате с испытуемой.

В дальнейшем был выполнен ряд опытов по той же гипногенной методике на расстоянии от 25 м до 1700 км и с тем же успехом уже на отобранных для эксперимента лицах. На табл. 2 сгруппированы опыты, имевшие место в пределах Ленинграда (опыты от № 1 до № 8) и два опыта на расстоянии Севастополь — Ленинград, организованные летом 1934 г.

Перед отъездом в Севастополь индуктор (Томашевский) заранее условился с д-ром Дубровским о днях и часах экспериментов. 13 июля перцепиентка И. прибыла, как обычно, в психотерапевтический диспансер в 5 час. дня и пробыла в нем до 7 час. вечера. Однако в эти обусловленные для опыта часы из Севастополя телепатическая индукция не производилась, так как индуктор чувствовал себя нездоровым (москитная лихорадка). Исследуемая И., находясь все время под наблюдением д-ра Дубровского, не проявила никаких признаков сонливости.

В другой раз, 15 июля, та же испытуемая явилась в диспансер около 10 час. вечера (время обусловленное). В 10 час. 10 мин. вечера индуктор приступил к мысленному внушению. В 10 час. 11 мин. у исследуемой было констатировано гипнотическое состояние. В 10 час. 40 мин. индуктор приступил к мысленному пробуждению, и как раз в этот же час и минуту, как оказалось при сверке протоколов опыта, исследуемая вышла из состояния гипноза. Следует добавить, что в

дни опытов часы индуктора и наблюдателя сверялись с московским временем по радио.

В момент мысленного внушения индуктор находился в одиночестве на Приморском бульваре. Вокруг было темно, так как свет был выключен из-за учебной воздушной тревоги. Наблюдение за испытуемой осуществлял д-р Каялов, который раньше никогда с испытуемой И. не экспериментировал. Как оказалось в дальнейшем, ему не были известны ни цель этого задания, ни замысел экспериментатора. Наблюдение Каялов провел по предложению д-ра Дубровского, с которым были обусловлены дни и часы опыта.

В этой серии опытов мы неожиданно для себя получили и хороший контрольный опыт. 13 июля не было мысленного внушения, не наблюдалось и симптомов сна у подопытного лица. Результаты всех этих опытов сведены в табл. 2.

Таблица 2

№ п/п	Число, месяц, год	Перцепиенты	Расстояние	Время реализации внушения	
				при усыплении	при пробуждении
1	9.1.32	И.	25 м	до 1 мин.	
2	15.1.34	»	25 м		1 мин.
3	29.1.34	»	500 м		6 мин.
4	25.2.34	»	4500 м		до 1 мин.
5	20.3.34	»	20 м		1 мин. 30 сек.
6	21.4.34	»	7700 м	до 2 мин.	
7	21.4.34	»	7700 м		21 мин.
8	8.5.34	»	7700 м	3,5 мин.	4,5 мин.
9	15.7.34	»	Севастополь — Ленинград	1 мин.	до 1 мин.
10	15.7.34	»	»		
11	6.1.35	А. А.	50 м	2 мин.	

Для контроля за состоянием испытуемой (когда она находилась вне лаборатории) в отдельных опытах применялась радиоустановка, работавшая на УКВ. В таких случаях испытуемая находилась у себя дома, где устанавливался радиопередатчик, имевший специально приспособленный замыкатель. В момент сжигания резинового баллончика замыкалась цепь источ-

ника тока; что вызывало генерирование передатчиком радиоволн.

На приемной установке в лаборатории Института мозга сигналы регистрировались на движущейся ленте кимографа. В условленное время дня испытуемой предлагалось включить вилку радиопередатчика в осветительную сеть, принять удобное положение для отдыха и сжимать резиновый баллончик, а с наступлением сна прекращать сжимания.

Учитывая время от начала опыта, при получении первых радиосигналов, до прекращения сигналов, мы имели возможность на значительном расстоянии следить за наступлением у перцепиента сна при мысленном внушении или без него. Таких опытов было проведено немного, но полученные результаты показали, что примененная радиосигнализация значительно расширяет экспериментальные возможности.

Анализируя результаты опытов на различных расстояниях, мы находим, что эти результаты почти идентичны с теми, которые были получены нами на близких расстояниях, из одной комнаты в другую. Случай в опыте от 21. 4. 34 г., в котором на реализацию мысленного внушения потребовалось 21 мин., составляет исключение.

Такие естественные преграды, как кривизна поверхности земного шара, рельеф местности и т. п., препятствиями для осуществления мысленного внушения не являются. В этом отношении «Mental Radio» не отличается от нашей обычной радиотелеграфии, передающей информацию из одного полушария в другое благодаря тому, что радиоволны многократно отражаются от непроницаемой для них ионосферы. Они могут быть уловлены в закрытых помещениях радиоприемником с внутренней антенной.

Приведенный нами экспериментальный материал может натолкнуть на ложное представление о том, что закон «обратных квадратов» к данным случаям неприменим. Так и решает этот вопрос современный английский парапсихолог Керингтон¹. Вслед за Барретоном он решительно настаивает на том, что рас-

¹ W. Carington: La Télépathie, Traduction Maurice de Planiol, Payot, Paris, 1948.

стояние между агентом и перцепиентом, как бы велико оно ни было, не уменьшает результативность опытов мысленного внушения; значит, к данному случаю закон «обратных квадратов» неприменим; а из этого следует, что телепатическая связь имеет не энергетическую, а какую-то совсем иную природу. Керингтон отвергает на этом основании не только электромагнитную гипотезу внушения на расстоянии во всех ее разновидностях, но и всякую другую физическую гипотезу телепатической передачи. Объявляя внушение на расстоянии внепространственным феноменом, он вновь открывает ворота идеалистическим воззрениям на телепатию, отрывающим дух от материи, психику от мозга.

Но верна ли эта аргументация Баррета — Керингтона? Математик Б. Гоффман¹ в своей содержательной статье утверждает, что она неверна. Ошибочность этой аргументации состоит в том, что в ней смешиваются такие совершенно различные понятия, как «интенсивность» и «понятность» (intelligibilité). Гоффман разъясняет это двумя примерами, смысл которых состоит в следующем.

Не подлежит сомнению, что сила света уменьшается с удалением от источника света пропорционально квадрату расстояния. Если световой энергии положено выполнить какую-нибудь работу, например разложить бромистое серебро фотопластинки, то она выполнит эту работу тем быстрее и полнее, чем ближе расположена фотопластинка к источнику света. Но допустим, что тот же свет служит всего лишь сигналом, что он несет информацию о каком-либо событии. В таком случае дальность расстояния уже не будет иметь большого значения. Мы в одинаковой мере поймем условленный смысл светового сигнала и тогда, когда он ослепительно вспыхнет вблизи, и тогда, когда наш глаз едва уловит его на большом расстоянии. Сигнал, информация тоже подчиняются закону обратных квадратов, тоже передаются энергией, но ее интенсивность в данном случае может быть ничтожно мала.

Гоффман опубликовал свою статью за восемь лет

¹ B. Hoffmann. Extrasensory Perception and the Law of Inverse Square. «The Journal of Parapsychology», vol. 4, № 1, June 1940.

до появления знаменитой книги Норберта Винера, положившей начало кибернетике. Теперь мы знаем о существовании энергетических и кибернетических устройств или систем; знаем, что в живом организме эти системы сочетаются воедино. «Однако специфика и закономерности этих двух областей явлений природы различны, и это различие нужно очень четко видеть. Понятие информации сложилось позже, чем понятие энергии. И законы работы кибернетических систем познаны еще далеко недостаточно. В наши дни только закладываются основы их понимания»¹.

Французская парапсихологическая школа в лице Р. Варколлье и Р. Херумьяна давно уже занимается сопоставлением мысленного внушения с различными способами передачи информации на расстоянии, применяемыми в технике. Эти авторы указывают на ряд аналогий, существующих между деятельностью телепатического агента, перцепиента и работой аппаратов, применяемых в кибернетике. Они полагают, что можно сконструировать такой кибернетический аппарат, который будет воспроизводить в виде модели все явления мысленного внушения с присущими им особенностями и недостатками.

Моделирование физиологических функций составляет одну из важных задач кибернетики. Примером может служить кибернетическая черепаха Уолтера, как бы воспроизводящая механизм образования условного рефлекса². Не удивительно, что кибернетики начинают теперь интересоваться и телепатическими явлениями, как особым видом передачи информации. Так, например, известный математик и кибернетик А. Тьюринг озабочен в своей книжке³ вопросом, как согласовать некоторые положения кибернетики с признанием реального существования парапсихических явлений, в частности телепатии.

Можно предположить, что «телепатическая пара» в момент передачи внушения на расстоянии является собой временно действующую кибернетическую систему со всеми вытекающими из этого определения следствиями.

¹ И. А. Полегаев. Сигнал. М., 1958, стр. 24.

² См. там же, стр. 25.

³ А. Тьюринг. Может ли машина мыслить? М., 1960, стр. 48.

Вторым своим примером математик Гоффман еще ближе подошел к вопросу, интересующему нас в этой главе. Представим себе две передающие радиостанции одинаковой мощности — одну поблизости (А), другую вдалеке (В) от станции приема. Сигналы станции В должны быть, соответственно закону «обратных квадратов», много слабее сигналов первой. Но современные станции приема снабжены устройством, известным под названием «автоматического контроля объема». Это устройство автоматически усиливает ослабленные расстоянием сигналы станции В, уравнивая их с сигналами ближней станции А.

Такое устройство «маскирует» действие закона «обратных квадратов», но, разумеется, не отменяет его. «Позволительно допустить, — продолжает свое рассуждение Гоффман, — что и имеющийся у человека физиологический приемник телепатических импульсов содержит нечто вроде устройства для «автоматического контроля объема», маскирующего действие расстояния». От себя добавим, что в организме роль такого «устройства» мог бы играть хорошо известный физиологам закон «все или ничего» — выравнивание физиологических ответов на сильные и слабые раздражения.

Мы можем теперь согласиться с утверждением Баррета — Корингтона о том, что для внушения на расстоянии само расстояние как будто большого значения не имеет, но согласиться с одной существенной поправкой: это происходит не потому, что внушение передается каким-то не энергетическим фактором, а оттого, что организм располагает устройствами, маскирующими проявление закона «обратных квадратов». А то, что внушается на расстоянии — телепатема, передается так, как передаются сигналы и информации, подчиняясь закономерностям кибернетических систем.

Но это не всеми еще понимается. У нас это непонятно ученым, склонным к механистическому материализму или не желающим считаться с достижениями кибернетики¹. За рубежом еще не перевелись защитники «психологических», чтобы не сказать откоро-

¹ См. Д. А. Бирюков. Миф о душе, изд. «Советская Россия», 1959, стр. 129—152.

венно спиритуалистических, гипотез мысленного внушения, отрывающих дух от материи, психику от мозга. Можно выделить еще гипотезы как бы промежуточного характера, пользующиеся понятием «психической энергии», придавая ей тот или иной физический смысл. Примером может служить гипотеза уже упомянувшегося электрофизиолога Ганса Бергера.

В небольшой книжке, изданной в 1940 г., проф. Бергер развивает гипотезу «психической энергии» как фактора, переносящего телепатическую информацию¹. Он заинтересовался этим вопросом после нескольких случаев спонтанной телепатии, имевших место в его жизни, и лично провел много опытов мысленного внушения на двухстах испытуемых.

Бергер, подобно нашему проф. Аркадьеву, полагал, что изменения электрических потенциалов в мозгу слишком малы, чтобы объяснить их участием передачу телепатической информации иногда на огромные расстояния. Он пытался показать, что электрическое напряжение, создаваемое клетками мозга, преобразуется в «психическую энергию», которая может распространяться на любое расстояние и проходить через любые встречающиеся на пути препятствия. Бергер представляет себе этот процесс как распространение волн, похожих на волны Герца, но не идентичных им. Он подразделяет телепатический процесс на три этапа следующим образом: а) электрические мозговые процессы трансформируются в мозгу индуктора в «психическую энергию»; в) эта энергия распространяется в пространстве; с) когда она достигает мозга перципиента, то снова превращается в электрическую энергию, которая вызывает физиологические процессы и связанные с ними психические переживания, соответствующие переживаниям телепатического агента.

Таким образом, носителем телепатической информации является, по Бергеру, волнообразно распространяющаяся «психическая энергия», возникающая путем трансформации биоэлектрических потенциалов в мозгу индуктора и снова переходящая в биоэлектрические потенциалы в мозгу перципиента. В пользу

¹ H. Berger. «Psyche», 1940. W. G. Roll. «Psyche» by Hans Berger. «The Journal of Parapsychology», 1960, vol. 24, № 2.

того, что на психическую деятельность, по-видимому, затрачивается в мозговых нейронах электрическая энергия, Бергер приводит два открытых им явления: во-первых, депрессию (ослабление) альфа-волн при всяком умственном напряжении и, во-вторых, увеличение биоэлектрических потенциалов (появление дельта-волн) при потере сознания, вызванной наркотическими средствами или какими-либо другими причинами.

В настоящее время эти доводы Бергера потеряли свою силу, так как упомянутые явления объясняются теперь статистическими факторами (множественностью клеточных генераторов электрических потенциалов, уменьшением или увеличением «синхронности» (одновременности) протекания этих потенциалов в отводимых к осциллографу участках мозговой коры и т. п.). Таким образом, гипотеза Бергера утратила фактические доводы в свою пользу. Некоторое сходство с нею имеет так называемая «метаэфирная гипотеза», впервые высказанная еще Фредериком Майерсом и развиваемая ныне ведущими французскими парапсихологами (Барколлье, Херумьян и др.). Согласно этой гипотезе, в мире кроме эфира (кстати сказать, отвергаемого современными физиками) существует еще эфирная среда другого порядка, дающая о себе знать в парапсихических явлениях.

Мозговая деятельность якобы способна производить колебания в «метаэфирной среде», которые волнообразно передаются через пространство и при некоторых условиях воспринимаются органами «крипстестической чувствительности», в повышенной степени присущей так называемым сенситивам (например, способным телепатическим перципиентам). Метаэфирная среда и происходящие в ней процессы мыслятся Херумьяном как своеобразная физическая среда и своеобразные физические процессы, которые пока еще не удается уловить физическими приборами, вследствие чего приходится пользоваться живым детектором — мозгом перципиента. Этот парапсихолог предлагает план изучения «метаэфирной энергии». Вот его собственные слова: «Та энергия, которая, как мы считаем, несет парапсихические восприятия (в том числе и восприятие телепатической информации.—Л. В.),

несомненно, не является ни одной из известных нам энергий. Но есть много доказательств тому, что она обладает некоторыми из их характеристик. Поэтому естественно, по нашему мнению, начать ее изучение с наименее загадочных ее аспектов. Лучшим средством ближе подойти к этой проблеме и выявить то, что в ней оказывается специфически парапсихологическим и несводимым к известным нам силам, было бы сконструировать аппараты вроде тех, к которым нас приучила кибернетика, с тем чтобы воспроизвести телепатические трансмиссии так, как они происходят в действительности, т. е. с многочисленными неудачами и характерными искажениями»¹.

В сущности такая же задача нередко встает и перед современными физиками. Они наталкиваются на явления, объяснение которых требует допущения, например, нового поля или еще неизвестных элементарных частиц внутри атома. Производятся экспериментальные поиски, делаются расчеты, иногда они увенчиваются успехом. Напомним открытие мезонного поля, которое вначале было постулировано и только через десять лет установлено экспериментально. Конечно, далеко не все в мире существующее уже познано. Открываются новые «микрополя», не выходящие за пределы атома; но нельзя разве предположить, что рано или поздно будет обнаружено и принципиально новое «макрополе», выходящее за пределы атомов, захватывающее окружающее пространство?

Некоторые крупные зарубежные ученые уже стали на этот путь исканий. Так, например, известный читателю немецкий физик Иордан (стр. 16) и д-р Б. Гоффман, в прошлом сотрудник Эйнштейна, полагают, что гравитационное поле имеет, по-видимому, некоторое сходство с той силой, которая передает телепатическую информацию: та и другая действуют на очень большие расстояния и проникают через все преграды.

В этом отношении очень большой интерес представляют элементарные частицы нейтрино, возникающие при многих ядерных реакциях. Как известно, ча-

¹ R. L. Khérumian. Réflexions sur l'état actuel et les perspectives de la parapsychologie. «Revue Métapsychique», 1959, vol. II, № 9, p. 3.

стицы нейтрино не несут электрического заряда и движутся со скоростью, очень близкой к скорости света. Масса покоя этих частиц, по некоторым данным, равна нулю, вся их масса обуславливается лишь энергией поступательного движения. Эти частицы могут поэтому пронизывать огромные толщи материи. Слабый поток частиц нейтрино приходит на землю от солнца и звезд и беспрепятственно проходит через земной шар. Если бы в мозге по ходу нервно-психических процессов возникали такие частицы, если бы они раздражали нейроны другого мозга, то по своим физическим свойствам нейтрино могли бы, пожалуй, служить переносчиком телепатемы, которая тоже не имеет преград. Но эти «если бы» не только не оправданы опытом, но и невероятны по существу. Приведенные примеры, ничего пока не решая, показывают, что вопрос об энергетической природе мысленного внушения — не праздный вопрос: он начинает занимать умы выдающихся представителей современной науки, и в этом — гарантия того, что так или иначе, рано или поздно он будет разрешен.

XII. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Окончательное установление внушения на расстоянии как неоспоримого факта и выяснение физической природы передающего фактора имело бы не только большое естественнонаучное, но и философское, мировоззренческое значение. По разным поводам мы уже указывали на это в предшествующих главах (в I, V и XI). Читатель знает, что зарубежные ученые и философы, склонные к идеализму, охотно берут телепатию себе на вооружение, считая ее веским фактическим доводом в пользу своих концепций. Среди философов и ученых у нас и за рубежом преобладают априорные отрицатели телепатии, считающие ее еще не изжитым суеверием, чем-то несовместимым с материалистическим мировоззрением. По этому вопросу на страницах советских научно-популярных журналов недавно разгорелась борьба мнений.

Так, проф. Д. А. Бирюков, физиолог, заканчивает свою статью, озаглавленную «Передача мысли невозможна», словами: «Мышление есть свойство мозговой материи и неотделимо от нее. С этой точки зрения постановка вопроса об отделимости мысли от мозга, ее передача исключается»¹. «Но это вовсе не значит, — возражает ему проф. В. П. Тугаринов, философ, — что мысль нельзя передавать другому. Ведь передается информация о содержании мысли. И носителем информации является вещественный фактор — волны, излучения, письменные знаки... Если бы сторонники телепатии искали способы передачи мысли без материального агента, это было бы бессмысленно и абсурдно. Большинство ищет новые виды материального движения для передачи мысли. Их опыты отнюдь не противоречат научному взгляду на мир, выражаемому марксистским мировоззрением»².

Д. А. Бирюков выдвигает еще и другое положение, исключаящее, по его мнению, возможность мысленного внушения. Мысли, правильно замечает он, существуют у нас в форме слов. Слова же всегда принадлежат какому-либо национальному языку, между тем как мозговые процессы лишены национальных признаков. Следовательно, заключает проф. Бирюков, передача мыслей на расстояние опять-таки невозможна.

По-видимому, Д. А. Бирюков, утверждая это, был сбит с толку неудачными выражениями — «передача мыслей», «мысленное внушение», часто употребляемыми парапсихологами. Телепатически передаются не понятия, не суждения или умозаключения, не то, что в строгом и тесном смысле можно назвать мыслями; передаются всегда только ощущения, образы — зрительные и всякие другие, чувства разного рода и побуждения к действию.

В выдержке из письма, приведенной на стр. 58, проф. К. И. Платонов категорически заявляет: словесный мысленный приказ «Засыпайте! Спите!» всегда остается безрезультатным; для достижения положительного результата внушающий должен возможен

¹ «Знание — сила», 1960, № 12, стр. 21.

² «Знание — сила», 1961, № 7, стр. 22.

более ярко вообразить себе образ перципиента и при том так, как будто бы перципиент уже заснул. То же самое пишет и д-р Котков (стр. 58). Надо раз навсегда уяснить себе коренное различие между обычным словесным внушением гипнотизеров и телепатическим бессловесным внушением. Каждый народ говорит на своем национальном языке, но язык образов — язык искусства — интернационален, его понимают все. Такое же точно различие существует между словесным и бессловесным внушением: первое воспринимается только знающими тот язык, на котором оно дается; второе в принципе может быть воспринято всеми, даже детьми, даже, быть может, высшими животными, как утверждал В. М. Бехтерев.

В опытах, организованных в международном масштабе, французские, немецкие и польские индукторы успешно внушали различные рисунки афинским перципиентам. Не могли же последние знать три иностранных языка — французский, немецкий, тем более польский. А афинские индукторы с таким же успехом отправляли свои внушения французским, немецким и польским перципиентам, не звавшим ни слова по-гречески (см. стр. 134).

Для тех, кто достаточно знаком с учением И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, к уже сказанному добавлю: словесное внушение относится ко второй сигнальной системе, лежащей в основе логического, всегда словесного, мышления; когда же мы говорим о внушении на расстоянии, то имеем в виду первую сигнальную систему, т. е. образное предметное мышление, ассоциации образов, а не логику понятий, суждений и умозаключений.

Весь приведенный в данной брошюре фактический материал свидетельствует о том, что это именно так и есть. В проводимых ныне опытах по внушению на расстоянии испытуемым, спящим или бодрствующим, обычно передаются рисунки или зрительные образы предметов, те или иные движения, поступки, чувства, но совсем не «мысли», в прямом и тесном смысле этого слова. Что касается отдельных слов и их сочетаний, то они изредка имеют место в случаях спонтанной телепатии. Тут надо вспомнить, что слова в некоторых случаях бывают сигналами, относящимися не ко

второй, а к первой сигнальной системе. Простыми условными раздражителями они могут быть для дрессированных животных, для маленьких детей, у которых еще не развилась вторая сигнальная система, для слабоумных взрослых, да и для нормальных людей в состоянии сна. Во второй главе приведены случаи спонтанной телепатии, в которых перцепиенты воспринимали слова индуктора в своих сновидениях или в просоночном состоянии (см. стр. 24—25, 29); но ведь во время сна вторая сигнальная система заторможена и действует одна только первая сигнальная система. Примером телепатической передачи слова, как простого условного раздражителя, может служить случай, описанный проф. де Ти: произнесение ее слабоумным братом ничего не говорящего ему названия городка Эстрепаньи (см. стр. 32).

Несравненно более частая передача на расстоянии зрительных и всяких других образов, чем слов, подтверждает правильность высказанной мною в девятой главе мысли, что телепатическая связь отнюдь не является последним достижением эволюции. Ведь в процессе эволюции вторая сигнальная система появилась позже первой. Непрерывно подтормаживая в бодрственном состоянии более древнюю первую сигнальную систему, она ограничивает у человека проявление внушения на расстоянии, как в отношении индукции, так и перцепции.

Все это имеет несомненный интерес для естествоведов. Для философа же важнее подчеркнуть другое: телепатическая перцепция, если она будет окончательно установлена, явится единственным средством непосредственного познания чужой психики, по крайней мере некоторых психических переживаний (относящихся, по Павлову, к первой сигнальной системе). Иных средств современная наука не знает. Одно время возлагалась надежда на расшифровку электроэнцефалограмм в целях проникновения в содержание психики другого лица, но надежда эта не оправдалась. О содержании чужой психики мы можем судить только косвенным образом — по аналогии с самим собой. Например, мой собеседник говорит что-либо смешное, шутит, смеется; по собственному опыту знаю, что, когда сам веду себя подобным образом, мне

бывает весело, я переживаю некое своеобразное чувство. Значит, заключаю я по аналогии с самим собой, в данный момент такое же чувство переживает и мой собеседник. Но это не доказательство: ведь хороший актер может отлично изобразить все внешние признаки веселости, хотя на самом деле ему, быть может, совсем не до веселья.

«Чужая душа — потемки», — говорит народная мудрость. А известный в свое время профессор философии А. И. Введенский, основываясь на рефлекторной теории поведения животных и человека, выдвинул тезис об «отсутствии объективных признаков чужой одушевленности». Нельзя, мол, доказать, что другие люди не рефлекторные автоматы, а такие же, как я сам, одаренные психикой существа. И никто в то время не смог представить таких доказательств, никто не догадался заявить, что экспериментальное доказательство одушевленности другого лица в принципе может быть дано опытами бессловесного внушения и случаями спонтанной телепатии. Овладение телепатическими явлениями обещает расширить наши познавательные возможности и как раз в той области знания — психологии, — где они так ограничены.

Строго научное изучение различных проявлений внушения на расстоянии имеет также идеологическое, антирелигиозное значение. В капиталистических странах эти явления сплошь и рядом используются как веский довод, подкрепляющий суеверные представления о душе, о «власти духа над материей». У нас в широких кругах населения интерес к внушению на расстоянии питается происходящими в обыденной жизни явлениями спонтанной телепатии. Ее проявления имеют место и в наши дни, у советских людей, освободившихся от суеверных религиозных представлений. Явления эти настоятельно требуют научного объяснения. Их отрицание или замалчивание приносит не пользу, а вред: «Шила в мешке не утаишь». Это понимали и понимают многие выдающиеся представители советской культуры — ученые и писатели, в том числе и К. Э. Циолковский.

Сейчас еще трудно гадать о том, какое значение для науки и жизни имело бы практическое овладение явлениями бессловесного внушения и выяснение осущес-

ствляющего его фактора. По этому вопросу высказываются различные мнения — пессимистические и оптимистические, однако преобладают первые. Например, проф. Эмилио Сервадио (E. Servadio) считает, что «явления телепатии мало влияют или совсем не влияют на развитие нашей культуры; они несравненно менее полезны, чем обычные средства коммуникации; никто не сомневается в том, что любой случай телепатии, каким бы поразжающим он ни был, несравненно менее точен и удобен для установления связи, чем телеграмма или телефонный вызов»¹. Телепатическая связь может быть полезной для некоторых животных, могла быть полезной для людей до изобретения современных средств коммуникации, но теряет свое значение в условиях современной жизни.

Непредвиденно большое, можно сказать, огромное для науки и жизни значение внушение на расстоянии получило бы в том случае, если бы оказалось, как мы и полагаем на основании своих опытов, что телепатическая связь осуществляется каким-то еще неизвестным нам видом энергии или фактором, присущим только наивысшей форме развития материи — веществам и структурам головного мозга. Установление такой энергии или фактора было бы равноценно открытию внутриатомной энергии.

Именно на это должны быть направлены главные усилия исследователей внушения на расстоянии. До решения этого вопроса еще далеко, но уже и теперь в зарубежных странах предпринимаются некоторые попытки использовать бессловесное внушение для мирных целей и, как можно заключить по некоторым газетным сообщениям, для целей войны.

Так, например, в Голландии были проведены обширные исследования телепатической перцепции у детей младшего школьного возраста (10—12 лет) ван Бушбахом² и дошкольного возраста (4—6½ лет) ассистенткой Парансихологического института в Утрехте Лоуверенс³. Задача этих двух исследований состояла

¹ Цит по кн. R. Amadou. La Parapsychologie. Paris, 1954, p. 330.

² J. G. van Busschbach. Tijdschrift voor Parapsychologie, 1950.

³ N. G. Louverence. ESP—Experiments with Nursery-School Children in the Netherlands. «The Journal of Parapsychology», 1960, vol. 24, № 2, p. 75.

в выяснении вопроса: возможно ли использование бессловесного внушения в целях воспитания детей. Результаты во многом совпали. Оказалось, что личность воспитателя, его умение завоевать симпатию и любовь детей являются важными факторами в получении успешных результатов при проведении опытов бессловесного внушения. При этом девочки, за немногими исключениями, дали значительно более высокие результаты, чем мальчики.

Вот некоторые условия и конкретные результаты опытов Лоуверенс. Вместо обычных карт Зенера дошкольникам мысленно передавались цветные рисунки игрушек: кукла, мяч, грузовик, олень и башня из деревянных брусков. Инструкция давалась детям в форме сказки. Воспитатель, скрытый от детей экраном, смотрел на одну карту за другой (в соответствии со случайно выбранным порядком), а каждый ребенок старался выбрать при каждой пробе из кучки картинок ту, на которую, как ему казалось, смотрит находящийся за экраном воспитатель. В опытах с индуктором-воспитателем принимало участие 684 ребенка из 15 классов. Общее число проб — 17 000 (684 серии по 25 проб). Из них было получено 3703 угадывания вместо следуемых по теории вероятностей 3420, т. е. с положительным отклонением, равным 283. Вероятность того, что этот результат случаен, очень мала; она выражается числом — 0,00000006. В контрольных опытах при участии тех же детей индуктором была сама Лоуверенс — почти незнакомый для детей человек. Участвовало 420 детей из 10 классов; общее число проб — 10 500 (420 серий по 25 проб). Эти опыты дали результат, который надо было признать случайным, что еще более подчеркивает значение непосредственной психической связи между воспитателем и воспитуемыми. Из приведенных фактических данных можно сделать вывод, что воспитатель воздействует на своих воспитуемых не только словом и личным примером, но и бессловесным телепатическим влиянием, сам об этом не подозревая. Это неподотчетное влияние может действовать на воспитуемого исподволь, не вызывая его сопротивления и протеста, и даже тогда, когда воспитатель отсутствует. К этому надо добавить, что словесные внушения, производимые во время ночного

сна воспитуемого, уже давно применяются родителями в некоторых странах¹.

Наряду с этими мирными начинаниями в капиталистическом мире зреют и агрессивные замыслы. В первой главе уже упоминалось о статье французского журналиста Жака Бержье «Передача мысли — оружие войны». В ней не только описываются опыты на борту подводной лодки «Наутилус» (подлинность которых нам подтвердить не удалось), но и приводятся некоторые настораживающие выдержки из американских газет. Вот что писал об этом Бержье.

«В то время, когда сигналы «бип-бип» первого спутника звучали над миром (читай: капиталистическим.— Л. В.), как погребальный колокол, наиболее крупные американские ученые пришли к заключению, что наступило время начать действовать во всех тех направлениях, которыми русские пренебрегают. Американская наука обратилась к общественному мнению. 13 июля 1958 г. в воскресном приложении к нью-йоркской «Геральд трибюн» была опубликована статья крупным военным специалистом американской прессы Анселем Тальботом». Он писал:

«Для военных сил США, без сомнения, очень важно знать, может ли энергия, испускаемая человеческим мозгом, влиять на расстоянии тысяч километров на другой человеческий мозг. Было произведено строгое научное исследование этого явления, которое, как и все порождаемое живым организмом, обусловлено энергией, возникающей в организме при окислении пищевых веществ. Овладение этим явлением может дать новые средства сообщения между подводными лодками и наземной базой, а также, быть может, один прекрасный день и между путешественниками межпланетного пространства и Землей»².

Благодаря этой статье и докладам многих ученых было якобы принято решение открыть лаборатории, посвященные исследованиям в области парапсихологии в крупнейших исследовательских центрах США, рабо-

¹ См. об этом в моей книжке «Таинственные явления человеческой психики», стр. 42—43.

² J. Bergier. La transmission de pensée-arme de guerre. «Constellation», 1959, № 140, p. 99.

тающих на войну, в том числе и в корпорации (акционерном обществе) Вестингауза.

Это сообщение подтверждается другой заметкой, помещенной в той же газете: «Электрическая корпорация Вестингауза имеет ученых, которые серьезно занимаются изучением возможности существования сознательной (в отличие от спонтанной.— Л. В.) телепатии и других форм экстрасенсорной (внечувственной.— Л. В.) перцепции для систем связи на значительные расстояния. Это направление исследований оценивается сотрудниками Вестингауза как «очень многообещающее», однако потребуются проделать очень большую работу, чтобы подойти к чему-либо практически ценному»¹.

С другой стороны, ведущий американский парапсихолог д-р Райн в заметке издаваемого им бюллетеня сообщает, что на его запрос об опыте на борту «Наутилуса» «авторитетные лица из Вашингтона заявили, что они ничего не знают ни о каком подобном эксперименте». Кроме того, он отрицает финансирование государством парапсихологических лабораторий в США и в других западных странах. По-видимому, такие лаборатории содержатся там на частные пожертвования и общественные средства. Это видно из следующих знаменательных слов того же бюллетеня:

«Западному миру пришлось пересмотреть свое мнение о науке в СССР за последние годы. Второе событие, на этот раз связанное не с завоеванием космоса, а, скорее, с природой самого человека, придется приписать советской науке. Но если большинство астрофизиков, несомненно, предвидело заранее, что Россия отправит первого человека в космос, то никакой западный парапсихолог не предвидел, что именно русский университет первым организует исследовательскую парапсихологическую лабораторию, финансируемую государством. Все же это случилось в прошлом году в Ленинградском государственном университете по инициативе профессора Л. Л. Васильева, заведующего кафедрой физиологии, члена-корреспондента Академии медицинских наук. Работа носит название «биоэлектроники», «мозговой связи» или, в вольном

¹ Joan Stevenson. «Harper's Magazine», June 1959, p. 24.

переводе, «умственного радио»¹. Далее следует краткое изложение результатов моих с сотрудниками исследований по внушению на расстоянии сна и пробуждения с применением экранирования металлом (по статье в советском журнале «Знание — сила», № 12 за 1960 г.).

Трудно решить, что в приведенных французских и американских сообщениях правда, а что вымысел. Ясно одно: пренебрегать подобными исследованиями не следует.

* * *

В заключение считаю для себя обязательным откровенно высказать свои собственные суждения по главным затронутым в брошюре вопросам, основываясь на личном многолетнем опыте и тщательном изучении многочисленных литературных данных. Располагаю свои суждения в порядке следования глав.

I. Восемьдесят пять лет экспериментального исследования² оказались недостаточным сроком для всеобщего признания внушения на расстоянии научно установленным фактом. Некоторые авторы считают, что, раз за такой длительный срок этого не произошло, значит, дальнейшие старания не нужны — внушения на расстоянии не существует. Такое заключение, конечно, неосновательно: вопросы психологии разрешаются весьма медленно. Понадобилось целое столетие (с конца XVIII по конец XIX века), чтобы убедить ученый мир в реальном существовании словесного внушения и гипнотического сна — явлений более обычных и легче вызываемых, чем внушение на расстоянии.

II. Случаи спонтанной телепатии часто более похожи на «страшные рассказы» писателей-фантастов, чем на обычный «фактический материал» ученого. Естественно, что это отталкивает, кажется несерьезным. На самом же деле случаи спонтанной телепатии

¹ Parapsychology in Russia. «Parapsychology Bulletin», 1961, № 57, p. 1.

² Считая с 1876 г., когда проф. Баррэт впервые доложил результаты своих опытов по мысленному внушению в научном обществе.

нередко бывают удостоверены архивными документами и показаниями живых свидетелей не хуже, чем исторические факты и данные судебного следствия, на основании которых устанавливается виновность в содеянном преступлении. Различие, правда, в том, что первые выходят за рамки обычного, а вторые уместаются в них. Тем не менее случаи такого рода надо точно записывать и тщательно расследовать, учитывая все то, что может удостоверить или, напротив, опровергнуть их подлинность. Эти материалы приобретут немалую ценность, если удастся неоспоримо установить реальность внушения на расстоянии экспериментальным методом.

III. Наибольшую доказательную ценность, несомненно, имеют современные количественные методы установления внушения на расстоянии, допускающие подсчет степени вероятности получаемых результатов. В настоящее время исследователи многих стран накопили обширный, методически надежный фактический материал, который, я полагаю, если еще не окончательно разрешает вопрос, то, во всяком случае, делает его положительное разрешение в высокой степени вероятным. Нужно самому немало поработать экспериментально, чтобы убедиться в существовании внушения на расстоянии. Лично я в этом убедился.

IV. Между случаями спонтанной телепатии и результатами опытов по внушению на расстоянии имеется не качественное, а всего лишь количественное различие. Первые вызываются мощными переживаниями человеческой личности, и такие же переживания потрясают и перцепивента — это макротелепатические явления. То, что мы получаем в экспериментах, всего лишь слабая тень этих естественно происходящих явлений. Однако описаны переходные формы: спонтанные явления могут принимать микротелепатический характер, а явления, вызываемые экспериментально, иногда возрастают до степени телепатических галлюцинаций.

V. Чтобы по возможности овладеть явлениями внушения на расстоянии, надо знать и соблюдать при постановке опытов все те условия, при которых эти «капризные» явления происходят с достаточной выразительностью и постоянством. Вопрос об условиях те-

лепатической перцепции можно считать разрешенным: гипноз, ночной сон, просоночное состояние способствуют восприятию внушения на расстоянии. Спорным остается вопрос об условиях телепатической индукции: перципиенту могут передаваться отчетливо сознаваемые, волевые, эмоционально окрашенные внушения индуктора; но не менее редки и случаи восприятия перципиентом таких переживаний индуктора, какие последний и не думает внушать перципиенту; более того, не подлежит сомнению, что иногда лучше всего передаются перципиенту вовсе несознаваемые индуктором, «подсознательные» образы и влечения. Поэтому я считаю правильным различать две разновидности внушения на расстоянии: в первой активную роль играет индуктор, во второй — перципиент; последнюю некоторые авторы называют «чтением мыслей» в отличие от «передачи мыслей».

VI. По вопросу о характере телепатической связи существует два мнения: одни авторы придают большое значение «психологической сонастроенности» индуктора с перципиентом; другие считают, что хороший перципиент способен улавливать бессловесные внушения разных индукторов, как известных ему, так и неизвестных. Наши экспериментальные данные подтверждают первое мнение: удачный подбор «телепатических пар» повышает успешность опытов. Мы также пришли к заключению, что между индуктором и перципиентом устанавливается не односторонняя, а двусторонняя связь: с одной стороны, индуктор должен направлять внушение на данного, заранее известного ему перципиента; с другой стороны, перципиент узнаёт по воспринимаемому им внушению — кто именно в данный момент выполняет роль индуктора. Получается нечто вроде обратной связи, которой физиологи и кибернетики придают такое большое значение.

VII. Есть более или менее «сильные», искусные гипнотизеры и более или менее внушаемые гипнотики. Подобно этому существуют одаренные индукторы и одаренные перципиенты. У последних, по нашим данным, наблюдается некоторая специализация: одни лучше воспринимают бессловесно внушаемые им образы, другие движения и поступки, третий бессловесно внушаемые сон и пробуждение. Психологические и

типологические особенности индукторов и перципиентов резко разнятся, что не препятствует, а способствует установлению телепатической связи. У хороших индукторов отмечается повышенная способность произвольно вызывать у себя яркие и устойчивые образы — зрительные, двигательные и др. Для одаренных перципиентов, по-видимому, характерна ослабленность, податливость так называемой «цензуры»; это способствует переходу подсознательного в сознание. Создается впечатление, что телепатическая одаренность скорее врожденное свойство, чем приобретаемое в течение жизни. Однако имеются экспериментальные данные, говорящие о возможности упражнять способности к телепатической перцепции и индукции.

VIII. По нашим данным, самой показательной, дающей наиболее постоянные результаты является «гипногенная методика» внушения на расстоянии — бессловесное погружение перципиента в гипнотический сон с последующим бессловесным пробуждением. К сожалению, подходящие для таких опытов испытуемые встречаются редко. Убедительные результаты дает и методика мысленного внушения неподотчетных сознанию перципиента движений, например качений тела при стойке, а также других уже чисто физиологических реакций, регистрируемых приборами физиологов. Это наиболее примитивные формы телепатической перцепции у человека, обычно остающиеся под порогом сознания перципиента. Но и на более высокой ступени, когда воспринятая телепатема перципиентом осознается, подсознательная сфера играет большую роль. Она обычно является первоначальным приемником телепаты, которая затем передается сознанию, но далеко не всегда, иногда с задержкой, часто в переработанном символическом виде.

IX. Бессловесное внушение является достоянием не одного лишь человеческого рода. В различных примитивных формах общение на большом расстоянии при посредстве или без посредства органов чувств присуще некоторым животным, как позвоночным, так и беспозвоночным. Это бывает тогда, когда такое общение жизненно необходимо или хотя бы полезно. Оно осуществляется у животных посредством передачи той или иной физической энергии — электромагнитных

волн разной длины, инфракрасных лучей и, может быть, других еще не известных нам энергетических факторов. По вопросу, является ли внушение на расстоянии прогрессирующим свойством человеческого рода или, напротив, свойством регрессирующим, возрождающимся у некоторых лиц в виде атавизма, высказываются разные суждения. Мы приводим ряд доводов в пользу второго решения этого вопроса.

X. Важнейшим в настоящее время является вопрос о природе фактора, передающего внушение на расстоянии. Для материалиста этот фактор может быть только энергетическим. Электромагнитная гипотеза, выдвинутая 70 лет назад, до сей поры остается не доказанной экспериментально. Следовало ожидать, что надежное экранирование металлом индуктора или перцепиента будет прекращать проявление внушения на расстоянии, если оно передается электромагнитными волнами короткой или средней длины, и ослаблять его, если передатчиком являются длинные волны. Наши тщательные и продолжительные исследования, проведенные под контролем авторитетных физиков, не показали ни того, ни другого: опыты с экранированием индуктора железом или свинцом, выполненные с применением «гипногенной методики» на двух пригодных для этих опытов испытуемых, были столь же результативны, как и контрольные опыты с теми же испытуемыми, проведенные без экранирования индуктора. Это ставит электромагнитную гипотезу под сомнение.

XI. Для решения того же вопроса очень важны опыты передачи мысленного внушения на сверхдальние расстояния (сотни и тысячи километров). Если передача осуществляется каким-либо энергетическим фактором, то результативность таких опытов должна снижаться пропорционально квадрату расстояния между индуктором и перцепиентом, т. е. снижаться очень заметно. Однако такого снижения результатов с увеличением расстояния экспериментально установить не удалось ни нам, ни большинству зарубежных исследователей. Это может означать или то, что передающий внушение фактор имеет не энергетическую, а какую-то совсем иную природу (что для материалиста неприемлемо), или же то, что передача телепатической информации осуществляется по законам кибернетических

систем. В частности, вместе с кибернетиком Б. Гоффманом можно предположить, что мозг обладает структурами или функциональными свойствами, маскирующими действие закона «обратных квадратов». Подобные устройства используются в радиотехнике (автоматический контроль объема информации). В организме роль такого устройства мог бы, например, играть хорошо известный физиологам закон «все или ничего» — выравнивание физиологических ответов на сильные и слабые раздражения.

XII. Теоретическое и практическое значение проблемы внушения на расстоянии зависит от того, в каком духе будут разрешены вопросы, отмеченные в предыдущих пунктах, особенно вопрос о природе передающего фактора. Если, паче чаяния, он разрешится в пользу километровых радиоволн (волны средней и малой длины нашими опытами с экранированием индуктора исключаются), то это будет выгодно, быть может, в практическом отношении (возможность искусственного воспроизведения подобных же волн большой интенсивности), но не очень интересно в отношении теоретическом (мозговая радиосвязь не более того). Несравненно больше может дать науке окончательное опровержение электромагнитной гипотезы внушения на расстоянии. Тогда, естественно, встанет вопрос о продукции самой высокоорганизованной материей — материей мозга — еще неизвестного фактора, надо думать, по своей природе энергетического. Из характерных его свойств мы уже теперь можем указать два: распространение на большие расстояния и проникновение через любые препятствия. Такими свойствами обладают потоки частиц нейтрино и всемирное тяготение, но ничто не говорит о том, что эти факторы как-нибудь связаны с работой мозга. Значит, надо искать что-то другое, новое. В истории науки не раз уже случалось, что установление новых фактов, необъяснимых тем, что известно, влекло за собой приоткрытие непредвиденных сторон бытия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- I. История вопроса. Основные понятия
- II. Случаи из обыденной жизни, принимаемые за внушения на расстоянии
- III. Экспериментальное установление внушения на расстоянии
- IV. Сравнение житейских случаев с результатами опытов
- V. Поиски наилучших условий опытов
- VI. Телепатическая связь
- VII. Телепатическая одаренность
- VIII. Физиологические исследования внушения на расстоянии
- IX. Явления «биологической телесвязи» у животных
- X. Электромагнитная гипотеза внушения на расстоянии
- XI. Опыты на очень большом расстоянии
- XII. Теоретическое значение и возможные практические применения

Васильев Леонид Леонидович.

ВНУШЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ. (Заметки философа).
Госполитиздат, 1962. (Философия и естествознание).
160 с. с илл.

Редактор А. Поляков

Художественный редактор С. Голубев

Технический редактор Т. Климова

Ответственные корректоры М. Георгиева, В. Сосновский

Сдано в набор 29 декабря 1961 г. Подписано в печать 4 января 1962 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5. Условн. печ. л. 8.
Учетно-изд. л. 8,13. Тираж 120 тыс. экз. А 04162.
Заказ № 3180. Цена 20 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Минкультуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.